Orsa Centrum

Паломничество в Священную Францию

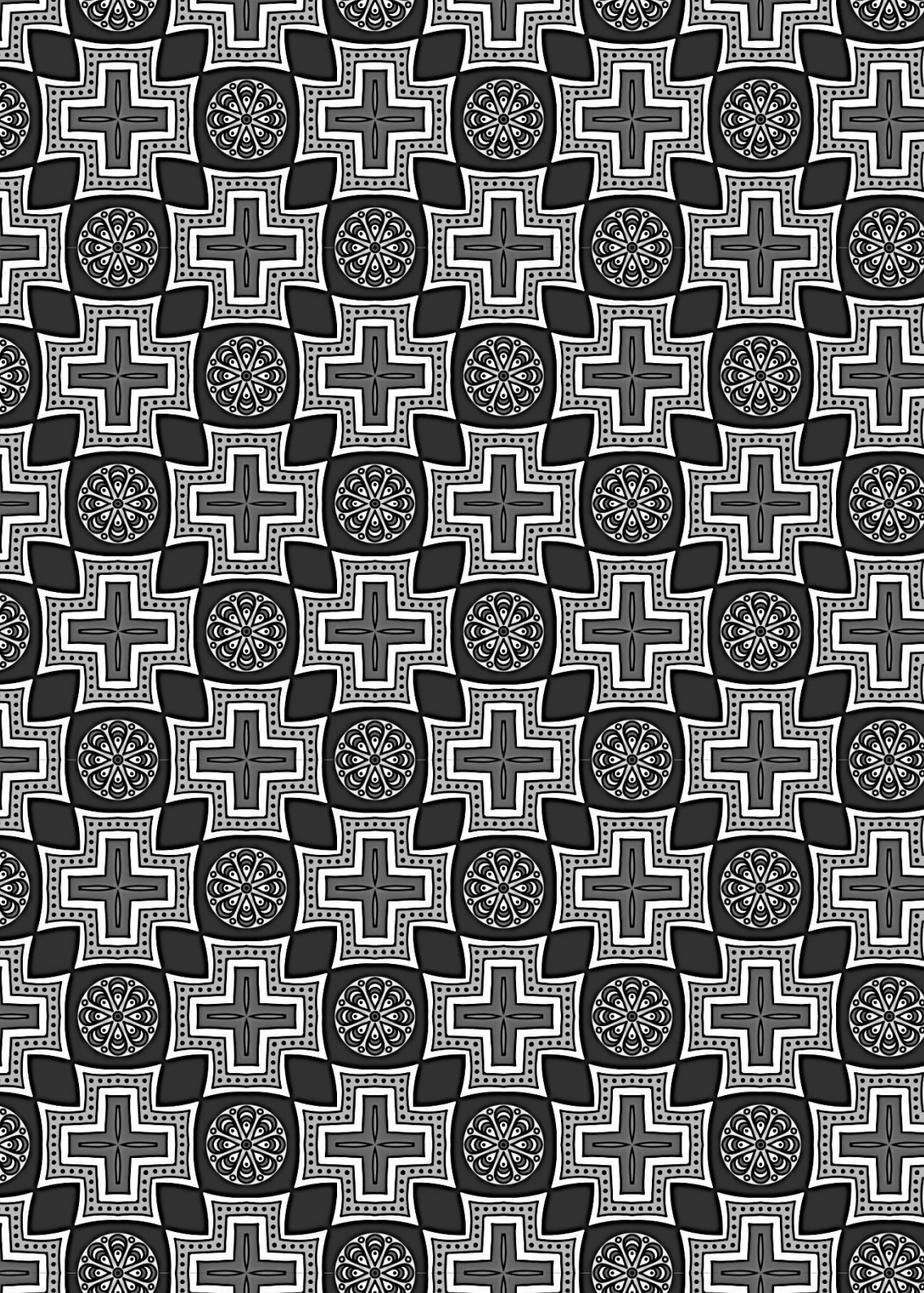
Краткое оглавление

Введение 5

Часть 2. Паломничество в Священную Францию 8
Часть 3. Увязывание и Фиксация 128
Часть 1. Подготовка к пилигримажу 139

Заключение: Печать Везле 209

Часть 4. Трактаты 211



Введение

Данная книга — своеобразное произведение перекрестного жанра. Основная ее цель — создать ситуацию активного сновидения, хотя и большинство событий, описываемых здесь, имели место быть в том, что местные называют «реальностью».

Сия книга — как бы продолжение «Паломничества в Священную Европу», она о Делании, о безусильном Творчестве, о Пути Истины и к Истине, в конце концов — о «тайнах Соборов». Сии страницы — своеобразный дневник паломничества; такая форма истечения Знания Вечного Сентября очень личная, от Сердца к Сердцу. И она подразумевает возможность со-резонанса, соучастия и весьма вероятно схождение субтильных светов, Вашего и нашего, хотя бы на время, в одно созвездие.
В определенном смысле, последнее, в какой-то мере, и есть Посвящение.

Именно потому здесь, в данной книге, происходят перехлесты снов и яви, метафорические намеки провоцируемыми состояниями соседствуют с очень конкретным изложением определенных внутренних доктрин...

Витиеватостей и «красивостей текста» нет вообще: определяющими в стилистике языка сего дневника стали не литературные стандарты, его характеристики или параметры — но требования излучения состояний («как пальца, указующего на Луну Мудрости»).

Ключевые слова:

— Грааль (как Корень светопроявления);

— Авалон (особое чистое измерение проявления);

— Рыцарь — главный актор Делания (союз архэ Воина (Действие) и Монаха (Созерцание));

— Алхимия Вечного Сентября, как способ жизни в восхищении Лабиринтом;

— Паломничество: опус ускорения и усиления Особых Огней;

— Искусство — превращение Особых Огней в Тайные;

— Война — опус познания Ясности через Контраст (отсюда Искусство Воина);

— Соитие: Двое стали одним — мастерство Третьего в Пути самовозврата к безыскусной Полноте, неотличимой от всепроявляющей Пустоты;

— Вечность, Мгновение, единство Вечность-Мгновение — как формы очень качественного Времени (а последнее, исчезновение Времени вообще...);

— Время-Место-Человек: оперативная триада обстоятельств и Храм, как оплодотворяющий сие пространство, фаллос;

— единство Экстаза и Энтаза при начальных опусах отдельного распознавания каждого элемента сего уравнения;

— режим «Делания в тайне», как способ адекватного взаимодействия с социо-культурной средой, своеобразная «тропа разведчика»;

— ...

Книга эта, пожалуй, логична в трёх частях:

1) «Подготовка»;

2) «Авалон Проявляется» (или: «Хождение Домой»);

3) «Фиксация в Дни упавшего Солнца».

Она, если быть точно откровенным, вряд ли сообщит Вам уж очень что-то конкретное: скорее — может (при определенных условиях) нарушить инерцию Вашего ложного покоя пребывания в сетях Демиурга.

Не ищите легкого чтения: текст свит так, чтобы даже его прочтение, местами было духовным упражнением по развитию качественного внимания. Написано все в режиме Смешанных и читателю предлагается не получить готовое, но самостоятельно добыть руду и выплавить из неё свою композицию...

Порядок глав.

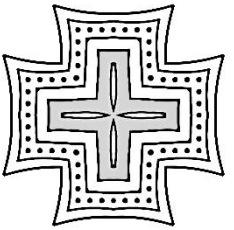
Первый объём, сначала в книге — «Паломничество в Священную Францию» (внешнее название); «Авалон проявляется...» (внутреннее); есть ещё и Тайное... Это: ЧАСТЬ 2; главы с 16 по 47.

Потом — увязывание и Фиксация: ЧАСТЬ 3; главы 48-49.

И в конце: Подготовка, ЧАСТЬ 1; главы с 1 по 15.

Вот такая странная композиция...

Впрочем — не более странная, чем наша жизнь.



Часть 2
Паломничество в Священную Францию

ГЛАВА 16
ТЕЛЕПОРТАЦИЯ В БЕЛИЗНУ

Вроде вся подготовка завершена: визы получены, билеты на месте, А. и Б. почти собраны и готовы к отбытию. Скоро — в аэропорт; день приготовлений: понедельник. Сегодня снег и холод; я возвращаюсь к снам прошлого и И-Цзин говорит, что будут препятствия. Визит к одному из мастеров, у которого я когда-то обучался кунг-фу: все то же — «железные рубашки», разговоры о мастерах, стилях и цигун. Некая лаборатория, завод: цикл воспроизведения Силы. Соблазны обладать доспехами даже в отсутствии металла на теле; интересно, а какова цена (ведь она есть всегда)?

Река разговора катит свои волны, челны сюжетов и толкований о старых знакомых содержат множество подводных персонажей; «охота за силой» — и правду тебе тут никто не скажет. Мир воинских искусств весьма специфичен...

Та сторона приглашает: открыта дорога. Знаковой снежинкой сошёл сердолик.

Камень Сердца.

Он приходит два раза: в виде скребка для специфических очищений и как шесть каменьев серебряного Креста.

Как ни странно, оказывается близок мне ритмически; камень Изиды. Мы скоро отбываем в Париж и его имя, порою, трактуют как Par ISIS, что-то вроде «места Изиды»; а Нотр Дам де Пари, — Собор Нашей Дамы...

Горят три зеленые свечи, образ Жанны Французской...

Скоро.

Нагнетаются значения и обретают остроту вопросы к своей судьбе. Узреваешь: каждому своё и счастлив тот (бог такой), кто точно осязает сие «своё»...

Вечный Сентябрь давно ответил на все хитросплеты сомнений формулой равновесия Магии (а ее составной частью и являются искусства Воина) и Мистики. Тонкая композиция Четырёх Роз жаждет причастиях Нашими Храмами. Что-то клубится в эфире и я чувствую некоторое замешательство; как перед прыжком. Через пропасть. Логика и часть моего определенного «я» жаждет «кормить кулак»; сердце, по трамплину сердолика предвкушает тропы к Храмам. Понимаю: искушение. Искушение нарушить равновесие композиции Делания. Никто просто так никуда не пустит.

Интересно: какой такой деятель назвал такси «Авалон»? Тем не менее, едем. Быстро; водила мрачный; аэропорт.

Заходим.

Атмосфера своеобразна: какое-то возбуждение соседствует больничной стерильности и эстетике склада вкупе с ангаром. У большинства граждан чуть приподняты брови: видимо, чтобы легче было взлететь. Или: они уже по жизни взлетели. Знакомые чемоданчики на колёсиках — умиление. Ещё ничего нету, ждём. Присели.

У аэропорта другое настроение, чем у вокзала ж/д: не бурлит связями, не пахнет поездами, но как-то ампутировано от духов земли. Интересные ворота...

Мы спакованы легко: у каждого только небольшой рюкзачок. Спутники одеты в синеватые тона, я, в целом, тоже, однако — любимые камуфляжные разводы несколько уже разотождествлены с войной и потому на мне в виде куртки. Всегда рассматривал одежду через призму аскезы функциональности; исключение — рисунки на футболках (их, как и нас, три: Тигр, Рыцарь и Козак Мамай). Книги, как всегда, в дорогу со мной: лэ Марии Французской и Эвола («Оседлать Тигра» и «Герметическая Традиция»), — все в плоти листов и в зеве кита рюкзака. А также: Цветущий Крест и Крест с шестью Сердоликами...

Посадка: длинная, нудная процедура с запрелым воздухом; однако — по дороге в терминал ловим след горностая (значит: все хорошо и нам туда).

Полет. Уже наученный прошлыми перелетами, беру вина. Наблюдаю облака, ныряю в сон, ощущаю 50% дыхания смерти. Посадка.

Амстердам.

Длинная нудная процедура входа в Европу. Нас хорошо обыскивают, достают мой зонт. Удивляются: открывают — он уже старенький и кое-где тронут ржавчиной. Сотрудница, проводящая обыск, крутит моим зонтом и имитирует танец: наверное, типа, они с таким не ходят и выбрасывают сразу.

Мне — по херу: их высокомерное отношение, их порядки и всецелое отсутствие нормальной мужской радиации. Я знаю зачем еду и еду я не к ним. Я возвращаю Авалону Авалон посредством себя и своего любящего Сердца.

Огромный аэропорт. Люди-муравьи. Деловито снуют. Не Родина. Но: в целом симпатично. Просто так.

Пристуляемся: ждём наш рейс на Париж. Я понемногу осваиваю акватории неглубоких снов, один из спутников слушает на ютюб моё некое сообщение о духе и о Храмах.

Люди разные, но: бросается в глаза — рафинированные. Так и хочется талдычить мантру «перхоти нет». Комфорт: да, это он убил Европу; точнее — посредством его. Две мировые войны выжгли волну Особых Огней, которая, в том числе, проявляла себя неоготикой вкупе с неоромантизмом. Европу таки проработали...

Наш самолёт задерживают, бегаем по огромному аэропорту и таки выясняем, наконец, где будет наш рейс.

День всех Святых...

Пространство как-то странно напряжено.

Опять зашли. Взлёт. Я засыпаю. После недолгого сна опять беру у эйр франце белое вино и далее обсуждаем

с коллегами три базовых уровня способности оперативствовать:

1. НЕПОДВИЖНОЕ В НЕПОДВИЖНОМ: ситуация социокультуры, включая почти весь философский дискурс и религия морали для масс.

2. ПОДВИЖНОЕ В НЕПОДВИЖНОМ: переход; навык растворения ложных фиксаций.

3. ПОДВИЖНОЕ В ПОДВИЖНОМ — базовая оперативность Делания.

4. ...

Приземляемся. Париж. Аэропорт: берем такси, благо оно у них не особо дорогое. Водила, негр: на пальце — кольцо с черепом; полчаса — и мы у нашей квартиры.

На столе бутылка белого пива и называется оно «PAR ISIS». Мы — счастливо удивлены. На часах — около 15...

ГЛАВА 17
ДЕНЬ ВСЕХ СВЯТЫХ

На часах — около 15. Спим, минут 20. И: с новыми силами — пешком к Нотр Дам. С улицы Леона Фрота (озвучка сия, сразу скажу, не точна) идти где-то около часа. Идём быстро, в штурмовом режиме. Немного блукаем, но не сильно.

Минуем Колонну Бастилии, и — вот, Наше Чудо — Нотр Дам. Заходим.

Я уже был в этом Храме. Но. Оказалось — не был...

Собор огромен. Потолка вообще не ощущаешь: ты, будто в волшебном ущелье, стены взлетают высоко вверх и... вообще не давят кровлей. Нереально.

Сижу. На стуле. Ощущаю.

Готические Храмы вообще, зачастую, а Нотр Дам де Пари в частности, похожи на шедевр филиграни, вырезанный в по-особому сухой, плоти костей. И сие не просто так; напомню: Средние Века очень чутко относятся к трём реагентам — Сперме, Крови и Скелету. «Череп и Кости» — не только некая популярная фраза и не случайно она под стопами Спасителя на известном символе Распятия. И: резонанс, и — камертон, и... некая Фиксация. Последний материальный мост связи с умершим. А Голгофа — это Череп...

Сидим.

Встаём.

Ходим по огромнейшему Миру измерения Собора.

По бокам, на периферии, фонтанами особыми, капеллы Святых. Оказывается, Их, как и Стоянок Крестного Пути, четырнадцать. Жанна Д'Арк, Людовик Святой, Жена Хлодвига...

И, самое страшное, вдруг за алтарем замечаем Капеллу, а в ней — Карбункул: нечто Красное, Прозрачное и Терновый Венец Спасителя в нем.

Странно: людей вроде много, но как-то они куда-то деваются и мы втроём тихо сидим — до Святыни всего пару метров. Пространство тугое, будто взорвется. Венок передаётся прямо в межбровье...

Что-то очень ужасное и чистое происходит, «я» как-то странно и тотального на хрен демонтируется.

Идём далее: опять затянуло в Капеллу; смотрим — она посвящена Людовику Святому. Все повторяется. Сильнее.

Месса. Зажигаются шесть свечей.

Лес переплетов костей Храма...

Все позамыкало; две Розы. И: витражи — в закатном свете они сердоликово поют от разнородного света в его фиолетовую Родину.

Выходим.

Ресторан «Данте». Им мы закончили в тот раз и начинаем в этот. Вкусно и по сути.

На стене — портрет Данте: он как бы вырастает из корней, и отсекаем в сухость двумя стрелками часов... Эстетика сего изображения тоже немного напоминает череп...

Закат. Тьма ворует город. Бухие французики, праздник, расплав электрума: огни, вода, Сена...

Идём — наш старый Друг: Храм Святого Северина. Заходим. Опять: священные Череп и Кости.

Вечер. Вдоль Сены — в ней полосы разнородного света, расплавы почти металлов. И: шок. Мощь. Ужас.

Новый, не знаемый ранее, Храм.

Эти чувства не эмоции, они как бы резкое узнавание о чём-то вероломно важном и точно забытом.

SAINT-GERVAIS.

Описать это нельзя. Он — просто «так не бывает».

Причащаемся, как можем...

Слишком много всего. Только первый день. Чуть позже — опишу конкретнее. А пока — ещё одно сверхусилие, и мясо слезло с костей. Мы дома и ожоги Трёх Храмов в День Всех Святых.

Какой-то маркет, негр-продавец, покупаю монастырское пиво (наконец), около четырнадцати километров почти бега, два перелёта, Амстердам и новый Храм сиятельного Ужаса позади.

Завтра новый день, а сегодня — в гавань снов и покоя.

Нотр Дам де Пари невозможно взять в осознание; Он — Краеугольный Камень и держит всю Арку Мироздания. Без сомнений.

Полевые заметки не роман. Они пишутся так и тогда, когда отпадают не болты и гайки, но — сгорают слои души. Обжигается Сердце. Снимается инерция покоя с ещё более глубокого сна...

ГЛАВА 18
ФРАНЦИЯ. УСЫПАЛЬНИЦА. ПУТИ К КРИПТЕ

День второй. Около 10 по местному выходим и направляем стопы свои в Сен Дени.

В Париже хорошо и уютно: из холодов Родины мы попали где-то в наш конец сентября — приятное мягкое тепло.

Рассматриваем буклетик о Храме Сент Жерве. А также — небольшой текст тамошних монахов (его помещаю в конце статьи).

Поражает: и здесь, и всюду — в годы Революции Собор был десакрализирован. Такое впечатление, что Французская Революция отрезала практически все Линии Передачи Сакрума и обесточила данное измерение, которое ранее было просто переполнено Кипением Святости.

Воистину, эта Революция, пожалуй, страшнейшее событие для всех ищущих следа Нашего Авалона.

Становится более-менее понятно, почему при такой концентрации ТАКИХ Храмов местные не особо блещут реализациями плодов даже максимально банального бытового Христианства. Коммунисты, судя по всему, дети малые по сравнению с монстрами Робеспьеров и Дантонов.

Чем-то ситуация напоминает трагедию Тибета вследствие оккупации Китаем и надругательство над буддистскими Святынями. Правда, китайцы у французов были как бы свои... И если из Тибета Дхарма рассеялась в миры, то во Франции остался только камень, впрочем, освященный Формой особой. И: немногочисленные обломки, сохранённые в различных Орденах отдельными практикующими; в смысле: Франция — страна всецело светская в плохом содержании (а хорошего в этом контексте нет никогда) данного слова.

Печально и больно.

Но.

Сила Передачи Белого Авалона откровенно видна на таком фоне: невзирая на все ужасы, Франция — путь к Драгоценному Граалю для ищущих Его.

И Храмы — точки активизации Святости сего Контура.

Улицы Парижа буквально усеяны нищими, их намного больше, чем у нас. Грязь. Расхлябанность.

Едем метро на Север.

Сен Дени.

Выходим: современные постройки, куча мелких лавочек, грязь. Нищий негр говорит «Салям Алейкум» и получает от нас монетку.

Ищем Усыпальницу Королей и Храм Корня Проявления Готики; немного поплутав выходим на небольшую площадь. Есть.

Часы на фасаде, золотые волнистые стрелки, башня.

Заходим.

Описать Сен Дени совершенно невозможно.

Зато понятно, зачем иметь некие суммы денег: чтобы паломником в смирении и в трепетном не сентиментальном Восхищении втекать в чертоги такие.

Словами не передать...

Ходим по чреву Храмового Кита. Витражи, скульптуры, колонны и капеллы... Усыпальницы Королей — типа музей и нужно отдельно покупать билет, что мы и делаем. Заходим: множество могильных плит и на них скульптуры усопших — часто стопы мужей покоятся на львах, жён — на псах. Благородные спокойные, одухотворенные лица... Как могу кратко молюсь за каждого. Ясно: сей Храм есть Узел и Исток особой Линии Передачи, которую, в том числе, можно назвать Авалоном.

Книга, звуко-свет, молитва, отсечение головы, оссуарий Святых останков, крипта, Готика как таковая (см. аббат Сугерий)...

Да, четко распознается, Храм — Кость. Резная Кость — Ее прожег узорами особыми Дух Святой, водимый Волей сверх всех воль — Божьей.

То есть — кости, скелет — некая самая длительная часть нас; и: опора; и, наибольшая материальность нас. Точка Омеги...

Прогуливаемся по району дальше, выйдя из Храма; пьём чай, и по полёту стрелы напротив — ещё один шедевр Готики. Он в обрамлении грязи тотального здесь, социального низа, кроме всего — закрыт.

Делаем круг и возвращаемся в Сен Дени.

Заходим снова. Неф, присаживаемся, созерцаем. Мрак и хмурость дня разрывается солнечными лучами: витражи начинают играть светом; он изливается на белесые кости резных камней и разбрызгивается феерией всего разноцветья радуги. Множество сфер и цветовых пятен...

Вот она — точка Альфы: звуко-световое тело. Тело Святости... Прозрачный Свет как оперативность Мета Священного равновесия апофатики и катафатики. В этом суть.

В этом же и вся суть Готики, Ее корневой смысл.

Сам Храм апеллирует к Мертвой Воде костей, скелета, черепа и всех их значений.

А игра света посредством витражей манифестирует Живую Воду торжественного бытия Тела Святости.

Сочетание первого и второго точно указует на оперативность базовой Работы: будучи,

преимущественно, по результирующему состоянию, костями и материей, плотью, — все более точно и тотально формировать, проявлять в себе Тело Славы. И жить ним.

И, все же: кости-то кости. Но: они не простые. Они — прорезаны Узорами Особыми. И потому — есть возможность жизни Пустого Света Лучей.

Тело-то тело. Но оно не простое: оно прорезано опусами Особых упражнений...

Сен Дени — мощнейший Узел Святости. Вот его приблизительная Формула:

- Святой Дионисий Парижский с отрубленной головой;
- Дионисий Ареопагит и Его Учения об Иерархиях и Свете в этой связи;
- Святая Женевьева (а Ее корень — Святой Герман Осерский и связана с Мартином Турским (Он, в свою очередь — один из Корней Рыцарства и представитель-эманация Небесного Воинства в наше измерение));
- Аббат Сугерий и его Друг небезизвестный Бернард Клервосский (а значит и — Крестовые Походы, Тампль, Новое Рыцарство);
- рождение Готики потоком аббата Сугерия в его Опусе осознания наследия Дионисия Ареопагита;
- Святой Людовик — альфа собирания Линий Передач Королевской Власти и Монашеского

сакрума (здесь же — Терновый Венец и Наша Дама);

- ...

Революция, называемая Великой, страшнейшим образом надругалась над Храмом и его мощами: их насильственно изъяли и выбросили в ров (мощи Святой Женевьевы уроды-революционеры сожгли...). Видимо, существовала какая-то Линия совершенно не заинтересованная в мультипликации «Линии Грааля» и «Стрелы Авалона» и в их воздействии на умы/Сердца людей. Не исключено: если бы ужаса этой Революции не было, вполне вероятно, что Запад пошёл бы совсем иной дорогой. И если у нас, у Вас, есть хоть капля добросердечия, следует неустанно писать и речь: ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СТРАШНЕЙШЕЕ ЗЛО ИЗ ЗОЛ И ОНА ВСЕЦЕЛО ИНФЕРНАЛЬНОГО КОРНЯ. Все, что с нею связано, отмечено печатью Сатаны и Злого Демиурга.

Мы ясно и яростно, в спокойствии Знания и в венке доброго Сердца, ненавидим всех французских революционеров и проклинаем их деяния. Точка.

Обретаю в Сен Дени крест красной эмали с образом Чаши Причастия. Грааля.

Едем на юг. В Париж.
Так получается, что выходим у Церкви Сент Эсташ.
В ней мы не долго.

Вереница улиц, мы идём к Нотр Дам, но хотим ещё попасть в Сент Шапель. Так складывается, что попадаем

в Храм Германа Осерского. В нем — ни души. Объединяемся, как можем. И только потом узнаем, что упомянутый Святой — корень Святой Женевьевы, которая как раз и дала жизнь аббатству Сен Дени...

В Сент Шапель не успеваем, попадаем снова в Нотр Дам. Обходим все фонтаны Капелл. Настраиваюсь на каждую и записываю, кому посвящена. Всего — около 30 значений... Эта периферия, эти Колонны Храма, бьют к небу и нисходят оттуда благословением Святых...

Сидим. Объединяемся с Нотр Дам.

Потом — вязь шагов, Сена, опять Храм Сен Жерве. Монахи Иерусалима проводят службу: справа, лицом к алтарю — женщины; слева — мужи. Мы висим с ними не долго, однако чувствуется, что их звук молитвы — это иерогамия; и в режиме реального времени рождается и оперативно живёт Андрогинное Дитя малой Святости...

Магазинчик напротив — поток от Сан Хуан де ла Круса и: пора домой. Выпестовываю свою новую беременность немирскими значениями...

Суета парижских улиц, грязь, нищие — и вот он, дом номер Икс.

Чрево уютной квартирки, шаг в сон.

День второй доплавился.

ГЛАВА 19
ЦИТАТА: ТЕКСТ ИЕРУСАЛИМСКОГО ОРДЕНА

МОНАХИ И МОНАХИНИ ИЕРУСАЛИМА

В «пустыне» наших городов, где царят одиночество, тревога, безразличие и безымённость, монахи и монахини Иерусалима в стремлении к единению и согласию с человеком в его настоящих условиях жизни хотят вырыть для него оазис. Они хотят предоставить ему место для молчания и молитвы, которое было бы и местом встречи и участия. Место бескорыстного отношения, где жизнь первенствовала бы над делом и словом. Место мира, где каждый мог бы быть принят независимо от среды, к которой он принадлежит, от его возраста и склада его мышления. Место поисков Бога, найти которого мы все так жаждем.

ОБЩИНА SAINT-GERVAIS, НАХОДЯЩАЯСЯ НА СЕРЕДИНЕ УЧАСТКА, ОГРАНИЧЕННОГО НАБЕРЕЖНОЙ СЕНЫ, ОСТРОВОМ СВЯТОГО ЛЮДОВИКА, КВАРТАЛОМ LE MARAIS, ЦЕНТРОМ BAUBOURG, ЗДАНИЕМ РАТУШИ И ГОРОДСКИМ РЫНКОМ LES HALLES, ПОЛУЧИЛА ОТ КАРДИНАЛА АРХИЕПИСКОПА ГОРОДА ПАРИЖА БЛАГОСЛОВЕНИЕ СТАТЬ ЦЕНТРОМ СОЗЕРЦАНИЯ, ГДЕ В ТРИ ГЛАВНЫХ ЧАСА ДНЯ ПЕЛИСЬ БЫ «МОНАСТЫРСКИЕ ЧАСЫ» И ВЕЧЕРОМ СОВЕРШАЛОСЬ БЫ ТАИНСТВО ЕВХАРИСТИИ.

Оба братства, монахов и монахинь, основанные, первое — 1-го ноября 1975, второе — 8-го декабря 1976, насчитывают теперь (1978) около сорока человек. Призвание их не пастырское, но монашеское и их жизнь подчиняется требованиям жизни братства: общая и личная молитва, работа на полставки, молчание и гостеприимство при обетах не стяжания, целомудрия и

послушания в духе радости и смирения, жизнь совместимая с уединением в Боге.

ИХ ОСНОВНУЮ ЦЕЛЬ ВЫРАЖАЮТ ЭТИ ПРОСТЫЕ СЛОВА СПАСИТЕЛЯ, СОГЛАСНО ЕВАНГЕЛИЮ ОТ ИОАННА: «Я МОЛЮ, ЧТОБЫ ТЫ ВЗЯЛ ИХ ИЗ МИРА, НО ЧТОБЫ СОХРАНИЛ ИХ ОТ ЗЛА». (17, 15).

Их жизнь здесь направлена «к поискам одного Бога», но в согласии и единомыслии с человеком, жизнь как бы вроде учеников, живущих в общем братстве и объединенных в едином слышании, хождении, углублении и созревании во Христе. Они ищут Его присутствие вплоть до знамения времени в развитии нашей истории, обитаемой Сыном Божиим и водимой Духом Святым, чтобы напомнить людям глубинный смысл этой истории и конечное Упование.

Пребывая в созерцании и единомыслии, свидетели Его пришествия, они внемлют обетованию Его второго пришествия. Их «религиозное посвящение» повергает их в служение, поклонение, послушание и славословие.

ИСПЫТУЯ САМИ ТРУДНОСТИ, ОТЧУЖДЕННОСТЬ, БОРЬБУ, РАБОТУ, ОГРАНИЧЕНИЯ, УСТАЛОСТЬ, ГОРОДСКОЙ ШУМ И ЗАГРЯЗНЕНИЯ, ГОРЕСТИ И РАДОСТИ, ГРЕХИ И СВЯТОСТЬ ЭТОГО ГОРОДА ПАРИЖА, ГДЕ ЖИВУТ ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ ИХ БРАТЬЕВ, ОНИ ПРЕДПОЧЛИ НЕ УДАЛЯТЬСЯ, ЖИТЬ В ГЛУШИ, НО ОСТАТЬСЯ В НЕМ И ПЫТАТЬСЯ ОСУЩЕСТВИТЬ ВМЕСТЕ С ЭТИМИ ЛЮДЬМИ СКРОМНО, НО РЕАЛЬНО ЗНАМЕНИЯ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ЦАРСТВУ, В ОТРЫВЕ И ОБЩЕНИИ, В ОДИНОЧЕСТВЕ И В ДЕЛЕНИИ.

Одно из самых существенных явлений нашего времени — это, несомненно, город как действительность современной жизни. Вот почему они не бенедиктинцы, ни траписты, ни кармелиты и ни доминиканцы. Они — «ГОРОЖАНЕ». Или короче: *монахи и монахини Иерусалима*.

ИЕРУСАЛИМ: город, данный людям Богом и ради Бога. Город, где Христос жил, молился, свидетельствовал, умер и воскрес. Город, где были основаны первые христианские до-монашеские общины. Город, где три вида монотеизма собраны и наряду с этим столь драматично разделены. Город — первенец всех городов и Упование грядущего Царства.

По примеру Отцов церкви первых веков христианства, удалявшихся в «пустыню», «бороться с диаволом» и искать там боговидение, монахи и монахини Иерусалима хотят в свою очередь идти в «пустыню» современного города, бороться с его призраками, с его неутолимой жаждой, с его одиночеством, хотят воспеть его подлинную красоту, его стремления и его глубинные ценности во славу Бога, чтобы очиститься самим от греха и освятиться через Его жизнь. Вознося молитву в сердце города, они хотят вместить этот город в свою молитву. «Нет другого более полезного и более прекрасного дарованного человеку подвига, чем созерцание».

Нельзя достойно восхвалять Владыку Вселенной, не внимая самой Вселенной. Нельзя идти по стопам Сына человеческого, не ища Его в сердце человека, где Он воплощен и нельзя жить сегодняшним днем, забывая о дуновении в нем Духа. Нельзя заниматься только делом для человека, но надобно соединить созерцание и служение, молитву и труд, дело Марфы и Марии.

ПОИСКИ БОГА КАК «ЕДИНОГО НА ПОТРЕБУ» ПРОХОДЯТ ЧЕРЕЗ ПОИСКИ ЧЕЛОВЕКА, ИБО ЧЕЛОВЕКА — «ОБРАЗ ОТЦА», «ТЕЛО ХРИСТОВО» И «ХРАМ СВЯТОГО ДУХА». В ЭТОМ ПЕРЕХОДЯЩЕМ МИРЕ БОГ ОДИН ДОВЛЕЕТ. НО БОГ САМ ПРЕШЛ В МИР И НАС В ЭТОТ МИР ВМЕСТИЛ. ЕСЛИ ПАРИЖ— ЭТО «ВАВИЛОН», ТО ОН ТАКЖЕ И «ГРАД СВЯТЫЙ». ГОСПОДЬ В НЕМ ПРЕБЫВАЕТ И МЫ ХОТИМ ЕГО СОЗЕРЦАТЬ.

Слова правильные и красивые... Но: что и кто стоит за ними? Большой вопрос...

ГЛАВА 20
МОЯ РЕВЕККА МОЕГО АВАЛОНА

Впервые сие имя вынырнуло ещё в детстве в связи с прочтением «Айвенго» Вальтера Скотта: ясно было, что Бриан де Буагильбер хоть и тамплиер, но лох, так как запал, пусть и на прекрасную, но женщину. Променял Путь на возможность и иллюзии «сладких роз и рос». Потому, собственно, он и проигрывает «лишенному наследства», который вне рамок кровно-родственных раскладов и сексуально-эротической одержимости в том числе.

А ещё: шут в начале упомянутого опуса сказал сакраментальную фразу, что, мол, обрёл долгожданную свободу и не знает что с ней делать...

Итак: обретение Нашего Авалона становится конкретикой в связи с паломничествами во Францию и Португалию. Некая фантасмагория активного сна определяет видение. Мои спутники А. и Б. превращаются, посредством каббалы знаков в буквы Алеф и Бет.

Алеф и Бет весьма примечательны: внутренне они — некие антагонисты. Алеф любит рассуждать о Б-ге, чувствовать Храмы нутром; а Бет — «бросок змеи». Внешне они проявляются как две амфоры великолепных бёдер. Ещё немного, добавляется Далет (дыхание срединной груди) — и предстает Ревекка. Она и есть

психопомп дальних скитаний, а также — искусная любовница (сие у неё в крови...).

Итак: Ревекка — весьма неожиданное и неочевидное дыхание Альбы определенного аспекта.

А ещё не стоит забывать про пульса да нура (быть может, в определенном срезе, это близко «броску змеи» и Ревекке потому и нужен муж, дабы носитель яда бросался куда и когда нужно, а также был способен яд преобразовать в лекарство). Отрава, кстати, сладкая на вкус и сие связано с ведьминой водой (см. советское кино о встрече Нового года с тремя белыми конями (там, кстати, тоже пару Альб в интересных аспектах имеется))...

Утро. День третий. Подъем в 6 утра (ну его на хер такое счастье). Едем метро до площади Италии и я пишу о Ревекке. Выходим: кто-то играет на аккордеоне гимн Израиля «Хатиква». Как бы знак...

Дочь песков и жары.

Едем в Санс на бла бла кар: симпатичный дедушка везёт нас.

Дорога. Сон.

Другая страна даёт условия осознать роль языка в композиции жизни и Делания. Видно: французы и вообще не похожи на наших, и чем-то все же близки. Язык их весьма приятен для слуха.

Украинская речь особо неоднозначна: есть ее форма как бы вычурного говорения (в частности, в моем опыте главным рафинатом-носителем такого понта с претензией на нечто из ряда вон, был некто Скорый). И такая манера фальшива, усиливает множество препятствий и даже фонетически омерзительна. Часто нею пользуются

украинские интеллигенты (впрочем, все интеллигенты — половые гиганты гордыни и импотенты души, а ещё лицемеры от мозга костей, делающие вид, что живут не в пределах адского измерения). Не отстали от них и русские коллеги. Некто Диктор продемонстрировал в своё время все тошнотворные возможности уже «великого и могучего». Фонетический контроль этих двух языков, говорение «не своим голосом», чрезмерно рафинированная речь, манерная артикуляция, а также — привычка все предавать озвучке хоронит на корню одно из базовых условий — качеств Тропы Неба, — свежесть. И потому одинаково пагубны и чрезмерная культурность, и — жлобская вульгаризация процесса описания словом и словами.

Подъезжаем к Сансу...

ГЛАВА 21
ДВА ЧАСА В САНСЕ И СВЯТАЯ КОЛОМБА. ORSA

И вот — мы в Сансе. Времени очень мало — 2 часа 20 минут. Входим в туристический офис и получаем карты-планы.

Чувствуется дух маленького города и это приятно.

Буквально пять минут ходьбы и главный местный Храм.

Заходим внутрь — никого. Храм большой и затаенный. Немного пробуем объединиться с ним. Выходим — ищем перекусить; наскоро сотворяем сие и отправляемся по некой круговой аллее, ориентируясь по плану центра города. Мы собираемся общаться с двумя-тремя Храмами.

И отойдя буквально один полет стрелы, видим небольшой старый Храм. Возле закрытого входа — парочка пожилых людей. Мы по инерции пролетаем немного вперёд, но я нашего француза направляю в опус общения с незнакомцами. Они говорят, что Церковь закрыта, но нам Ее откроют специально. Заходим: Храм Святого Мати (не уверен, что передача русскими буквами правильна; нам сказали, что это их местный Святой). Церковь старая и нам говорят, что как-то связана с Жанной Д'Арк. Делаем, на что способны...

Пожилая женщина, а позднее оказывается, что ее имя Карлин, о чём-то переговаривается с французом, открывшим нам Храм.

Потом говорит, мол у них Церкви часто закрыты и она нас лично повезёт на своём авто к Храму. К какому-то особому Храму (который тоже закрыт, но у кого-то там есть ключ).

Мы очень благодарны ей. Едем.

Довольно далеко, почти за город.

Какие-то старые стены, что-то вроде больницы или дома престарелых (кстати, в стенах этих виднеются две металлические свастики) и — стройные готические формы Храма чуть сзади, парк возле, монастырское кладбище Чистых Сестёр.

Строение небольшое...

Какое-то время бродим с Карлин вокруг, не могут найти хранителя ключей.

Уже кажется, что внутрь вряд ли попадём, да и времени осталось катастрофически мало.

Наконец ключи находятся вместе с дамой почтенного возраста.

Обе нас вводят в Чертоги.

Сначала — в крипту, там мощи. Святой Коломбе отсекли голову, мы наблюдаем в западной части крипты икону её тела с красной полосой на середине шеи.

Дальше вверх — но уже по другим ступенькам. Попадаем в неф (внимание: это паломнический опус — вход в корабль не сразу, но через низ, крипту; и в ней же — эссенциальная база Храма — мощи).

Чисто. Сияюще. Опять 14 Стоянок Христа (медальоны на стенах изображают Их). Витражи...

Святая КОЛОМБА всегда с Медведем; здесь и странная статуя на сию тему: чёрная Дама (практически негритянка) с медведем, прижавшимся к Ее бедру...

Оказывается, что данное место- центр, откуда исходит светоносная мультипликация данной Святой. На стене карта — вся Франция и некоторые Ее окрестности, в цветовых пятнах Храмов и общин, посвящённых Коломбе. Наверное — несколько десятков. А мы, волею Духа, оказались в центре этого всего.

Святая КОЛОМБА.

Кое-что мы узнали о Ней от наших гидов, кое-что вычитали из книжечки.

Вот приблизительная эссенция.

Родом из знатного испанского рода, принцесса. Ощутила дыхание Святого Духа. Пошла с двумя спутниками в христианский центр Галлии, Санс.

Император Аврелиан, пребывая в Сансе, казнил многих христиан, в том числе — друзей Коломбы. Ее заточил и силовал отказаться от Пути Христова. Успеха в деле том не имел.

Тогда он начал мучить и пытать будущую Святую.

Заточил в амфитеатре и направил некоего урода с целью изнасиловать Деву. Но как написано в тексте, Бог посылает медведицу, которая защищает Коломбу. Она фиксирует нелюдя в своих объятиях и Дева оборачивает оного в Христову жизнь.

Аврелиан не в радости от такого. Темницу поджигают. Медведица начинает метаться, однако КОЛОМБА успокаивает её. Та лижет ей стопы, потом Дева на спине зверя выезжает из пылающего здания, а в добавок благодатный дождь тушит пожар.

И в третий раз — Деву сию схватили, ведут отсечь голову. Глас Господа: КОЛОМБА, Небеса открыты для Тебя.

Голову отсекают, а тело бросают на съедение зверью. Слепец, стоящий у тела: кровь с отсечённой головы брызжет на его незрячие очи и он прозревает.

Звери не едят тело, какой-то бык стал на колени пред ним и у него засияли рога... Исходит благоухание.

Святую приносят на то место, где как раз, после, возводят этот Храм...

Примечательно само отсечение главы.

Сие — значимый Символ.

Голова — узел органов чувств, потому, — объём интенсивности, печать периферической катафатики и луковица гордыни, а также — концептуального, ограниченного, лишенного сочувствия, ума...

Отсечение головы знаменует возврат к Сердцу. К Единому Центру.

Собственно, об этом Жест Крестного Знамения.

На восточном витраже Храма трио: Святая Коломба, Святой Элои (читается «элуа») и Святой
Лу («льу», кстати, «Волк»).
А «Коломба» — это «Голубка»...

Безмерно благодарим бабушку-хранителя Ключа и Карлин.
Десять минут — и бла бла кар до Труа.

ГЛАВА 22
ГОРОД КРЕТЬЕНА ДЕ ТРУА

Опять бла бла кар. В машине резко засыпаю. Особые пальцевые жесты помогают разгрузить сердце, как орган.
Дело в том, что сердце, как орган, все-таки связано с Сердцем.

Сердце, вот то, о котором пишут и говорят все Традиции, это не одноимённый физический орган. Это — центр существа и он может быть по-разному спроецирован на тело. В большинстве Традиций, связанных с Мистикой, он обнаруживается где-то в середине груди. Именно сие место, в подавляющем числе случаев, резонирует духовным пневмам. И определённый модус переполнения ощущениями этого центра (особенно, ежели человек ещё не выжег напрочь сентиментальность) может повлиять на близлежащие телесные органы — голову (сосуды, мозг), легкие и, тем более, на физическое сердце. При условии

мощи переживания, не исключено разрушающее воздействие, вплоть до инфаркта.

Потому, кроме навыков отведения энергии от сердца (как органа); кроме оперативности бытия не-телом (опус растворения до прозрачности); кроме опускания вниз — ещё важно много ходить. Такое действо как бы расхаживает накопленное (а ранее, посох паломника, ещё и служил своеобразным громоотводом в данном вопросе).

Пешее паломничество имеет, как минимум, два смысла: жертвы, подношения движением и усилиями (и здесь ходьба соответствует активизированному ключу тела в синхрон уже работающим ключам молитвы (речь-Слово) и созерцания (ум)); и перераспределения и усвоения в гармонию составляющих себя, полученных от Святыни нетварных удара и ожога.

Также Сердце связано с глазами, а оные — с этажами зон межбровья (3-й, иногда 4-й и так далее, глаза)...

Труа на окраинах странный и не особо приятный. Что-то похожее на смесь спального района и промзоны.

Авто высаживает нас возле местного ж/д.

Город Кретьена де Труа открыт.

Мы хоть и бодро, но с затаённым волнением, идём навстречу ему.

ГЛАВА 23
ТРУА: УЛИЦА, ДОМ И ХРАМ

В Труа мы около полутора суток. Устали весьма, в том числе — друг от друга...

Вспомнилось о Святой Коломбе: кровь из отсечённой головы вернула зрение слепцу (метафора: капли Сердца-Святости открывают Видение, то, что совсем отличается от наблюдения и размышления, а также — от умственных спекуляций; сие Видение — недвойственное единство Сердца и Разума (именно такая Вода необходима в Пустыне дальнего Паломничества)).

В Труа мы ходим и вместе, и поодиночке — такое сочетание дарует перераспределение неизбежных напряжений, накопленных при близком общении.

Не буду описывать события в Труа хронологически, попробую сие сделать сущностно и кратко.

Для меня Труа — это три очень важных архэ Средних Веков: ДОМ, УЛИЦА И ХРАМ. Здесь они выражены весьма объёмно и откровенно.

Начну с Альфы — ХРАМА.

Центр Труа подобен, изысканной работы, ларцу с множеством драгоценностей-Храмов. Первый взгляд на карту — 17 Святынь довольно близко друг от друга.

Наше знакомство началось с Входных Врат: Храма Святой Мадлен. В нем — все те же 14 табличек с метафорами Станций Крестного Пути. Храм затаенно великолепен и горит каким-то горизонтальным Огнём Тайной женской Святости (это — когда даже в последней проститутке различается особая Чистота и Белизна...).

Следующее сущностные звено — возвышенно летящий в прозрачных светах Храм Урбана Четвёртого (ставшего Тем, Кто Наводит Мосты, из сапожника («пепел и венец», «омега и альфа», «голова змеи и хвост», «святая и проститутка»...); бывшего Патриархом Иерусалима и упоминаемого в легенде о Тангейзере («посох покрывается свежими побегам»).

Третий: Ось и Суть. Катедраль Петра и Павла.

Именно тут в 1129 году был официально признан Орден Тамплиеров и Святой Бернард Клервосский написал его статут. Отсюда Тайное Пламя рыцарей Тампля мультиплицировалось по всем мирам. В Соборе — мощи этого Святого, а также — мощи Святого Лу и Святого Малахия. Нам везёт, во время нашего пребывания там, во всем огромнейшем Храме — два человека, а в комнате с мощами — вообще никого. Испрашиваю как могу благословение у Святых... Пусть Пламя Тампля разгорится с новой силой и Пепел вдруг преобразится в Диадему Короля.

У этого Собора одна выраженная Башня. Пожалуй, сие дает ощущение активации нею измерения вокруг, как бы фаллического импульса сакральной мультипликации, которая преодолевает сонную гармонию стихиальных духов-божеств места и времени, прорывает пелену инерции

Демиурга... В Сансе, кстати, Катедраль с похожей композицией «Башня-Храм».

А вот Две Башни Врат, как в Нотр Дам де Пари, скорее указуют на некую Циркуляцию, которая ещё и Покрова Тайны, не всех пускающей в Сакрум Креста нефа и трансепта. Потому, быть может, Храм на Сите, не столько активирует и зажигает, сколько сохраняет и накапливает особое качество Передачи. Похож на Него и Собор Коронации Королей в Реймсе. А вот Шартрский Нотр Дам — особый. Он объединяет смыслы первых типов со вторыми...

В пустынном дворе Катедраль мы знакомимся с пребодрейшим местным трехцветным котом: опять — ни души и упомянутый котяра бегает то по нашей скамейке, то по рюкзакам, то по ближайшему дереву. Его спина — дугой, а хвост трубой...

Вспомнив его величество Кота, самое время сказать пару слов об архэ УЛИЦЫ.

Первая в Труа, которую мы внимательно осознали, оказалась Улица Котов. Ей более 500 лет и смысл в том, что средневековые дома здесь постепенно расширялись вверх: внизу неширокий проход, а вверху крыши почти рядом — Коты ходили, не спускаясь на грешную землю (отсюда и название).

ДОМ: центр Труа — произведение искусства, благодаря сохранившимся старым кварталам; дома похожи на ларцы с мощами, на сундучки с конфетами, на ящички с драгоценностями...

А далее: и сквозь, и все время — вёл интегрирующий Лабиринт Труа:

- Чёрный Кот, полный достоинства у Катедраль;
- Храм Святого Назария — нам похожий на живую метафору плавящегося в активной фазе, металла;
- уютные ресторанчики;
- замечательный книжный у Храма Урбана 4 (куплены три книги Кретьена де Труа (в том числе — один из истоков слова о Граале); о Святом Луи, Тамплиерах и Храмах);
- шпиль Храма Святого Реми;
- тишина и покой Храма Святого Пантелеймона;
- закрытый и хранящий тайну своего чрева Храм Святого Николая;
- Раши — один из краеугольных камней еврейства транслятор и объяснитель Закона;
- замечательные уютные парки и висящие в межмирье площади...

Вечер понемногу, одеялом успокоения, сошёл на град сей. Мы вернулись домой: и вместе, и — каждый сам по себе. Мы, конечно, объединены опусом общим; и — без сомнений, параллельно, каждый одинок в своих играх эго...

Сансара игриво продолжает свой бег, рыцари Тампля забыты в слепых склепах, тихо падает пепельный снег: так погребается душа Авалона...

Череп довольно часто, как мини фигурка, попадается на глаза.

Впрочем, в Катедраль тоже — черепа: Святых.

Пусть созвучие костей и черепов приведёт всех нас к единому звездному знаменателю.

И: да настанет облегчение великое.

ГЛАВА 24
А ЗАЧЕМ ЕЗДИТЬ?

Цель Паломничества довольно ясна.

Вообще не важны впечатления.

Вообще не важны эмоции.

Вообще не важны концептуальные изыски по мотивам.

Важно: мы ищем Передачи.

Мы стараемся распознать Нить Ариадны — и то, куда она приводит. Мы с трепетом распознаем особый шёпот или биение тайное Сердца той зари...

Эссенции, коагуляты, оставленные нам «во след». Храмы; Аббатства; Святые — в коде-знаке Имени и Лика; духи места; узоры и соотношения Троп и Дорог; испытания на Пути; приходы текстов и малых значков...

Все это — язык души, обретающей вектор. Вверх, либо — Насквозь.

Не обязательно сразу понять.

Важно, чтобы:

1. расшатать собственную устойчивую композицию и подвергнуть ее ускорению плавки;
2. создать ситуацию входа сперматического логоса, зачать от него собственный уникальный вариант звуко-светового тела;
3. выпестовать второе и уже потом дать ему взойти ростком;
4. возможно придёт время конкретных плодов...

Мы как-бы провоцируем формулу «место-время-человек (Святой)» на ее открытие и объединение с нашей.

Так, скорее всего, и работает Передача.

...Западное Христианство, в том числе, интересно разными потоками разных Линий Передачи. Есть тут и драматизм Катаров, и героика Монашески-Рыцарских Орденов, и аскетика суто Монашеских...

Конечно, надежно сокрыто и Алхимическое Наследие...

Своеобразными иконами, опосредованно и по созвучию указующими на Линии сии, в композиции Готического Ларца являются множество капелл вокруг нефа и алтаря...

И сошла слеза утренняя на цветы полевые...

ГЛАВА 25
ВЕЧЕР В ТРУА; НЕКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАЧАЛЕ ПУТИ

Да, комнатка наша в Труа, как на троих вообще крохотная. А ещё не следует забывать и четвёртого персонажа нашей компании — горностая Ренна. Кто-то (большинство) скажет — детализация шизофрении, и только знающие поймут: развёртывание мистерии пробуждающейся души.

Так вот, у хозяйки сдаваемой квартиры — довольно много комнат. И все они имеют некий свой отдельный стиль и соответствующее ему название. Наша наречена «Кретьен да Труа», что нас, конечно, весьма радует.

Кретьен де Труа вокруг, град Кретьена де Труа, книги на столе — Кретьена де Труа.

Полная временная гармония. Драконы накормлены и уютно спят, тихо похрапывая. День третий плавно уходит в ночь.

Лирическое отступление. Что называется: навеяло. Люди, в подавляющем своём большинстве — ебанутые придурки. Причина, она же и диагноз — неадекватная даже житейским банальностям, гордыня. Так, гражданин, вполне может обладать некими полезными для себя и других свойствами, но не использовать их ради поддержания (бля, как важно!) образа себя. Самоуничтожение ради того, на что никто не обращает внимания, потому что занят аналогичной хуйней!

Ясно, как кровь на белом снегу: не хер лезть в «духовность», ежели ты не очистил себя хотя бы до базы

адекватного эго, до базы, разумно адаптированной под выживание, гордыни.

Пока не управляешь своими эмоциями и страстями хотя бы на начальном уровне...

В противном случае — «духовное развитие» рано или поздно обернётся страшнейшим разочарованием вследствие множества вееров самообмана.

Паломничество хорошо ещё и тем, что таки обнажает многие узоры сокрытых маразмов и обостряет наличные.

Заинтересованный кандидат в кандидаты на обучение вполне может что-то с этим всем говном делать.

А может и нет: просто воняет им и думает, что он удобрение и потому полезен...

Потому, уж извините, но в современных условиях без мата сложно говорить на темы духовности, особенно, проходя трудности совместных скитаний.

Правота, ощущение своей правоты, импульсивность, отсутствие управления эмоциями, плохой контроль бытовых движений тела, отсутствие внимательности, жадность, подозрительность к людям на фоне негативных состояний (подозрительность на фоне доброжелательности — свидетельство некой гармонии), неблагодарность, расхлябанность — все это очень явные признаки отсутствия духовного плода даже совсем начального уровня...

И пока все эти драконы хоть как-то не взяты под контроль, сложно говорить о возможности реальной мистической Работы.

Сожалею, но это именно так.

ГЛАВА 26
ТРУА — ОСЕР. НАПУТСТВИЯ СТРАННИКУ

Подъем очень рано — в 5:00.

Собираемся на бла бла кар до Осера.

Вчерашние огни активного сочувствия сегодня детализированы в пепел спокойного осознания. Гордый — всегда раб. Раб и этой весьма специфической страсти, и ограничений (в след её), также — наведённой иллюзии ложной значимости. Гордец, то есть — испытывающий правоту, имеющий «личную точку зрения» — всегда лох и терпила, хотя ему кажется совершенно наоборот. Человек, хоть как-то находящийся в Делании, сам заинтересован в постоянных переменах себя. Ложная Фиксация — его злейший враг, именно потому, нет и речи о точке зрения «личной». Гордыня всегда связана и с тупостью, и с сентиментальной жалостью (ведь жалеют всегда того, кто ниже), и с неразумным распоряжением разного рода ресурсами. Этот тяжелейший порок — всенепременный спутник КАЖДОГО человека и речи быть не может о полном избавлении от неё. В лучшем случае, оперативно, можно свести сие качество к базовой оперативной формуле «успокоенной гордыни». Похоже, что если мы полностью распрощаемся с гордостью — то утратим тело и станем Святым.

И ещё. Неприятное известие — силой, подавлением, гордыню не изжить (то есть тут: «за что борешься — на то и напорешься»). Гордыню можно только расслаблять. Вынимать из неё оперативность свою. «Оставить мертвым хоронить своих мертвецов».

Борьба с гордостью с помощью волевого усилия переводит этот порок в его уж очень плохую форму — духовную гордыню.

Если говорить о «родных носителях» сего дерьма: то это всякого рода бизнесмены, интеллигенты и, конечно, учёные. Они: современные жрецы бесконечного яда собственной правоты. А также, рассадник этого дела — подавляющее число эзотериков всех мастей и видов, этих инфантилов ролевых игр в «духовность»...

Конечно: все остальные также жертва сего дракона.

Гордыню не то что изжить, её очень трудно даже заметить... Вырастает сие чувство буквально из костей и черепа и потому отсечение головы — один из символов резкого прорыва в край великого облегчения, туда — где почти утрачено эго...

Говоря о гордыне, нельзя не сказать пару слов о терпении. Есть расхожее в около духовных кругах, мнение, что терпеть это хорошо, в том числе — через сверхусилие и усилие. Конечно, такого рода навыки важны даже в быту, но далеко на них одних не заедешь. Такое терпение рано или поздно взорвется вспышкой агрессии и насилия внутрь или наружу. И так, и так будет не просто плохо, а — очень плохо.

Потому да, в ограниченных обстоятельствах мы, безусловно, научаемся терпеть посредством волевого усилия, однако — генеральная линия Делания подразумевает раскрытие Видения: тогда терпение уже есть следствие особого понимания, отпускания и осознанного расслабления.

Многие считают, что европейцы, в частности французы, в целом более расслабленные, чем наши соотечественники. Это далеко не так. Во-первых, «в целом» для уникальной ситуации Опуса не подходит, а во-вторых, они не более расслабленные, а более расхлябанные. И до качественного расслабления им ещё дальше, чем нашим агрессивным согражданам. Комфорт делает человека вялым, а вялое расслабить нельзя в принципе. Агрессивное — порою, при Особых опусах — возможно.

Потому, диагноз: европейцы, в своей массе, просто более вялые.

Дождь. Мелкий дождь с самого утра. Такси опаздывает. Ждём. Приезжает. Уезжаем — почти «Война и Мир». Почти Толстой: посему я и не люблю банальщины художественной литературы — слов много, читать долго, а смысла — исчезающе мало.

Бла бла кар: некий Стефан водитель; едем, рассекая упругие струи дождя.

Опять возвращаюсь к теме Французской Революции: всюду, где только мы не были звучало, что «в годы Революции этот Храм/Аббатство были поруганы, службы прекращены, помещение использовано под склад». В этой связи не лишне заметить: даже самая мракобесная религия намного лучше, чем отсутствие оной. Точнее: отсутствие религии — это тоже особая религия «чёрной сгущённости». И религия, и безрелигиозность — суть иллюзии, сны. Но: после чистого, свежего сна просыпаешься в радости и полным сил; после мутных ужасов усталой ночи и день не мил. Религия, условно говоря, чаще -чистый сон, чистая иллюзия...

Те же, кто просыпаются, выходят из религии особым образом, тем не менее: все равно ценят хорошие сны и потому никогда не выступают против религии, как явления.

В таких контекстах Храм — ещё и Шкатулка Волшебных Снов, Госпиталь сновидческого отдохновения.

Для единиц — взлётная полоса пробуждения и посадочная — искусных средств реального сочувствия.

...Пару слов о практических аспектах Паломничества:

1. по возможности, всегда руки следует держать свободными: все вещи лучше упаковывать в средний рюкзак (а значит — брать их поменьше); если руки заняты чем-то, пусть даже небольшим и легким, это съедает очень много сил и мешает;

2. приходится много ходить, в том числе — быстро и с вещами, потому часто потеешь; не очень хорошо терпеть это: по возможности — иметь с собой три или четыре футболки — их всегда можно переодеть в любом кафе в туалете (зайти в него тихонько с рюкзачком); это убережёт от простуд и сохранит защитные силы;

3. быть осторожным с незнакомой едой; не есть много; следить за режимом питья и обязательно пить не холодную чистую сырую воду;

4. серьезно относиться ко сну, стараться высыпаться, в том числе — это можно делать в транспорте, по дороге;

5. деньги, карточки и документы всегда иметь при себе;

6. быть уважительным к местным и аккуратным в общении, придерживаясь срединного пути в разговоре, жестах и позе;

7. всегда иметь н/з денег, пусть даже небольшой;

8. при прибытии в новое место, чем ранее находить карты и ориентироваться где и что находится;

9. для животной части нас важно: питье, туалет, сон, еда, молчание, сухость и тепло, общение в меру;

10. если Вы путешествуете парой, важно не терять силы в сексе: потому — два варианта для мужчины — а) овладеть техникой «возврата семени» в том или ином варианте; б) вовсе не заниматься сексом; — женщина в сексе силы не теряет;

11. если путешествуете группой, желательно достичь взаимопонимания ещё до Паломничества и лучше, когда руководитель один и он чётко определён; он, конечно, советуется со всеми, но окончательные решения принимает сам за что и несёт ответственность; идеальна ситуация, когда руководитель в целом демократичен, но способен, при необходимости, на авторитарное, в том числе — жестко-приказное, управление;

12. помните: жизнь — смертельно опасное мероприятие; всегда может быть что угодно; когда Вы в чужой стране — это ещё более справедливо; потому — ни на что никогда не надейтесь окончательно; будьте готовы всегда и к чему угодно, ожидайте что угодно от любого;

13. старайтесь всегда всюду приходить вовремя, чуть заранее, имея в запасе 5–10 минут;

14. если едете группой — хотя бы один участник должен хорошо знать местный язык;

15. по возможности, никогда не привлекайте лишнего внимания к себе, особенно — на почве грубости, странной одежды и религиозных ритуалов; в идеале — будьте прозрачной тенью;

16. короче — ведите себя как опытный разведчик и тогда опус Паломничества пройдёт наилучшим образом...

Все эти советы не занудство, но — осознанность, приложенная к опусу Паломничества с точки зрения экономии сил на самое главное.

Внутри этой структуры можно вполне качественно расслабиться.

ГЛАВА 27
ДВА ЧАСА В ОСЕРЕ

И вот, около 7:35 — мы в Осере. Нудный серый дождь все молотит серый асфальт.

Приехали к ж/д вокзалу; покупаем билеты на Аваллон (название-то какое!) и нехотя вступаем в мокрую стену.

В город идти около 20 минут, минуя мост через Йону.

Почти сразу вырисовываются силуэты четырёх-пяти Храмов: они великолепны.

Идём по узким улочкам-шкатулочкам, город на холмах, все закручено в трехмерный, достаточно тесный и концентрированный, лабиринт.

Катедраль буквально выпрыгивает своим огромным телом на нас из-за очередного поворота. Подходим к его вратам: в такую рань, конечно, закрыто.

Мы промокли средне, к тому же — холодно...

Идём быстро к другому Храму, выражаем почтение закрытым вратам — и айда обратно, на ж/д..

Возле вокзала — кафе.

Заходим: нас встречает здоровенный сембернар. Довольно приветливо. Но: чувствуется затаенная сила страшного зверя. Говорю ему пару мантр; видно — вроде мы его немного заинтересовали; подкармливаем пирожным. Тепло прощаемся с местными — и на автобус в Аваллон.

И хотя в Осере мы очень недолго — успеваем восхититься и влюбиться в этот небольшой городок.

Храмы, стальная плоть реки, серые хмурые небеса, назойливые струи дождя — перекрёсток миров в Пути к Авалону.

ГЛАВА 28
АВАЛОН ПРОСТУПАЕТ В АВАЛЛОНЕ

Небольшой городок Аваллон, именно так, с двумя «л». Нас сюда привозит автобус где-то за час, в салоне — только мы трое.

Дождь.

Нам далее в Аббатство Везле...

Водила Стефан, тот, который вёз нас из Труа, заметил, мол в Аваллоне ничего интересного нет вообще.

Однако, я не очень ему поверил, так как помнил герб града — Башню («фаллос священной мультипликации»).

Тем не менее — старенькая ж/д, такси и не пахнет. Мы уже готовы сразу ехать в Везле, не заходя в центр Аваллона, так как идти туда минут 15–20. Администратор пробует нам помочь с машиной, всюду звонит — но: глухо. Пять отказов. И тут: нам говорят — такси через 45 минут, устраивает ли?

Мы соглашаемся и бегом в город. Дождь продолжается.

Я иду по наитию и скоро мы попадаем к первой Церкви. Она своеобразна: внутри очень подобна романскому полумраку, снаружи — есть что-то и от Романики, и от барокко...

Внутри — только одна женщина. Заходим. Объединяемся.

Храм Святого Мартина (не совсем уверен, но вроде как). Несёмся далее — прямо и налево, мимо какого-то рынка и... да: Башня с герба. Она великолепна: ощущение — будто исторгает фонтан особой Чистоты на весь свой небольшой град.

Проходим сквозь неё далее по улочке — и: в шоке. Огромный Храм.

Храм Нашей Дамы и Святого Лазаря. Выглядит снаружи как Романский, одна Башня — активатор Сакрума; двери настеж. Храм огромен как бесконечно большая пещера. Описать — невозможно. Внутри — прекрасный Готический Остов.

И: людей — вообще никого. Ни души.

Тимпан сего Храма содержит Камень Священной Меры... сие можно зрить воочию.

(А, кстати, Храм Святого Жерве в Париже содержит в заалтарной части Ключ Огненной Готики...)

Мы безмерно счастливы. Ничто не может подарить такого счастья, как свидание с ТАКИМИ Храмами.

В Катедраль буквально 5 минут. Делаем, что можем — и бежим на вокзал к такси.

Успеваем почти впритык.

Аваллон очень мал. Но он просто великолепен: тут место, где сбываются все мечты Нашего Народа.

И такое его название неслучайно.

Авалон конкретно проявляется сквозь Аваллон.

ГЛАВА 29
АББАТСТВО ВЕЗЛЕ — ТОЧКА ОТСЧЕТА СОЗВЕЗДИЙ НАШЕГО КАМНЯ, МЕЧА И ЧАШИ

Такси довозит нас в Везле за минут 15–20. Деревушка из уютного камня, холмы, подъем в гору...

Кстати: здесь, на Севере Франции, весьма заметно отличие одной из базовых виноградных лоз архэ: Камень, Чаша, Рыцарь-Кентавр, Блеск Лат, Меч, Крепость (Замок), Храм...

Это — Часть Формулы Белого Авалона.

У нас, в краях как бы славянских, этих архэ нет...

И вот — мы выехали практически прямо под Храм Аббатства Марии Магдалины. Он реально шокирует: описать вообще не реально; я много раз видел его на множестве фото и по видео — почти ничего общего с ощущением от Его Присутствия.

Дело в том, что описание словами, пусть и метафоричное — в принципе ни о чем. Фото и видео передают только картинку. Храм же, вживую, ТОТАЛЕН. Он — реальное единство апофатики — то есть, особым образом организованного пространства (в частности, вообще не ощущается, что сие есть помещение; но в то же время — он намного более живой, чем даже самое восхитительное горное ущелье) и катафатики: архитектурных форм, скульптур, изображений...

И: очень важно — фото потому и не передаёт живое ощущение даже от имеющего конкретную форму

(например, от той или иной капеллы), что это формное всегда звучит ТОЛЬКО в единстве с уникально активированным Всеохватом Бесконечного. Все описанное воспринимается ТОЛЬКО всецело, то есть — ТОТАЛЬНО.

Храм — чудо Романики. И действительно, все чётко и по сути: как Проявление исходит из Пустоты, так и Готика (впервые воплощённая Аббатом Сугерием) вытекает из суровой апофатической аскетики Романики. И Храм сей — конкретнейшая Печать данного Знания.

Башен здесь как бы две — но они как-то так возведены, что ощущаются по одной: потому сие Диво чувствуется активатором, Оно как бы пробивает все завесы нашей долбаной и опостылевшей гордыни, Оно распахивает нас в Небо себя же, как в Передачу последнего напутствия Нагорной Проповеди...

Нам везёт, в Храме только монах и монахиня Иерусалимского Братства (о нем я уже писал в связи с Парижским Храмом и поместил выше текст их Листовки) — больше никого. Огромное, преогромное, Пространство. Очень, удивительно, Чисто — словно вошёл в сияющий Совершенный Кристалл. Или — в Хрусталь. А может — и в Алмаз...

Совершаем Ритуал Трёх Проходов.

И — трепетно погружаемся в Крипту: в Ней духовная радиация реально зашкаливает, череп сносит на хрен. Тут — Святые Мощи Марии Магдалины. Мы зрим Их. Ощущаю всем собою...

Везле — настоящее, ещё Живое, Диво из Див.

Одна из Алмазных Точек Сборки Чаши Грааля, территория Нашей Альбы особой Святости единства Альфы и Омеги; а значит — один из самых сущностных Корней Нашего Авалона.

Мы въехали в Везле через Аваллон; десять тысяч рек возвращаются в одно Море.

Точнее: нас впустили.

ГЛАВА 30
ИЗ ВЕЗЛЕ В ОСЕР. ОТСЕЧЕНИЕ ПЕРЕДАЧИ АВАЛОНА

Девиз Аваллона звучит приблизительно так: «Будь за нас, Господи, Башня Силы».

В Аббатстве Везле — тоже 14 Стоянок Крестного Пути; след Бернара Клервосского и инициация Крестового Похода. Также, Оно, одна из сущностных Станций Пути Сантьяго де Компостелла («Звездное Поле»)...

Дождь приутих. Около 14. Возвращаемся в Осер, который уже созерцали этим утром.

Полные вдохновения почти бросаемся в созвездие местных Храмов, начиная с Башни с Часами.

Заходим в первый Храм, в Катедраль, и нас буквально сминает, деформирует, ужасный вой органа. Как можно настолько вульгарное нечто помещать в столь тонкое

Измерение? Ответ весьма печален для современных западных христиан...

Идём далее. Виднеется острая Башня Аббатства Сен Жермена Осерского.

Заходим. Восхитительные Формы, но. Но: оно мертво со времён проклятой Французской Революции.

И тут совершенно ясно приходит понимание, касательно тех ужасающих событий. Благодаря соборному гению и Соборной Святости сотен, а может и тысяч Святых, Рыцарей, Монахов, Королей и Зодчих, во Франции волшебно проявилось и разошлось по миру Излучение Корня сверх святости, Грааля, — Белый Авалон. Эта Чистая Страна сверхмощно влияла на людей и их судьбы, как при жизни, так и в посмертии. И, видимо, была и процветает сейчас Сила, заинтересованная в уничтожении таких освобождающих влияний. Она и инспирировала злые деяния гугенотов, после — Французскую Революцию.

Таким образом, скорее всего, цель Великой Французской Революции — ПРЕРВАТЬ ЛИНИЮ ПЕРЕДАЧИ НАШЕГО АВАЛОНА, путём осквернения Святынь, убийства носителей Знания, искоренения базовой мирской религиозности.

И глядя на быт современных французов, на избитые Храмы, с уверенностью можно утверждать, что это получилось практически полностью и всецело.

Осер нас опечаливает. Суета. Полумертвые, великолепные в Святой Форме своей, Храмы...

Утром град сей воспринимался куда чище и радостнее: видимо, струи дождя скрывали скверну многочисленных надругательств над самым ценным для нас.

Уставшие, ищем своё жильё; иду, выхаживая боль за поруганный Наш Авалон: благо, идти далеко.

Сегодня суббота; мы, телами своими, прорезали в плоти времени и пространства тропу: Труа — Осер — Аваллон — Везле — Осер.

Познали: и восторг сопричастности Святости, и боль тяжелейших утрат...

Созерцаю: а что не меняется во всем этом?

Возможно: так, через Чёрную Тайную Розу, есть выход к сокровеннейшему Созерцанию. К — Истине.

ГЛАВА 31
ПЕТЛИ ДОРОГ. ПУТЬ НА ВОСТОК: ВЕРХОМ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ЗМЕЕ

Спалось плохо. Снилась какая-то откровенная херня, а проснулся я с мыслью «и нахуя весь этот кинематограф».

Однако, A LA GUERRE COMME A LA GUERRE, что на великом и могучем означает — НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ; что еще можно описать как Первую Благородную Истину «в жизни таки есть Страдание» (имеется ввиду, что не только оно, но — В ТОМ ЧИСЛЕ И ВСЕНЕПРЕМЕННО); другими словами — «полоса Белая, полоса Чёрная; ВОЛНА» (как в том анекдоте: печальный чел пришёл к психиатру и говорит, мол все херово; а тот —

«ну знаете, сейчас у Вас Чёрная полоса, а будет обязательно и Белая»; через время приходит тот же гражданин, но уже вполне радостный; доктор — ?; ответ: «а знаете, я точно понял: то была Белая...»).

Короче: Путь Воина подразумевает постоянство в намерении и в поддержании Тропы, ходьбу на Свет Звезды Парадигмы. И потому: не стоит отвлекаться на своё страдание, а конкретно, прямо сейчас начать делать нечто, освобождающее ситуацию: то есть применить Метод.

Самое простое и доступное: принять Обет опуса внимательности, хотя бы на час.

То есть, делать все, будто разминируешь мину; будто переходишь пропасть по узкому бревну; будто ловишь, брошенный тебе очень острый нож... И в этой внимательности ты точен с тремя своими активностями: в мыслях, в чувствах и в действиях; ты точно знаешь, что делаешь. Точно: a) наблюдаешь себя; b) корректируешь по чуть-чуть активности в соответствии с целями.

Это как бы Ключ, идущий от сознания.

Есть второй мощнейший Ключ: идущий от тела. Это — некие опусы упражнений, выравнивающие энергию больше посредством воздействия на тело. Например: комплексы проработки суставов, растяжка плюс сухожильные собирания, определённый опус касаний, набивка...

Третий — собственно через энергию, но это сложнее; сейчас такие действия некорректно называют китайским словом цигун.

Порою, этим третьим Ключом может, при условии особого качества, стать и молитва либо — начитывание соответствующих мантр.

Ключи можно сочетать.

И вот, час упражнений — и все хорошо.
Собираемся.

Ехать нам в Бурж и транспорта, как назло, нет: француз, не отвечающий за свой базар (а значит — лох) в последний момент уведомляет нас, что не поедет.

Идём на вокзал и получаем россыпь билетов: выезжаем мы в 10 с чем-то, а прибываем — после 19, минуя четыре пересадки. Спутники немного нервничают, а мне — радостно.

Какая на хрен разница: ехать или стоять, лежать или сидеть, осязать Храм снаружи или войти внутрь...

Приходит понимание обобщения опыта наших паломничеств.

1-я Формула: просачивание — пропитывание; для неё хорошо побыть в городе полный день — минимум, не уезжая и не приезжая никуда; так, похоже, происходит Циркуляция.

2-я Формула: удар или толчок, «вспышка молнии»; подразумевает быстрый вход, практически штурм, малое время пребывания в Святыне и такой же быстрый выход; сие встряхивает всю композицию, как бы нанося ожог, некую священную травму; причём — может

предшествовать длительная подготовка к такому рывку — как по времени, так и по пространству усилий.

Ты не то, чтобы сам выбираешь Первую или Вторую Формулу: обстоятельства как бы предлагают ту, или ту. Каждая важна, но по-своему и каждая даёт свой незаменимый эффект.

1-я Формула соответствует Храмам с Двумя Башнями (пример: Нотр Дам де Пари), Циркуляции; 2-я — Храмам с одной Башней (Труа, Везле, Санс) и являет собою священную Фаллическую активность умножения и распространения «звездного семени Авалона» в «эти долы и горы» (сперматический Логос Белой Страны посредством Удара Башни репрезентирует Отца; местные духи и Божества — Мать; их андрогинное Дитя — результирующая в Формуле «Место — Время-Храм-Огонь»; под Огнём понимаем вопрошающее чистое Сердце отсюда и просветленное Святых, Оттуда (а сие — тоже Циркуляция), встречу Молитвы и Таинства дарования Благодати (следствие: проявление девяти Плодов Святого Духа в быту)).

Есть и Третья Формула общей Циркуляции с ритмическими элементами поддерживающих вспышек (дабы преодолеть «глину», то есть — энтропию). Наиболее ярко такое можно распознать в Шартрском Катедраль. А, касательно Паломничества — это общий опус начала («Вход во Врата»), продолжения («езда на Тигре и Драконе») и Печати Фиксации («Пестования Зародыша Тайного Пламени»).

Очень важно, повторюсь, не заниматься извращенным кокетством с своими трудностями и изъянами, не отвлекаться на страдание — но конкретно и чем раньше применять Метод. Нет нужды в жалости к себе, но также — совершенно неуместно состояние безжалостности: просто и естественно делаешь нужное. Вопрос в другом: это звучит странно, но — ЛЮДЯМ НРАВИТСЯ СТРАДАТЬ, причём — РАЗНООБРАЗНО. Видимо, так их эго и гордыня наиболее комплексно подтверждают своему же неведению иллюзию отдельного независимого самосуществования — «не кончается пытка и карлик трясёт головой»...

Паломничество диагностически обостряет и проявляет все гроздья наших многочисленных уродств, предоставляя уникальную ситуацию «ускорения Огней».

Погода хмурая, как раз такая, как мне по вкусу.

Пересели на автобус и едем в нем: в окне — замечательные пейзажи каменной Франции. Кто знает: быть может каждый камень такого жилья особыми тайными нитями связан с Камнем Дракона.

Вычитываем о Горе Радости в Везле: о ней, якобы, писал нечто интересное Николя Фламель. Связь со Звездным Полем очевидна...

Да, Франция, Европа, «цивилизованный мир», оккупированы наихудшей версией Злого Демиурга. Власть его, однако, не тотальна. В просветах себя же свободного от давления безумного эго, обнаруживаем Белый Прозрачный Авалон. И он, в том числе, разбрызган сотнями Наших Храмов и Аббатств.

Немного юмора по мотивам трагедии Франции:

- лучшее средство от перхоти: гильотина;
- распятие органом или 15-я Станция Мытарств.

...ибо иго моё — Благо, а ваша «свобода» — ваша же и погибель.

ГЛАВА 32
ВСЕ ЕЩЁ ЕДЕМ... (К ВОПРОСУ О ЦИРКУЛЯЦИИ)

Прямая — не всегда лучший способ куда-то качественно попасть...

В связи с данным утверждением — некое размышление-осознание по дороге.

Некий Ключ увязывания кое-чего.

Созвездие Большой Медведицы — Везле, как Полярная Звезда, а Отен — одна из звёзд Ковша...

Дева, связана и с Чёрной Дамой, и с другой проекцией звёздного света из Звёздных Полей. Одно из светил здесь — Шартр.

Санс, Храм Святой Коломбы. Оная — Дева с Медведем. Объединение. Иерогамия. Кстати, в Сансе, как раз венчался Людовик Святой. И «Санс» коннотирует с: «Смысл», «Суть»...

Добираясь хрен знает как (на первый взгляд) до Буржа, мы, как оказалось, проезжаемся две ключевых точки, в которых уже были: Санс и Париж. Так, видимо, замыкается Циркуляция.

«Компостелла». «Звёздное Поле», а также — «компост» и «звезда»; «свет» и «земля», «прах», «первоматерия (?!?)»...

Лабиринт, хотя «живой уже умер, а умерший ждёт Прозерпину», в котором — «слепцу и зрячему одинаково выхода нет», продолжает восхищать. Кровью этого восхищения как раз и питается тело Паломничества, которое не имеет ничего общего с «набраться впечатлений», «получить паспорт паломника», «выставить сто грамм фото», «хорошо развлечься и отдохнуть», «съездить по местам силы»...

То есть, адреналин данной формулы крови — очень своеобразное немирское возвышенное одинокое отчаяние; а «эссенция удовольствия» — в «спадании покрывал Изиды», когда успел закрыть глаза (ибо смотреть на сие можно только третьим, недвойственным, глазом межбровья (а то — взорвет, ведь из двух очей, мужской глаз видит своё, а женское око — своё))».

Глаза.

Два Светильника.

Эссенция всех чувств: они. Чувства — вуаль Изиды, органы чувств: Врата.

Противоречие человеческой композиции («Квадратура Круга») - Мужское и Женское, око Солнца, Глаз Луны. Отсюда — «рога Оленя становятся Рогом Единорога».

Третий Глаз мудрости. Печать и Звезда андрогинности.

Луч Звезды Парадигмы.

Храмовый Витраж-Роза.

Тени Третьего Глаза по Кресту Проявления: виски и зона затылочного бугра.

Эссенция эссенции — маковка.

Противовесы, создающие «силу светимости»: центр промежности (у женщины — просак), пупок, центры ладоней и стоп.

Базовые Звезды: по движению — 12 Суставов; по оси — 32 позвонка колонны Хребта; по полноте жизненности — 3, 5, 7 вихрей Серединного Столба.

Так познаются Храмы: своего тела, мира и Храма.

Все объединяет и фиксирует Камень.

Он же — Чаша и Меч (вариант: Копьё).

Он же: Амброзия и Нектар.

Амрита Белого и Красного Вина.

Люблю дорогу: есть время осознать и увязать дарованное.

Чем и занимаюсь.

Подъезжаем к Парижу.

Здесь тепло и по-особому нежно. Переезжаем с вокзала на вокзал, — в окне: Сена и Нотр Дам де Пари.

Волна тихой радости.

Разговор о Марие Магдалине и Ее Святых мощах. В Аббатстве Везле — именно Они.

Книжечка сообщает, что когда-то там кто-то там обрёл мощи этой же Святой в Провансе. Ну и мол: Святая одна, мощей много — типа подделка, или, по крайней мере, сомнение.

И тут я поспешу расстроить наших скептиков. Дело в том, что Формула А=А подходит только для privatio кастрированного материалистического восприятия. В Мистических Опусах «А не равно А». Ибо безмерна щедрость Abundatio (Любви Господа). Могут, по запросу вопрошающих, возникать многочисленные двойники совершенно без какой-либо потери качества священного излучения.

Так что мощей Марии Магдалины может быть не только две единицы, но и — неизмеримо больше.

Кроме того: вопрос Инспирации. Да, некто может захотеть, например, с корыстной целью, подделать чьи-то мощи. Создать очаг поклонения и стричь с этого дела бабки. Здесь наш нигилист-скептик скажет: очевидная подделка.

Ан-нет: просто Инспирация нашла канал своего Проявления (как истечение истинного сочувствия к существам) и внушила идею тому, кто что-то мог в измерении действий, на доступном ему языке. Потому: и такие мощи (якобы не Святого) силой Инспирации становятся Его мощами.

Такого рода объяснение просветляет всю нашу небольшую компанию и дарует какое-то глубинное облегчение.

Нам ехать с пятью пересадками и мы, понемногу, распознаем смысл такого опуса: промывка и усвоение, полученного ранее. Нам все легче и все лучше...

Начинаю читать, взятую с собой, книгу Эволы «Оседлать Тигра». Начало импонирует вполне и новая волна радости омывает мой мир.

Может показаться странным, но отдых в поездах, автобусе и частые пересадки, за счёт интенсивного движения, является для нас сейчас более эффективным, чем комфортное пребывание на одном месте. Ключевая фраза: Ветер и Свежесть.

С удовольствием слушаем чтение и перевод нашего француза: он повествует об истории Везле, о Святом Бернаре Клервосском, этом зачинателе Священного Воинства, Орденов Рыцарей-Монахов.

Везле. Гора Скорпиона.

Сейчас, во время нашей поездки — время Скорпиона. Скорпион — символ гневных существ и яростных классов божеств: его, силою промысла Святых, оборачивают в другую интенсивность — Гору Радости.

Пересадка в Орлеане. Город победы и ясной манифестации Нашей Святой Жанны. У нас здесь всего 15 минут. Определяем номер пути поезда. И меня необъяснимо тянет из вокзала. Выходим — прямо и налево. Три минуты быстрого ходу, поворот за угол — и нам белоснежно улыбается местный Готический Храм. Он велик и прекрасен. Пару мгновений созерцания — и мы бежим на следующий поезд.

Альбический подъем играет в нашей крови.

16:50 по местному времени.

Город Вьерзон.

Последняя пересадка. Пьём чай и едим шоколад, в прикуску с круассаном. Небо — иссиня-черное. Челн растущего Месяца. Начинается ливень. Очень холодно.

Начинается снег.

Скоро поезд, около 20 минут и — город Герцога Беррийского и Святой Жанны Французской — Бурж.

Расцвет цивилизации Средних Веков, пожалуй, время со взятия Иерусалима (1099 год) и по 1307 (арест Тамплиеров), всего около 200 лет.

Это очень много.

Дело в том, что нам трудно оперативно охватить ощущением «время-пространство-я» период, бывший столь давно (более 700 лет назад).

Используем следовое ощущение, оставшееся от Советской Империи. Она просуществовала всего 70 лет (то есть — в три раза меньше упомянутого периода) и при этом чувствуется нами как очень наполненное и объемное время. Наполненность того Золотого Века Средневековья — в сотни раз сильнее, чем Советии...

Но вот наш поезд останавливается — наконец Бурж.

Выходим...

ГЛАВА 33
БУРЖ — ГОРОД В ХОЛОДНЫХ СУМЕРКАХ

Бурж. Холодно, но снега нет.

Берём машину и едем в снятую квартиру.

Она — в трёх минутах от Катедраль. Улица Еврейская. Старая мостовая, старый дом на трёх уровнях, трех этажах, больше организованный вверх, чем, как мы привыкли, вширь. Интересное ощущение. Из окна видно главный Храм города. Хозяина нет и не будет, берём ключ в условленном месте. Заселяемся.

Быстро разгружаемся и сразу — к Храму. Он, конечно, закрыт: уже поздно. Но — великолепен в своём затаенном молчании. Мы рады и восхищены таинством встречи с ним.

Бурж — в самом сердце Франции. Катедраль первомученика — в самом сердце Франции. Дом — в самом сердце Франции.

Две минуты от нас — улица Алхимии: она крошечная и состоит из одного или двух домов, переходит в улицу Чёрного Колодца...

Возвращаемся к нашему дому: первый этаж — прихожая; второй — камин, кухня и гостиная; третий — две спальни. Такой себе, вытянутый вверх, по вертикали, куб.

Оперативность тела по-другому ощущается в таком жилье, более объёмно и с осью.

Чувствуется, что это влияние излучения священной формы Храма.

Становится также понятно, что такие огромные Храмы, строили для переплавки оперативных тел народа — оно

как бы провоцировалось на взрыв, на резкое расширение в огромный объём, манифестируя недвойственный союз Бога Непознаваемого и Его Множества Имён (объединённых Главным Именем Любви); то есть такой Храм вводил в сферу особого Опыта, особого Гнозиса. В этом — все величие послания Светлого Средневековья нам, вся его эссенция.

А воинство Христово охраняло такую Передачу и сделало возможным организацию извлечения ресурса для такого строительства и само возведение Святынь. Вот, в том числе, почему, собственно, Тампль.

Огромные Храмы вовсе не умаляют и не подавляют достоинства человека, напротив, они реализуют на деле последнее напутствие из Нагорной Проповеди Спасителя. Точно также Тотальная Священность, Богоцентризм, не есть насилие над личностью. «Религиозное подавление и гнёт» — всецелый миф позитивизма. Теоцентризм дарует человеку драгоценнейший Дар — Смысл и Вдохновение, то есть — Жизнь. Гуманизм, человекоцентризм — нонсенс и приводит к нигилизму ницшеанского «Бог умер». Людей, живущих только «человеческим» можно лишь пожалеть, ибо никакого «человеческого» нет, а есть векторность к адам, к Небу и к Истине. Выбравший гуманизм, выбрал инферно.

Гуляем вечерними улочками: около 21:30; все из камня; воскресенье; в городе — ни души. Громада Собора парит Горою просветленной Радости над камешками уютных домиков.

Возвращаемся. Завтра рано вставать. Отдаёмся объятиям сна: каждый, по-своему...

ГЛАВА 34
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ШАРТР

Четыре утра — нехотя пробуждаемся. Пару минут на раскачку — приятная волна свежести раннего утра смешивается с тихой радостью предвкушения встречи с Шартром и с молитвенной благодарностью за то, что вообще родился, ещё жив и в состоянии объединяться с такими чудесами.

Час на уборку, сборы и подготовку — и вот в пять ждём наш бла бла кар прямо у Собора. Город ещё спит, а Храм не прекращает свою всегдашнюю молитву посредством присутствия сакрума Формы.

Рассыпаю горсть монет на мостовую: в предрассветных сумерках они поблескивают вместе с лужицами последождевой воды.

Машина приезжает вовремя, садимся, едем.

Через три часа мы должны быть в Шартре.

Но кто сказал, что не найдётся место трудностям, в том числе — как бы на ровном месте.

И — находится...

До Шартра в настроении группы царствует его величество Свинец, в Шартре — тоже. Не буду описывать детали битв эго, замечу только: поражает идиотизм мирных

граждан и их нежелания хоть что-то сделать в плане обучения управлению своими блядскими страстями.

В общем, все понятно...

Лучше напишу трактат в целом о некоторых аспектах Работы, вдруг кому и пригодится.

Пользуясь военными действиями битвы титанов гордыни, ухожу один.

Нотр Дам де Шартр, Храм Святого Aignen...

В последнем — в плоскости деревянного пола прочерчена камнем тропа для Ритуала Трёх Проходов; здесь же напоминание о Препятствиях и Испытаниях — 14 Стоянок Крестного Пути обозначены медальонами.

Делаю Ритуал: мне везёт — я один одинёшенек в Храме.

Испрашиваю Инспирации и Напутствия...

Брожу в Катедраль Шартра...

Какой-то местный деятель пытается пройти Лабиринт, лавируя между стульями, которыми, почти всецело, закрыта Вуаль Святыни. Сомневаюсь в успехе такого мероприятия: чем-то, по своей наивности, оно созвучно примитивностям книг типа «Лабиринт разгаданный», продаваемых в магазинчиках сувениров (а че, какие проблемы: почитал книгу, написанную очередным умненьким интеллигентом — и все понятно...)

Возвращаясь к моим спутникам, к опыту второго совместного Паломничества, замечу категорично: прежде, чем тащиться к Святыням, неплохо бы обрести устойчивые навыки контроля напора подачи собственного дерьма в общее измерение, а именно —

1. пройти базовый курс медитаций управления эмоциями (хотя бы до сотни тренировок);
2. обрести неплохую телесную подготовку (базовая проработка суставов: 16 групп суставов, минимум по 50 вращений в сторону (за тренировку, всего 800–1000 вращений) не мене 100 раз на протяжении года; растяжка вкупе с сухожильными собираниями; набивка и занятия в зале воинским искусством не менее 3 раз в неделю);
3. решить в целом в первом приближении вопрос сексуальной удовлетворенности, мужчине освоить хотя бы начальные «методы возврата семени»;
4. добиться базового устойчивого состояния покоя и тихой радости;
5. в целом научиться общаться с людьми в различных контекстах.

На сегодня, это та минимальная база, без который Вы ВООБЩЕ не сможете качественно начать хоть что-то.

Без такой проработки в Паломничестве будет тяжело. Много сил уйдёт на «ношение воды дырявым ведром». Кроме того, по факту, Вы скорее всего станете обузой спутникам (ну, или, если Вам так приятнее — станете для них серьёзным испытанием).

Ближе к 13:00.

Земля замаскированных обид усеяна пеплом. Я храню дозированное молчание и беру некую дистанцию. Все остались при своих, как-то типа коммуницируем.

Ну и ладно: как говорится — каждому кораблю, своё кораблекрушение.

Титаники, или — титаны, однако.

Не мною одним замечено: после где-то 2000 года резко осложнилось и усложнилось Делание Общиной (групповая работа: это, когда больше себя родного, то есть, одного).

Причина: резкое и очень мощное усиление факторов, кристаллизирующих эго и усиливающих безумие гордыни: Интернет, соцсети, нательные электронные девайсы...

Но ничего: одна из максим Воина «где труднее, там достойнее». Буду пережигать свинец спутников светом определенных дыханий: на сегодня время объяснений для них закончено, теперь опус мой.

ГЛАВА 35
ШАРТР. ТАЙНА СЕВЕРНОЙ КАЛИТКИ

Возможно, сегодня все так бодро стартануло, в том числе, по причине песни на моем будильнике: Бутусов два раза пропел «Моя звезда», может — сие было последней каплей, которая сдвинула точки сборки нашим друзьям.

Ведь проблема-то в чем: мирные граждане занимаются этой самой «духовностью» в самых различных вариантах, потребительски — они хотят получить «приятное» и избежать «неприятного».

Так, конечно, не получится никогда.

Смысл Опуса — перестать зависеть от страсти к приятному и избегания неприятного; перестать ненавидеть ад и вожделеть рая; выйти за пределы смерти и бессмертия...

Ну да ладно, пусть мертвые хоронят своих мертвецов...

А у Наших, дела поважнее.

Пару слов о Шартрском Катедраль.

Общая композиция: Латинский Крест (Неф — Трансепт; в нашем случае: Ось Север-Юг); Часовня Сен-Пья (Восток); Башенная Композиция Врат (Запад).

Три Розы: все, кроме Восточной.

Лабиринт.

Три Объёма базы это:

- Врата Западного Порога (паперть, Башни и до Лабиринта включительно);
- Крест Основы (Великий Котёл Смешивания на пересечении Трёх Роз);
- Часовня Сен-Пья (апофатический Чертог или «монашеские врата»).

Четвёртый, Тайный, объём — Крипта.

Каждый из упомянутых Объёмов является неким Котлом; и все вместе, все Четыре — Пятый Котёл.

В котле, как известно, с помощью Воды и Огня, варят, то есть — преобразовывают.

Покров Девы Марии (местная Святая Реликвия) — явно даваемый ингредиент; без него нет преобразования.

Возможно: внутренний ингредиент связан с Криптой.

Нужен ещё третий, тайный: его ищи в Сердце своём.

Таким образом: триада «ингредиентов запуска плавки».

Кое-какие подсказки:

- Башни: Две плюс Соединение восходящей волной Трикуты. Северная — Катафатика, аспекты Огней, Вдохновение и Творчество во след Инспирации.
- Южная — Апофатика (романская стилистика) аспект Пространства и Невыразимого, Свободы и покоя.
- На Кресте Южной Башни, кстати, Месяц, Луна. И: вообще-то Югу соответсвует Катафатика; то есть Башни как бы не на своих местах (здесь: намёк на смешивание «сделай правое, как левое, а левое, как правое», «женское, как мужское... и наоборот», см. «Евангелие от Фомы»...). Катафатическая Башня на Северной, апофатической позиции.
- И Башни как бы вроде симметричны ко Входу: то есть — намёк на смешивание Чистых Ингредиентов и того, что даже, чтобы войти, уже нужны эти самые ингредиенты и они потенциально есть в каждом: Тело Пустоты и Тело Звуко-Света; их Единение в особой пропорции — Тело Победы или Тело Славы.
- В месте пересечения потоков и значений Башен — всплеск Волны в виде Трикуты: намёк

на безусильное Творчество, то есть — на труд типа OPUS (но не LABOR). Сие связано с преодолением «пространства Экклезиаста», то есть Тщеты и выхода из «в поте лица своего» (для мужей) и «в муках рожать» (для жён).

- Чтобы начать искать Истину, Ее уже нужно Знать. Ты не можешь искать то, что не знаешь. Потому в Котле Врат уже есть ВСЕ. Вообще все. Истина. «Чтобы получить Золото, нужно уже иметь Золото». Очень отдаленно, в том числе: благородство уже есть, «небесная (голубая («ты не бойся Синевы, не утонешь»)) кровь».
- Лабиринт. О, Лабиринт («Живой уже умер. А умерший ждёт Прозерпину. Слепцу и зрячему одинаково выхода нет. И только мудрец восклицает: Каков Лабиринт»).
- В Лабиринте оптимум движения — почти всегда не напрямую (опус: бегство от Злого Демиурга (в том числе: «растворение своей неправильной соли»)).
- Центр между Башнями — отдельный мини Котёл. В нем: первая Тройка — входы; вторая — входы разделённого Света — окна; третья — вход Единого (Западная Роза (а ее Икона-Тень, Лабиринт (а Он — как бы «Небо», «Созвездие в Нем», Крипты))), но дифференцированного Света (Лучи (точнее, Звуко-Лучи, а Их здесь — 12 баз в нескольких волнах мультипликации Священного Центра)). Роза сия связана: а) с Сердцем, но б) через Глаза (отсыл к Двум Розам трансептов), которые должны сойтись в объединении третьим глазом...

- Часовня Сен-Пья проявляет как бы «другой вход» посредством Простоты. Так уравновешивается сложность (а на самом деле ABUNDATIO, бесконечная Щедрость (ЛЮБОВЬ)) Западного Входа. Тут — вход в Чертог через Прозрачность и Чистоту.
- Точка пересечения Нефа и Трансепта — ещё один кипящий водоворот плавки, условно, Мужского и Женского (если угодно — Жизни и Смерти) в Андрогинное. Интересно, что тут сходятся потоки всех светов. Момент: из Южной Розы трансепта идёт Мужской (или — Женский (тут как смотреть)) Свет Солнца и Полудня; из Северной — Свет Звёзд и Луны; из Западной — внимание, очень важно!, сумеречный, Заходящего Солнца (а Сумерки, это и есть «ни тут, ни там», «измерение психопомпа с крылатыми сандалиями», «Вечный Сентябрь»). И: именно Западная Роза связана с Лабиринтом, а он, в свою очередь, с Криптой...
- Незримый Свет Авроры и Альбы течёт сквозь все как некое сущностное всепронизывание с Востока...

Пока достаточно, ведь очень важно купить пару книг, обязательно с картинками (во-первых: не знаю Французского; во-вторых: все одно в них пишут, чаще всего, полную херню; в-третьих: вдохновляет и отсылает к метафорам арканов). Приобрести всякие сувенирчики, эти донные якоря для моего корабля апофатики, чтобы он раньше времени не того... Вкусно поесть с той же целью

и немного агрессивно пройтись улицами Шартра, слегка эпатируя этим местное расхлябанное население.

А Людовик Святой, кстати, на ихнем языке, звучит как Сен Луи — по-моему, ничего общего с русским переложением. И это — просто замечательно.

ГЛАВА 36
АССАСИНЫ СЕВЕРНОЙ КАЛИТКИ

16:15 — идём в Крипту. В неё можно попасть только два раза в день и только с экскурсией: в 11 утра и к 16.

Это — ещё один Храм под Храмом (а может — и не один (пускают там далеко не всюду)). Но даже то, что доступно просмотру и посещению — шокирует.

В Шартре хранится Покрывало Девы Марии — часть его во второй от центра северной капелле, часть — в Крипте, возле копии Статуи Чёрной Дамы (она сидит с Младенцем-Христом на руках, глаза закрыты).

Оригинал был уничтожен во время мракобесий Французской Революции.

И тут, вспомнив сей ужасающий период, нужно и важно, кое-что поведать о нем.

...Существовала совсем другая Европа: она эманировала из Белого АВАЛОНА (Нашего Чистого Измерения), Который, в свою очередь, изливался из Тайного Звуко-Света Корня — Грааля.

В период, приблизительно с 1000 до 1307 года, эта Инспирация организовывала тотально все: начиная от самой Высокой Мистики, продолжая — политикой и культурой; и заканчивая повседневным бытом всего народа.

Если бы эта Линия (а точнее — Линии) Передачи не была отсечена, мы бы жили совсем в другом мире.

В — неизмеримо лучшем мире, чем наш теперешний.

Проклятая Французская Революция была переломом, который почти полностью отсек и отрезал Реку Авалона и Его Благодать.

Франция — основной носитель Авалона и потому за неё взялись наиболее конкретно.

Вот некоторые этапы уничтожения ее сакрального духа:

- 1307–1314 год: уничтожение Тампля;
- 1337–1453: Столетняя Война;
- 16 век: гугенотские войны и гугенотский террор;
- 1789–1799: ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ;
- Первая Мировая Война;
- Вторая Мировая Война.

Однако, ещё раз акцентирую Ваше внимание — главный ужас попрания Линии Передачи Авалона, это Революция.

Они сделали, тогда и после, следующее:

1. Разрушили и осквернили почти все медиаторы Передачи: Храмы, Реликвии, Мощи. Обесценили в массах, в народе, внешнее Тело Передачи — религию. Казнили большинство живых носителей.
2. Закрыли сознание масс к возможности воспринять символический и чувственный Язык Передачи. Жёстко прописали все образы мира так, чтобы не осталось место Священному и навязали сие как систему обязательного образования. Учредили жесточайший диктат Науки, поставив ее на место религии.
3. Создали мощнейшее и детальное предложение, чем заняться в жизни: карьера, потребление, комфорт, амбиции и т. д. и т. п..
4. Создали и поддержали псевдодуховное предложение, в конечном счете, выраженное духом нью-эйдж. Отсюда — все эти примитивные книжонки, типа «разгаданный Лабиринт Шартра»...
5. И так далее...

Все это сделало почти невозможным восприятие Измерения Грааля, а значит — был забран и убран смысл жизни и, собственно, сама жизнь. Оставили: лже бытие полуробота и полускотины.

Да, приезжают граждане в Шартр: фотографируют, ахают, охают, говорят, что красиво.

Но: все это — а) невнятно; б) мимолетно; в) не имеет никакого развития. То есть: на качество и наполнение их жизни почти никак не влияет вообще.

Ведь смысл поездок к Готическим и Романским Храмам один: зацепившись за поражение их Формой, войти в Передачу Авалона и раскрыть Грааль в Сердце своём. А потом — эманировать всесторонь Авалон, как Чистую Страну обитания и возможного посмертия («по вере вашей дано будет»).

Не зря работали чёрные маги Революции: практически никто ничего не видит, не знает как и на что смотреть. Мало помогают даже труды Фулканелли...

Все сковано липким, душным, холодным и парким, чёрным льдом.

Потому, логично такое.

Первый шаг к пониманию и чувствованию «Тайн Соборов», к Передаче Нашего Авалона — проклясть всю Французскую Революцию; все до единого ее поганые плоды; всех ее архитекторов и вдохновителей. Проклясть от всего Сердца и от всей души.

Это: как бы один из входных билетов в пространство сопричастности Светлому Средневековью...

Возвращаемся к событиям в Крипте. Святая святых поругана: копия статуи Чёрной Девы помещена на какой-то дебильный постмодерновый фон; какие-то современные инсталляции воткнули куда только смогли; экскурсовод сказала очень странную вещь, цитата — «в Крипте изредка проходят частные богослужения» (что это вообще такое?!).

И это при том, что там — фрески, которым более тысячи лет!

Покрывало самой Девы Марии!

Возможно Вы спросите: а при чем здесь ассасины?

А при том: есть сведения, что упомянутые Воины были не только врагами Тамплиеров, но и часто сражались вместе с ними за одни и те же цели.

А уж толк в: «быть в миру, но не от мира» — они знали как никто другой.

Остаётся посоветовать глубоко изучить книгу Эволы «Оседлать тигра» и внимательно разобраться в лабиринтах книг Вечного Сентября...

ГЛАВА 37
СИНИЕ РОЗЫ СЕВЕРНОЙ КАЛИТКИ

Около 21:40, мои, утомлённые треволнениями дня, спутники спят.

Я иду в свежести одиночества к Храму.

7 ноября. Свежо, сыро (дождь шёл почти весь день) и гулко тихо.

Пустынно. Никого почти нет. Три минуты, и я пройдя, подсвеченную синевою, калитку уже у Собора. Он хоть и огромен, но вообще нет ощущения тяжести — скорее воспаряешь вместе с Ним. Выхожу на площадь перед Вратами Входа. Смотреть на это чудо можно вечно...

Дева Мария...

Синева.

Как войти в Ее чертоги, причаститься Альбы не заканчивающегося рассвета?

Тихий плат Богоматери распростерт над Храмом, Шартр завернут в него; Вселенная завёрнута в него; Сердце завёрнуто в Него...

Чёрная Дева: сияющая Чернота. Мета Свет...

Созерцаю Котёл Врат.

О Двух Башнях уже писал — теперь пару слов о Центре.

Его структура — Семёрка, увенчанная Трикутой Творения. Трое Врат — через них могут входить и выходить тела. Плотные тела.

Трое Окон: через них входит внутрь Тварный, а выходит наружу — Нетварный Свет.

Выше: Роза. Она Седьмая.

Окна и Врата симметричны: они пропускают различные оперативности существ. Они симметричны двояко: и друг относительно друга, и — своего центра.

Мир тел.

Мир души, где живут образы и сновидческая реальность организованного звуко-света.

Роза: Корень истечения Образов, Цветок Начал.

Сие круглое окно чётко вписано в Квадрат: известная Квадратура Круга. Один из путей ее решения: Круг управляет Квадратом (или: Вдохновение и Творчество — жизнью (или: Небо — Землёй)) посредством Двенадцати. Зодиак, Апостолы, Олимпийцы...

Седьмой элемент эссенциальный и он связан с передачей управления, посредством мира активного воображения (три окна) на измерение трёх Дверей.

В нем центр мультиплицирует себя всесторонь через 12 сил.

Выше: галерея Королей — архэ, владеющих этим Искусством («Тонкое правит Грубым», а не мирское: «Грубое попирает Тонкое»)...

Крипта.

Часовня Богоматери подземелья: здесь копия статуи Чёрной Дамы, которую, несомненно в ходе черно магического ритуала «отсечения Авалона», сожгли революционеры; здесь часть Ее.

Плат...

Кстати, во время пожара, он был чудесно спасён в Колодце Сен-Фор. Нижние Воды сохранили жизнь артефакту Верхних...

Акватическая стихия души: Колодец — некая тень «Лестницы в Небо», подтверждение Вертикали Бытия.

Войти во Врата труднее всего.

Трактат «Северная Калитка уцелевших Тамплиеров»:

1. *Ты — не Ты. Твоя Соль испорчена Демиургом: её Огонь используют для не тех костров.*
2. *Твоя жизнь: тебе уготовили — растворяют твою соль, изымают Огонь для своих Котлов. Тебе — участь тени.*
3. *Теряя — обретёшь. Но: для получения Золота, уже нужно Золото. То есть: у тебя должен быть компас. По его стреле — путь.*
4. *Звезда, Роза, Рог Единорога. Начав — уже не останавливайся. Уходи от Земли. Руби все якоря.*

В этом месте текст обрывается, видимо, пожранный временем; однако, очевидно — речь о постепенном Пути Преображения (хотя, возможно, часовня Сен-Пья охраняет и другие тайны...).

Возвращаюсь домой — тихо. Всюду: синева. Пожалуй, скоро в неё. В синий-синий сон.

ГЛАВА 38
СЕВЕРНАЯ КАЛИТКА В АВАЛОН МОЛЧАЩЕЙ ЛИЛИИ

Пути Господни не исповедимы...

«Париж стоит мессы» — изрёк когда-то один французский король, прожженный бирюзовой радиацией Шартрского Плата Девы Марии.

Никогда не понятно окончательно — на благо произошло нечто, или напротив. Страна Сумерек: «Роза тайная расцветает: я прощаюсь с Тобою — пора».

Конунг Рольф Пешеход был настолько мощным и огромным, что его не выдерживала ни одна лошадь. Из-за этого вынужден передвигаться и сражаться пешим.
И не взирая на разного рода странно жестокие нюансы, тем не мене, все та же радиация обернула его к Вере Христовой...

Синий свет Марии...

Роза прощания с упованиями на право Силы.

Ее шипы отменяют торжество Чёрной Магии, так естественной для людей.

6 утра: подъем. Час на сборы и мы летим на вокзал. Шартр — завернут в бирюзовый Плат Приснодевы. Ныряем в эту синеву и тонем в ней. Парашют не уместен как и самолёт: итак мы в небе, а небо — в нас...

Возвращаюсь к вчерашним событиям в Крипте. Эти полчаса — откровенный срез того, что значит жить вне Передачи Авалона.

Наши спутники: три задроченных (но гордых собою) носителей члена на полуспущенных — язык не поворачивается этих назвать мужчинами. И: шесть бодрых сук разного возрастного разлива.

Экскурсовод — тоже сука с тёмными глазами, еле таскающая свою тучную тушку, но вещающая всякую херню уверенно и без сомнений. Входим в Крипту — и первое: безвкусица инсталляции (дело в том, что после того, как «Бог умер», творчеством начали считать любую дерьмовую сублимацию своей извращённой сексуальности). Потом — уродские витражи какого-то корейца (так они отметили тысячу лет Собора). Все дамочки стервозно бодро уточняют: а подлинник ли, а действительно ли фреска такая старая? Но больше всего позабавило следующее: экскурсовод сказала, что даже блядские учёные (а блядские они потому, что отдаются тем, кто платит) подтвердили подлинность Святыни. Вопрос бодрой суки звучал, что мол вряд ли подлинник — уж очень бедная ткань, а Дева Мария была успешной и могла себе позволить лучшее...

Современные недоделки всегда сомневаются в Святости, в Благородстве и Чистоте; всегда ищут какой-то компромат на это либо просто стебутся.

Такое состояние практически непробиваемо для тонкой радиации Передачи: сие и есть аспект ложной Фиксации, Первая Соль...

Начало требует героического рывка: предстоит ПОЛНОСТЬЮ порвать все упования на социо-культуру, всецело отбросить все ее обычаи и императивы. Сгнить до алмаза в пепле. Освободиться от диктата животных страстей (при этом: без их потери или подавления), от всех образов себя и от любого мнения вкупе с мировоззрением.

Иначе: Синяя Калитка Северного Входа не пустит.

Тотальное разочарование, решительное и кропотливое снятие цепей, надетый социумом и культурой; на грани смерти и безумия...

Львиная доля, почти все в нашей композиции искалечено Демиургом с целью возможности управлять нами без проблем, вплоть до вируса патриотизма: когда люди убивают друг друга вообще ни за что. Ведь нация — это миф: ее вообще нет в метафизическом пространстве; это — оперативный, очень наполненный силою, жест черно магической суггестии.

Шартр, утро. Покров бирюзовой свежести...

Странным образом нахожу обрывок пергамента: на нем продолжение нашего текста.

«5. Очень точно и осторожно отдели одно от другого...»

Далее в тексте пространно описывается ряд операций.

Самое не простое: распрощаться с гробом земли и обнаружить себя в прозрачном гробу. Свернуть тело в душу и начать жить ее привольной акватикой. Ведь это значит — отсечь иллюзию стабильности и все опоры.

Дело в том, что, условно говоря, вот эта первая Соль ложная (говоря по-простому: в обычной жизни все не так; то, да не то; Высоцкий «эх ребята, все не так, все не так, как надо»), потому как:

- активный элемент грязный из-за смешанных, то есть — когда нужно, он не проявляется, а когда не нужно, включается;
- условно, женский элемент, тоже несовершенен и оборачивается союзом вялости и мнительности;
- понятно, что связь двух нарушенных элементов (а извращены они и ритмически, и в пропорции, вследствие нерешённой (точнее, решённой в пользу Демиурга) формулы столкновения животно-демонического и социально-роботического; и все это ещё и заглушает тихий шёпот небесной души) порождает ещё большее нарушение, проявляемое в неадеквате мыслей, слов и действий; среда отвечает на все это — так формируется жесточайший рок;
- потому возникает тема отделить одно от другого и разделить внутри каждого чистое от нечистого, а потом чистые элементы поженить;
- и чем точнее и более полно было проведено разделение, тем боле качественно возможно приближение к оперативной андрогиннности

(то есть — к, собственно, счастью, как пролонгированному до смерти «бытии в Боге»).

Остаточная Фиксация — смерть; до этого приятного события вполне можно отвлечься и потерять качество реализации, впрочем — не поздно и спасать себя, как бы плохо не было. Потому:

- одно важное дело правильно жить;
- второе, не мене важное: правильно уйти в Знании и в неотвлечении.

А жизнь — это восьмёрка циркуляции «бодрствование — сон» и важно их тоже поженить это означает: осознанность во сне, распознавание сновидческой иллюзорности «реальности».

Возникает некое умиротворение, Прозрачная Белизна, Малая Святость глубинного покоя и срединность оперативной способности решать уравнения диады через тернер: то есть за пределами «да» и «нет»; проявляется 64 гексаграммы различения между этими двумя точками.

Лицо утеряно: его украл капюшон, его забрало в себя забрало, а зеркало отражает зеркало...

Только на этом уровне и возможно качественное расслабление, Грязная Соль не может быть расслабленной — но: только вялой и расхлябанной.

Женитьба продолжается, ведь иерогамия — это Циркуляция. Она же и промывка, и наслаждение, и — «своё измерение».

Это и Круг и Восьмёрка.

Но: все связано со всем и все влияет на все. Долго изолированное, может взорваться. Потому — должен Проявиться Плод, подобно алеющему рассвету.

И он проявляется в соответствии с:

a) силой реализации;
b) качеством чистоты окружающих условий.

Последнее, кстати, объясняет, почему сейчас столь мало чудес — слишком плотная среда.

В частности, Рольф Пешеход потому и принял Семя Христово, что во время осады Шартра у него и его воинов было видение светоформы Девы Марии над градом тем.

Сейчас светоформы, чаще всего, видят шизофреники и наркоманы, при этом сие не имеет благих развязок...

Безусильное творчество, когда все происходит само собой, когда уже не нужно страдать от усилий: в красноте рассвета LABOR заменяется на OPUS.

Не факт, что фазы прохождения от Земли расплющенных костей до Земли нового Неба, через Воду Очищения и Текучести, вдохновение Воздуха и творящую Силу Огня, процессы строго последовательные: вполне могут иметь место микроциклы в макро.

Об этом может и интересно читать (и то: далеко не всем), но сделать реальный шаг «прощания с Землёй и гробом» для большинства практически нереально.

В лучшем случае, люди согласны на опыт «поддерживающей духовности», в лучшем случае избрав «сладкий уют семейного рая».

Чей-то алеющий рассвет коагулировал некие райские области Авалона в чудо Шартрского Храма Нашей Дамы. И, да: там находится часть Грааля. Но Ее, не увидит глаз; Ее не тронет рука...

Она проявится сама, когда настанет ТО время и если Твой вопрос к Храму имел необходимую силу искреннего отчаяния...

Добегаем до вокзала.

Билеты куплены — садимся в чрево металлической змеи. Едем в Мон Сен Мишель через город Ренн.

Горностай доволен, ведь он носит то же имя.

Чёрная Дама сидит; глаза закрыты. Женщина, в контексте европейского Гнозиса, пассив. Сидящая — усиление пассива.

Сидящая Дама — двойной покой.

«Предел Спокойствия без усилий порождает Блаженство»; Непорочное Зачатие — Таинство Самопроявления; когда апофатика истекает реками Проявления.

Чёрный вбирает: если мы соберём пространство по Прямому Кресту, то оно, закипев в Центре, будет излито Лучами Четырёх Диагоналей (а оные — срединность, белизна, компромисс между вертикалью и горизонталью).

Обретший совершенный Покой в Сердце, обретает Священную Мать Корня, — причина сия дозволяем

править миром и совершать истинные деяния спонтанного сочувствия.

Так живёт праведник.

Он не называет себя таким...

Сен Луи, Тамплиеры и народ сделали очень много — Шартрский Катедраль возведён за невероятно короткий срок. И — пребывает в недвойственном единении Жемчужины Мгновения и Плата Вечности.

Бирюза Девы охраняет Его...

ГЛАВА 39
ВОРОТА РЕННА

Мы доезжаем из Шартра в Ренн. Здесь у нас — 2 часа. Город уже знаком, покупаем билеты — и бегом к Нашему Храму.

Бретань, Ренн...

Красивые звучания.

Десять минут — и мы у Сен Жермен. Очень своеобразный Собор. Возле — магазинчик всяких кельтских значений: чего в нем только нет. Покупаю маленького Единорога из Серебра.

Заходим в Храм. Тишина. Один человек кроме нас. Все родное.

И, если Стена — это наличие, то Ниша: Присутствие. Обрати на сие внимание: очень важный Ключ к многим арканам...

На фасаде сего Собора — четыре ниши...

Пьём чай. Люди здесь нам попались замечательные.

Интересно, конунг Рольф Пешеход, принявший Христа после осады Шартра и поражённый чудом Светопроявления Приснодевы, как раз получил от Короля Нормандию.

В неё мы и направляемся.

В Мон Сен Мишель.

Ренн: дух Авалона и его Священных лесов...

ГЛАВА 40
МОН СЕН МИШЕЛЬ — ВРЕМЯ УХОДА ВОД

Около 15 мы в Мон Сен Мишель. Быстро бросаем вещи и штурмуем Аббатство, буквально добегая до его Церкви.

Группы, похоже, японцев ходят по Храму и немцы с ними.

Поведение их ужасно — по факту, это просто оскорбление Святыни. Они стебутся буквально со всего.

Да, в основном, здесь, во Франции, в бытовых взаимодействиях, люди как бы доброжелательные. Однако — все это внешнее и не имеющее сути, внутри — они (в массе своей) пустые, холодные и довольно жестокие. Отношение к Святыням — лакмусовая бумажка человечности и добросердечия, а оно тут — ужасно (Храмы для местных, для приезжих: просто часть развлекательной

программы и совершения акта причастности к статусному действию (понт)).

Понятно, что люди разные, но существует общее настроение среды и оно довольно сильно (если не тотально) обуславливает человека. О нем и пишу.

Раньше искали Великий Растворитель.

Сейчас у всех Великий Закрепитель — фотоаппарат. Все только и дрочат на них, совершая сотни абсолютно бессмысленных актов фиксации того, что не просто плохо, а — всецело ужасно.

Мон Сен Мишель одновременно наполнен Святостью тех, кто был здесь тогда и мертв холодом пустоты сейчас.

В норме предполагается Циркуляция, отдача — принятие. И сие было тут столетия.

Сейчас Циркуляции нет. По 9 евро с лица, 1,5–2 млн. туристов в год (блядь, не паломников); магазины и обслуга, а месса, похоже — часть развлекательной программы (дай-то Бог, чтобы я ошибался и здесь).

Получается: одни зарабатывают большие бабки, другие — пошло и тупо занимаются всякой херней, типа фотографирования, смотрения и слушания, бессмысленных напрочь, экскурсий. Вроде, движение: но, простите, причём здесь Архангел Михаил и Храм?!

Ведь: входя, попробуй войти; имею ввиду — Аббатство, одни из Врат в Небо, в себя... При чем здесь «получение впечатлений» и развлечения?

Я не пессимист и не нагнетаю уныние. Утверждаю: сегодняшняя такая ужасная ситуация есть фильтр, барьер — ежедневная и тотальная, беспощадная проверка

на вшивость. Испытание. И счастье, что так. Достойные пройдут, максимально прожжённые огнём сопротивления победившему во вне злу. Большинство — сломается и погибнет сердцем...

Мон Сен Мишель — ещё один Котёл Плавки. Ещё один перст, указующий на Всеполную Истину. Ещё один Камень Авалона.

Итак: Гора Мертвых.

Архангел Михаил. Аббат Обер. Касание святым перстом черепа и отверстие в нем (намёк: смотри практику Пхова).

Остров и Аббатство подобны Колоколу. А это — Звук: форма всепронизывающего бытия. Колокол = Гора.

Внутренняя суть — Чаша. Грааль.

В Чаше — вино Причастия, нечто, вводящее в кровь Тайный Огонь.

Мультипликация Грааля — Авалон.

Котлы: Двойка — Аббатство и Город. Син и Мин (жизненность и духовность).

Аббатство. Ряд Котлов.

Котёл Великого Смешивания — Наш Сад, клуатр. Здесь — и огненная стена защиты Рая, и приход пневм всех других Котлов, и Драконы силы, и Ампелос переноса Пламени в формулу медленной крови. Два базовые ингредиента смешиваются — Пространство, Небо (апофатический элемент приходит с западного

направления) и все пневмы Аббатства с трёх остальных. Место смешения — Сердце монаха.

Вход сюда — из Храма, на Север (на Нашу Звезду); выход — в Трапезную на Восток (восхождение, питание светом (окна особые, открывающие светоносность свою по мере входа) , звуком слов Писания, большим пространством (а в этом огромном помещении всего-то 50–60 монахов трапезничали) и пищей земною: все в синхрон (кроме того: каждая совместная Трапеза — отсыл к архэ Святого Причастия)).

Сооружение Чудо, Ля Марвей (сама жизнь ведь такова) — ещё Котёл из нескольких Котлов.

Выстроен по вертикали: это не из-за условий местности, а из-за Учения Дионисия Ареопагита об Иерархиях, в частности, о 3 по 3, о Девятке. Проекция сего на Мир: три Варны.

1. Те, кто Молятся (очищенный Огонь в форме нейтрального Света);
2. Те, кто Сражаются (интенсивный Огонь, направляемый первыми);
3. Те, кто Трудятся (следовой Огонь).

Отсюда, здание Чудо.

Верх: Трапезная монахов со входом из «райского Сада».

Середина: зал Королей и аристократии.

Низ: странноприимный Дом для всех остальных.

Единство: Башня Ворона (Копьё Лонгина, целостность и единовекторность всех в Пути Истины; все различны

в обществе («каждому — своё»), но едины и равны как паломники и перед Богом).

Вторая Тройка:
Наш Сад (клуатр) — Верх; Рыцарский Зал — под ним; Кладовая — ещё ниже.

Первая Тройка и Вторая, плюс Воронья Башня — Семёрка. Кстати, витражи Северного Трансепта в Храме, как раз над входом в Клуатр, тоже Семерка. А с Юга, напротив — Тройка. Вместе — Священная Полнота Десятки.

Храм и Тройка Крипт (а Крипта, это как бы корни, из которых вырастает Храм).

Крипта Больших Колонн (с Нашей Дамой) и Десятью Колоннами в центре.

Крипта Нотр Дам де Трент Сьерж (Богоматери тридцати свечей) — под Северным трансептом.
Крипта Святого Мартина — под Южным.

В Аббатстве очень много ниш. Ниши окон, дверей, под статуи, просто...
Напомню: «Стена определяет наличие, а ниша — Присутствие».
Так, входя в очередные двери, ты сталкиваешься с нишей — активизируй Присутствие, упражняй его во всех ситуациях перехода; ведь и смерть — тоже переход, который, неплохо совершить в качестве.

В конце концов не зря в каждой Мечети есть ниша в направлении на Мекку (см. Суру 24, аят 35).

Конечно, описано здесь, далеко не все. Можно, к примеру подчеркнуть некое равновесие апофатики (Романский неф) и катафатики (Готические Хор) в Храме.

Есть и чисто военные и хозяйственные сооружения.

Однако: самое главное, сущностная структура Аббатства, вполне наглядно и откровенно представляет собою систему Котлов алхимических Плавок, выстроенную в соответсвии с Учениями, в том числе, Дионисия Ареопагита.

Ночь. За окном дождь. Все спят. Аббатство покоится в воде Синих Звёзд Богородицы.

Затаённое Серебро Нашей Нормандии.

ГЛАВА 41
ПРОСТРАНСТВО ЧЕРЕПА ОБЕРА. АВРАНШ

Всю ночь сек дождь. Порывы ветра объясняли, что мы в стране с суровым названием — Нормандия.

Утро. У хозяйки пять котов: с удовольствием знакомлюсь с тремя. По очереди ношу каждого на руках, читаю им освобождающие мантры. Коты довольны. Видно, что даже они, домашние животные, существенно отличаются от своих собратьев, живущих в наших краях.

Какой-то след тотальной кастрации всего и всея разлит здесь: будто искру живую вытащили из местных существ. Рафинировали и стерилизовали...

Котам, видать, непривычна такая, как у нас, энергетика. Они с интересом общаются, выгибаются дугою и подставляют бочка.

Садимся в авто, муж хозяйки везёт нас в Авранш, город, где сохраняется Драгоценнейшая Реликвия, череп Обера — того самого, через которого Архангел Михаил проявил Мон Сен Мишель. Такие существа как упомянутый Святой, скорее всего в буддистской Традиции, получили бы имя Ригдзина, то есть Великого Хранителя Знания и Источника Линии Передачи...

Едем. Красивейшие пейзажи Нормандии; беседуем о Революции — наконец, находится француз гневно и жёстко говорящий о ней и о том, что Францию, за последний век, оккупировали то одни, то другие.

Город Авранш: погода — то солнце, то дождь, то почти снег...

Заходим в туристический офис: нас почему-то принимают за поляков. Берём карту и айда.

Первый Храм выпрыгивает из-за домов: название странное — Наша Дама Полей.

Интереснейшая форма: две симметричные Башни, типологически подобные Парижскому Нотр Дам (что ли более изидические...), чуть ниже по бокам от них — острые Романские Башни. Нигде ещё такого не видели...

В Соборе никого. Делаем Ритуал Трёх Проходов.

Кстати, пару слов о нем.

Два Круга и Центральный Проход как раз и проявляют идеальную Циркуляцию: последняя позволяет внести Движение в чертоги, оживляя Храм; дарует возможность объединится со Святыней; представляет собою Воду (молитва во время прохода — Воздух, а включенное внимание и живое Сердце — Огонь).

Левый, Правый и Центральный Канал.

Точки Стояния соответствуют Вихрям.

В них делается либо Тайное Дыхание, либо опус особого Объединения.

Так Храм получает подношение, а паломник может обрести Дар Знания.

Вторая Церковь, буквально в двух шагах — Святого Saturnin. Удивительно красивая с очень необычными формами — и тоже никого.

В обеих Храмах — таблички 14 Стоянок...

Идём далее: Храм Святого Жерве.

Он внутри испохаблен смесью барокко и классицизма, но снаружи — очень даже ничего, особенно сбоку.

Заходим и сразу хотим выйти, но читаем при выходе, что Святыня Обера таки тут. Возвращаемся. Находим. Подносим Трепет и Молитву. Свидетельствую: все настоящее.

Гуляем по городу, созерцаем остатки Крепости.

Авранш проникает мягкой радиацией Сада и Поля Нашей Дамы...

Скоро — возвращаться в Мон Сен Мишель.

Мы рады особой радостью: ведь Череп Обера — как бы икона Грааля, а Аббатство на Горе Мертвых, посвящённое Архангелу Михаилу — Авалона, соответственно.

Едем назад. Читаем с помощью нашего француза книгу про паломников.

В Средние Века это явление было очень массовым и паломник обладал высоким социальным статусом. Интересно, что один из распространённых типов наказания — было Паломничество, как путь раскаяния и преступнику, как способ исправления, присуждали одно или несколько таких действ.

Социальная Лестница в Средние Века была неизменно связана с Ареопагитикой. Три ступени Иерархии — Духовенство, Рыцарство-Аристократия, Все, кто трудятся — с одной стороны были тремя разными мирами; но с другой, Измерение Священных Странствий объединяло всех без каких-либо ограничений и различий. Король- паломник ничем не отличался от Рыцаря-паломника и от Крестьянина-паломника...

В символическом прочтении Здания, Чудо Мон Сен Мишель, Опусу пилигримажа, соответствует Воронья Башня (и не забудем: Ворон, в том числе, символ Черноты)...

Когда Паломник принимал особое посвящение он получал Посох, суму и особую одежду, тем самым попадая под безоговорочную защиту Церкви. И теперь сеньоры, по землям которых шёл к Святыне пилигрим, лично перед Богом и Церковью несли ответственность за безопасность их Опуса.

Часто паломничество совершалось всей семьей и на протяжении, порою, лет...

Важно: движение Паломников по дорогам и внутри Храмов поддерживало особую Циркуляцию Святости в измерении тех времён и стран; в определенном смысле — пилигримы были «Кровью Авалона». Такие Циркуляции не только уберегали Мир от застоя и выхолащивания Учения, но и накапливали силу особых Прорывов.

Не забудем, что духовно-рыцарские монашеские Ордена создавались в первую очередь для защиты Паломников...

Средневековье вообще не знает развлекательных путешествий — то есть туризма: с точки тех воззрений, такие действа есть безответственное и бессмысленное прожигание ресурса жизненности.

К великому сожалению, Мон Сен Мишель сделали брендом, со всеми негативными последствиями. Думаю, не исключена жесточайшая расплата по судьбе для тех, кто сюда приехал как турист — потусоваться и поразвлечься (уж очень много здесь накоплено совсем иных пневм).

Не думаю, что в такие Места как это, Везле, Шартр и т. п. стоит приезжать просто потому что интересно, красиво и уж тем более «по приколу».

Необходима подготовка: то есть нужно точно Знать хотя бы вектор исканий.

Иначе — лучше ходить в Высокие Горы, глубокие Долы, возможно, такое намного безопаснее...

И ещё. Уж если пишешь о Святынях, вроде упомянутых, очень важно избежать двух грубейших ошибок:

1. примешивать нудный, на хер никому ненужный, научный исторический дискурс;
2. ещё хуже — толковать структуры Святых Мест через язык мира нью-эйдж, экстрасенсорики и прочего похожего мракобесия.

Корректным будет, в случае перехода с одного языка одной Традиции на другой, хотя бы намёком сие указывать.

В доступе имеются следующие категории книг или фильмов на тему Соборов:

1. научно-позитивистские: описания технических характеристик и истории (официальной) вопроса — ценность сего близка к нулю;
2. художественные: многое зависит от автора, они, конечно (при условии определенного качества) интереснее первых, но соотношение: объём, время на прочтение / что-то ценное, извлеченное из них — тоже не особо;
3. мифо-поэтика (это если говорить современным языком) Средневековья — рыцарские романы, легенды, предания, лэ и т. п. — при правильном чтении самый ценный источник;
4. парапсихологические и псевдо эзотерические книги, литература нью-эйдж: не только всецело бесполезна, но и крайне вредна, так как может направить на ложный путь начинающего искателя;
5. сочетанные книги: типичный пример труд Луи Шерпаньтье о Тамплиерах — в целом прекрасная книга, но — есть вкрапления ненужного

позитивизма (п. 1) и, к сожалению, псевдо спиритуализма (п.4). Если их распознать и отсеять, то будет много пользы...

6. Книги Фулканелли и их воздействие на читателя я, пожалуй, комментировать не буду...

Вообще, крайне необходимо понять Принцип Ключа и Меча.

Ключ — это искусство отделения и разделения истинного и ложного, в том числе — различающая мудрость.

Меч — это принцип познания через Нашу Любовь (ее слабый отблеск, один из аспектов — хорошая интуиция).

В идеале — сие один принцип и он циркулирует восьмеркой...

Многие, находясь в сетях лже духовности, прелести, спиритуализма, эзотерики нью-эйдж и прочего подобного дерьма, считают целью и желаемым плодом пилигримажа накопление неких «Особых состояний» и ощущений. Сие, конечно, страшнейшая и грубейшая ошибка, ведущая к набору привязанностей, гордыни и усиливающая общее неведение; по сути — разновидность духовной наркомании.

Вообще неважно: переживал ты что-то особенное или вообще ничего.

Главное — вектор.

Поиск не Силы, но Истины.

Итак, попробую хотя бы немного, описать тему плодов пилигримажа:

1. Вообще не важно, ощущал ли ты что-то особенное, переживал ли какие-то необычные чувства и состояния. Это может быть. Этого может не быть. Неважно. Плод часто приходит после...
2. Плод может быть выражен в усилении ясности видения и Воззрения: когда долго не понимал, не понимал — и вдруг, раз (без усилий)! — и открывается.
3. Улучшается качество практик и форм Делания («лабораторная защищённая работ»), которые Ваши по жизни и так...
4. Улучшается во много раз быт. Банальщина будней обретает особое качество смысла и блаженства.
5. Крайне важно: Дым от Костра Истины — Добросердечие: оно возрастает в качестве и количестве без специальных усилий.
6. Возрастает способность проявлять спонтанное не сентиментальное сочувствие. Причём: не просто, а в векторе — освобождения от «Плена Демиурга». Не так, как принято у мирных граждан: называть «сочувствием» различные формы потакания их эго...

Из Авранша мы возвращаемся в Мон Сен Мишель.

Впереди: второе свидание со Святыней и трепетное приношение себя ей...

ГЛАВА 42
КЛУАТР МОН СЕН МИШЕЛЯ, АМПЕЛОС И ЭХО ТОМАРА

Как и вчера, сегодня, мы возвращаемся из Аббатства в съемный дом, пешком. Идти — более 35 минут. По местному проселку, среди полей; нас то и дело сечет порывами дождь.

Ночью бил град.

Погода в Нормандии суровая.

Позади: свидание с Авраншем и его чудесными Храмами, с точкой Проявления Опуса Архангела Михаила посредством Святого Обера («Камень черепа», как некий коагулят Святыни; точка отсчёта Аббатства...).

Очень необычная статуя Девы в Храме Авранша: стоит на Змее, руки на уровне диафрагмы, держит Шар с Крестом в его верхней точке...

Опять Храм Аббатства Святого Михаила: неф — Романский (то есть, по факту катафатическая часть апофатична); хор — пламенеет Готикой (здесь ситуация обратная). Великое Перемешивание...

Крипта Богоматери Тридцати Свечей поддерживает Северное крыло трансепта. Может так получилось случайно, но отгадка количества свечей — возможно, на этаж выше, в самом крыле. Там статуя Девы и по три свечи справа и слева: похоже, апеляция к Семи Огням Алтаря, и центральной свечой есть сама Богоматерь.

Откуда же тогда тридцать?

Если эти шесть — центры, то их развертка по Кресту Проявления как раз и даст искомое число (6 умножить на 5 (4 крайние точки и центры крестов) получаем 30)...

Клуатр, быть может, Главный Котёл сплавления всех ингредиентов.

Растительный орнамент связан с акватической оперативностью настоящей жизни и базисной ее душою; в нем — Ампелос, виноград. Ампелос, полезший за лозою на высокое Древо, упал и разбился — ему, как архэ верного ученика, даровали бессмертие в виде звезды Виндемиатрикс в созвездии Девы... Виноград — корень вина, Вина Причастия, он созвучен Крови и вносит в ее Формулу Тайный Огонь...

Здесь же мы замечаем и несколько Драконов — символ эссенции священной животности (некоторые едят виноград). Собирает гроздья и человек...

Трое: Мир растений (акватическая жизнь, все прорастает во все, все заколдованно вьётся ветвями и травами); животность, собранная в образ Дракона; человек пред выбором...

И там же — в этой вязи, Святые, сам Христос.

Клуатр — место личного увязывание собственной судьбы, «лабораторного защищённого Делания», Воззрения, в том числе — изучения книг, Работы и жизни в Общине и Общиной...

Увязывания — в поисках гроздьев Ампелос, сокрытого травами и охраняемого сиренами и драконами.

Внутри пламени двойного ряда колонн — Наш Сад.

Здесь же аббат совершал обряд омовения ног монахам...

Аббатство Мон Сен Мишель пронзительно вернуло меня на шесть месяцев назад в Томарский монастырь. Последний — разбросан по горизонтали, и в нем также явно ощущаешь все эти Сосуды волшебства Делания.

Мон Сен Мишель, изначально, как бы, есть отрезан водами, то появляется временный доступ по суше — и сие глубоко символично. Сейчас, правда, доступ постоянный...

Вертикаль Аббатства Архангела Михаила и горизонталь Конвенту ди Кришту: Тампль.

Гугенотам не особо повезло с Властителем Северо-Запада: здесь они нашли своё поражение и смерть.

Революция нанесла тяжелейший удар Аббатству: только стены и формы, сокровенные тайны ниш, продолжали сохранять Святость: уроды Революции учредили здесь тюрьму...

Вбиваем шаг в асфальт дороги. Порывы ветра. Дождь. Проезжающие мимо машины, всецело безучастны к нашему ходу.

Одиночество.

Пустота.

Громада Аббатства воспаренно висит, сообщая коридор Истины под Знаком Синей Розы. Тернии звёзд все ещё касаются остывающих сердец и капли крови, быть может, когда-то прорастут зрелым Ампелосом.

Путь ученика...

ГЛАВА 43
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАРИЖ

Опять дождь.

Утро.

Хозяйка нас довозит до некоего шлагбаума, поленившись проехать ещё метров четыреста, мол дальше под дождичком, давайте сами.

Да, европейцы как бы на позитиве и как бы доброжелательны. На самом деле, за всем этим — своеобразная пустота, зияющая отсутствием Смысла и всепронизывающим Хладом. В доме, где мы останавливались, море всяких милых сентиментальных вещичек. Чувствуется: этим комфортом закрывается провал в ничто, в миры без Бога и даже — без анимальной витальности множественных божеств.

Европы нет: она, как и писал в своё время, Шпенглер, таки закатилась.

Ампутация Священного не прошла зря: все вроде так, да не так. Намного хуже, чем пока есть у нас...

Крайне важно уметь быть в неотвлечении. В связи с данным тезисом вспоминается один батюшка — его мы встретили в Кременце: жили в гостинице соседями. Так вот: он только что вернулся из Иерусалима, а дело было после Пасхи. Мы подарили ему изображение Мон Сен Мишель и просто выразили почтение. Попа начало трусить, далее последовали уточнения, православные ли? — Получив утверждение мы навлекли на себя бессодержательный поток эмоций и проповедей. Не было в челе даже базового спокойствия...

Отвлечение на интенсивность своих чувств и ощущений — грубейшая ошибка. Адекват и присутствие не должны теряться вообще никогда.

Комфорт и некая псевдо доброжелательная толерантность формируют такой паттерн общения с миром и людьми, когда все идёт как бы вскользь, по касательной. Извлечение же капли сути, искры Особого (не говоря о Тайном) Огня, предполагает проникновение в сердце вещи, явления, ситуации, существа. или человека. Одной из предпосылок такого действа является наработанное или проявленное качество неотвлечения: это и внимательность, и собранность, и бытовая осознанность, и много всего другого.

Проще всего такие качества естественно включает агрессивная, нестабильная, изменчивая среда. А этого как раз и нет здесь, во Франции.

Комфорт предполагает не факт своего фиксированного наличия, а процесс бесконечного его усиления и детализации, а также — подвязан под истерию и извращенность брендов и трендов. Потому, он есть особое божество (или аспект Божества), которое забирает всю свободную оперативность сознания. Продвижение по Пути требует этой свободной оперативности очень много.

Потому: ученик должен быть всецело независимым от божества Комфорта, и должен вообще убрать сие из своего круга всех интересов.

Этот момент есть аспектом одного из Трёх Обетов, Обета Бедности.

Обет Целомудрия означает Чистоту и свободу от ожидания Особых состояний, ощущений, невовлеченность в стяжание сил (кстати, потому понятие «место Силы» для нас всецело неприемлемо).

Обет Послушания предполагает смиренное и спокойное принятие ударов судьбы, тем не менее — при активной воинской позиции там, где хоть что-то можно изменить действительно.

Три Обета — это доспехи, защищающие от всяческих навей и оберегающие от ловушек Пути. Сияние этих лат под звёздными лучами Нашего Поля не выдерживают нечистые сущности.

Приближаемся к Ренну. Там пересадка — и на Париж. К Опусу окончания этого цикла Циркуляции.

ГЛАВА 44
УМЕРЕТЬ — И УВИДЕТЬ ПАРИЖ

Есть некая заезженная фраза — «Увидеть Париж — и умереть».

Лучше бы наоборот — сдохнуть, а потом увидеть Париж и все, что с ним связано. Сдохнуть как социо-культурное тело, как личность, как веер жёстких образов себя, как имя паспортных данных, как смесь робота и бездумной скотины...

Знание о «счастье» в нас связано с удоволетворенностью, отсутствием боли и наличием «приятного». После акта «утраты Бога» западная ойкумена лихорадочно ищет разного рода средства, достижения таких целей. И это достигается: вот только — частично, компенсаторно и очень не надолго. Потому искомое счастье все время ускользает...

Дело в том, что наше сущностные ядро, родовое качество, определяющее человечность как таковую, настроено на амплитуды не меньше Небесных.

Значит: жизнь без оперативности познания Бога и Истины всегда обречена на жгучую и вялую (то так, то так) неудовлетворенность.

Живущий современной социо-культурой (то есть — «просто жизнь») обречён на самые разнообразные страдания при жизни и на ничтожную, недостойную смерть.

Тот, кто Идёт, никаких гарантий не имеет.

Но: во-первых, само такое Движение, сам Путь, уже при жизни дарует наполнения, несравнимые по степени удоволетворенности и блаженства ни с какими тривиальными радостями профанного бытия; а во-вторых — у него есть таки реальный шанс действительно (смешно сказать, «позитивно») решить вопрос смерти...

Вопрос, куда ехать связан с тем, есть ли контакт со Звездой Парадигмы и если он в наличии, то начинаешь распознавать, родственные Тебе, Линии Передачи Знания; постепенно проясняется все и вся...

Пока что меня, в первую очередь, манит Передача Авалона; я прихожу к Ней весьма странно; зачастую — вообще неожиданно для себя.

И территория Франции, сейчас, сохранила некоторые способы входа в эту Передачу, в основном — через шёпот Священной Формы и тихой музыки Места...

Не очень я уверен на счёт качества сохранения Передачи официальными Церквями как целостными институциями; другими словами — я не очень уверен в возможности качественного группового пилигримажа в контексте современного христианства (конечно, сам молюсь, чтобы я ошибался в этом вопросе). Не знаю, работают ли сейчас те и в том виде посылы, которые имели оперативную силу 600–700 лет назад...

Я, все же и пока что, предпочитаю одинокий Путь и Путь очень малой Общины...

Примечательно: в Золотое Средневековье Рыцари-Иоанниты создали сеть странноприимных домов и ухаживали, лечили, опекали пилигримов.

Тамплиеры же — в основном, были стражами Путей и Дорог.

Судя по всему, Тевтоны сочетали и то, и другое.

Правильный посыл Паломничества определяется способностью и возможностью быть в здесь-присутствии импульса Духа, что означает мета трансцендентный порыв: выйти за Пределы всех Пределов («Тейата ом, гате, гате, пара гате, парасамгате Боддхи, сваха» (мантра Запредельной Мудрости)). Это — один из аспектов Истинного Пути. И он всегда подразумевает Щедрость ABUNDATIO, проявленную во всех нюансах и деталях

Тропы. Это и — дарование, прощение друг другу, и — банальные чаевые всегда и везде, и — подаяния нищим, и — доброе слово местным, и — брошенная, случайному прохожему, монетка на мостовую; и — готовность помочь кому сие необходимо... Все эти, вроде бы моральные качества, как раз исходят из духовного устремления ко Всеполной Истине, что и есть Путь настоящей Трансцеденции.

Жадность связана с оперативностью материалистического Воззрения, со всеми вытекающими и их результирующим PRIVATIO, как экономностью даже перед лицом достаточности ресурса и неотвратимости собственной смерти. Жлоб всегда жлоб, пусть даже он и прилично одет и обладает якобы хорошими манерами. Скупость всегда связана со страхом, с отсутствием запредельности в духовном векторе.

Раскованное сияние щедрых деяний не только условие правильного Паломничества, но и, как это ни странно, причина будущих благ в вопросе достаточного количества денег (богат не тот, у кого много, а тот — кому хватает).

Настоящий Пилигрим никогда не имеет намерения что-то взять со Святого Места: его мотивация — посредством трепетного созвучия с Ним взлететь по диагонали воспаряющей Птицы за очередные Пределы (то есть: вообще за все Пределы; в этом-то и суть метафизики и такое Видение наилучшим образом охраняет и от Прелести, и от гордыни, и от «ловушек дорожных демонов»).

Все, описанное выше, умещает в себя Девиз Тамплиеров.

«Не нам, Господи, не нам...» — чувствуя совершенно особый вкус этих слов, я всегда переживаю вспышку

чистой Белой радости. Безмерное счастье заполняет каждую частичку тел моих...

Вернёмся, однако, к Аббатству Мон Сен Мишель, точнее — к его структуре.

Если мы посмотрим на его план, то увидим, что все комплексы зданий представляют одно целое, состоящее из:

a) корневой скалы Дикого Камня (возможно, что-то на тему Материи Прима...);
b) собственно построек, разного смысла и назначения, которые объединены в три уровня (ORDO).

Первый, в основном, связан с нижним уровнем и с третьей варной; массы скалы, вокруг которой притулились его здания, наибольший удельный относительный вес. Однако: капля Святости — Церковь Нотр Дам су Тер. Вроде бы, это как раз то, с чего начался Мон Сен Мишель и что проявил заделом Святой Обер.

Второй уровень — как бы воинский, Рыцарский и Королевский. В его объёме Дикого Камня уже намного меньше. Церквей четыре: три Крипты и Часовня Святого Этьена. Симметричны друг друга лечебница и оссуарий (костница).

Третий уровень уже не вокруг Дикого Камня, а над ним (!), что, возможно, намекает на процесс в стадии завершения.

Над вершиной Горы Мертвых — точка пересечения нефа и трансепта, то есть — Крест Храма, Место Эссенции.

В объёме третьего уровня: Клуатр Нашего Сада, Трапезная монахов (Котел Причастия), дормиторий монахов и Храм.

Здесь же — аспект Пространства в виде площадки перед Храмом.

Сходится все в точку шпиля главной Башни: слеза Божьего Милосердия возвращается к своему Истоку...

Остров Святого Михаила именно остров: то есть Нечто посреди Вод (действительно войти сюда можно только в, минимум, акватической оперативности (а наука и ее чёрная магия общего образования загнала всех граждан в тенета Злой Земли, что и есть — ущербной Солью)).

Мон Сен Мишель, проклятые революционеры, на 70 лет превращают в тюрьму!

Самое печальное и одновременно смешное, что в таком ужасном действии просматриваются свои намёки и свой смысл...

В 1969 году в Аббатство возвращается небольшая община монахов, есть они там и сейчас...

Мон Сен Мишель, если судить по активизированным объемам, вообще — Святыня из Святынь; сейчас — пост культурный бренд.

Это — вроде бы, противоречие. Но при более глубоком взгляде можно распознать и другое: контраст максимален. Достойный выберет Достойное, а мертвый — придёт в место своей погибели (правда, по дороге ему будет «прикольно» и толерантно к таким же ходячим мертвецам).

ГЛАВА 45
НОТР ДАМ: ДРУГАЯ ЖИЗНЬ ПАРИЖА

Приехали: Париж.

За полчаса добираемся на квартиру, бросаем вещи и ещё успеваем в Нотр Дам.

Осмотр охранником рюкзака при входе, меня под курткой (все нормально) и вот мы в Храме.

Париж — очень конфликтный город в сути своей, хотя внешне — весьма мягкий и уютный. Он вообще не романтичный — это град жгучего непримиримого противостояния.

Его напряжение и боль связаны с наличием двух враждебных Центров: Нотр Дам де Пари и Эйфелевой Башни.

Часто в сувенирных контекстах их так и изображают рядом.

Средневековый Париж сейчас остался только в виде осколков, его целостность в своё время уничтожил некий Жорж Осман.

Гюстав Эйфель поставил ещё одно черномагическое клеймо на Город сей — Железо Башни Запада. Не буду подробно останавливаться на этой печальной теме — заинтересованных отсылаю к моей статье «Игла Эйфелевой Башни стремится впрыснуть в небо Металл Нижних Миров». Посему: Париж — страдающий, разорванный надвое, Город. Принять душою его в целостности — значит

обрести поражение; здесь принцип Ключа означает: отделить Париж Нотр Дам от Парижа Эйфеля и Османа.

Теперь пару робких замечаний о Храме Нашей Дамы.

Нотр Дам де Пари...

Центр Сите.

Сите собирает в себя воронкой Центр Франции...

Храм Тайны.

Собор Покровы.

Изиды.

Если вдруг вспомнить о Таро Изумрудной Розы, то свяжем, пожалуй, сей Храм со 2, 11 и 22 Арканами. Причём: 2 Аркан = 11 (1+1=2); а 22 указует на 4...

Система Котлов.

Первый Большой — весь Латинский Крест Храма. Он делится на Два Котла Основы: Неф и Хоры.

Второй Большой — Фасад (Котёл Врат).

Котёл Сокровенного Смешения — точка пересечения Трансепта и Нефа (ее же отмечает Шпиль).

С другой точки зрения, Котёл Латинского Креста имеет в себе глубинную сокровенную Сердцевину (центр Нартекса, центр Нефа и Центральные Хоры) она окружена поясом Малых Котлов — капеллами, в том числе Звёздных Тел Святых, которых более двадцати...

Порталов (входов с Вуалями) в Храм — Пять: три со стороны Фасада, и по одному — в трансептах.

Возможно, Нартекс и Фасад следует осознавать как один Котёл. Его немного мы и посозерцаем.

Фасад состоит из 11 объёмов (Котлов): Трёх центральных Порталов; Трёх объёмов над ними (Окно-Роза: центр, «Квадратура Круга»); Трёх объёмов «Воздушной Колоннады» и Двух Башен.

Основа — 9 Священных Квадратов и Врата Тайны — Башни. Над каждой Башней есть ещё маленькие острые башенки и по два огромных окна (отсюда — 4).

Немаловажно осознать Пояс Галереи 28 Библейских Царей (это важно: здесь Линия Передачи, но не просто, а в формуле Четырёх Семёрок (7 умножить на 4 = 28 (сие связано с Крестами Мультипликации: Базовое Мистическое Умножение идёт по Четырём Лучам («Четыре Райских Реки») и по принципу наибольшей Творческой Волны (7 — Число Творчества; см. статью «Пифагорейский Цветник»)).

Две Башни как бы сокрывают сущностный Пик, Шпиль Собора, символ эссенциального Тайного Огня.

В Квадрате Девяти эссенция указана как центр Андреевского Креста — там статуя Девы с Младенцем Христом, похоже, в правой Ее руке — Цветок; а по бокам — два Ангела с Чашами. В целом — Триада. Важно также рассмотреть детали статуи: что у Приснодевы на голове, а что под ногами...

Пояс Воздушной Колоннады — между Двумя Башнями и Тремя Квадратами Розы, он симметричен Поясу 28 Королей (Держателей Передачи).

Быть может, он как-то связан с акцентуацией Воздуха как преддверия Огня Шпиля.

Три Центральных Портала, возможно, есть три главные способа войти в Котёл Делания.

Первый: Портал Коронации или Портал Святой Девы.

Второй: Портал Святой Анны.

Третий — Портал Страшного Суда.

Это как бы прямые Входы.

В принципе, Фасад, Котёл Врат, содержит в себе весь Путь: ибо «чтобы получить Золото, уже нужно иметь Золото»...

Имеется ещё один Вход в Котёл Трансепта с Южной стороны: тут, направление мученического подвига; здесь недалеко — резиденция епископа, преемника Сен Дени с отсечённой головой.

Симметрично, с Северной (может и алхимической) стороны — Портал Клуатра и Красные Врата. Это направление связано с Милосердием и путём Прощения...

Безусловно, написанное выше, лишь скромные потуги объять необъятное, но кое-какие подсказки, все же, кое-кому там может и найдутся...

Важно — не идти в осознание с детализации начальной, а с высоты птичьего полёта (пусть даже и куриного) обозреть и прочувствовать весь возможный объём.

Нотр Дам де Пари — Храм сокровенной Тайны: он содержит в себе семена-эйдосы большинства Храмов Нашей Дамы Авалона.

Вечер: снова дождь.

Идём домой. Завтра — фиксации Опуса.

Мы вернулись домой.

В Наш Храм.

ГЛАВА 46
МЫ — КАПЛИ ЦВЕТНОГО СТЕКЛА В ТАЙНОМ ВИТРАЖЕ

Начну с цитаты. В Нотр Дам увидел в киоске книгу на русском «Собор Парижской Богоматери» — автор: Мари-Жанна Колони. Забрал последний экземпляр тот...

Вот эти очень глубокие слова:

«Сочетание основных цветов стекла (синего, зеленого и красного) называемого «антик», единственного вида, известного в средневековье, удивительным образом меняет настроение каждого фрагмента.

/.../

Сюже, построивший базилику Сен-Дени, считал, что такое взаимодействие цветов символизирует единение Святых. Он сравнивал полифоническое пение со взаимодополняемостью цветов витражей, формируя из них образ Церкви, где каждый несёт ответственность за одну единственную ноту, необходимую для сияния всех остальных».

(упом. соч. стр.22).

Вообще-то, насчёт уместности полифонии в Храме — у меня есть большие сомнения (впрочем, как и насчёт органа), — однако: сравнение интересное.

Наша уникальность и, собственно, специфика личного Пути определяется звуко-световым катафатическим кодом...

Упомянутая книга — типичный пример историко-культурной попсы, тем не менее, написанная с доступной автору любовью и не без возможной пользы от прочтения. Но пользу сию ещё нужно извлечь, особым образом прожив сконцентрировано ряд фраз и цитат.

Чем и займёмся позже...

А пока: ещё пару слов о подготовке — навеяло: утром попался бегущий француз, бежал он, вообще-то, в сторону ускорения своих похорон. Многие бегают для здоровья, но делают сие неправильно, приближая раннюю смерть.

Вот некоторые правила правильного, созидающего бега:

1. Никогда не бегайте по утрам — слишком жесткая нагрузка на сердце. Можно: не ранее полдня, не ранее, чем пять часов после пробуждения.
2. За час-полтора до сна лучше уже не бегать.
3. Не бегайте каждый день — «для здоровья» 2-4 раза в неделю вполне достаточно.
4. Старайтесь не бегать по асфальту.
5. Не бегайте вдоль авто дорог — там Вы дышите ядом выхлопных газов.
6. Лучше всего бегать в лесу по пересечённой местности.
7. При беге Вам должно хватать дыхания: то есть Вам должно быть удобно дышать носом. Выдох можно делать и ртом, — но вдох: только носом. Дыхание лучше всего ритмичное под шаги (но без усилий). Если так не можете бежать — начинайте с быстрой ходьбы.
8. Нельзя бегать, преодолевая себя.

9. Фон и ритм бега должен быть размеренный.
10. Ни в коем случае не бегайте с наушниками — очень и опасно, и вредно.
11. По возможности, до бега, после еды должно пройти не менее 1,5 часа.
12. Если Вы не особо подготовлены и Вы старше тридцати лет — лучше перед бегом размять суставы круговыми движениями.
13. Бег для похудения — бред. Он разрушает тело.
14. Неплохо, если Вы трусцой можете бежать около часа или 40 минут.
15. Лучше бегать в натуральной одежде: х/б, лён; всякие гортексы и тому подобное — полная херня...

С одного на другое — с Северной стороны у Нотр Дам два входа — Красная Дверь и Портал Клуатра. Возможно, это — Наш Север и говорят, что именно Роза этого направления наречена «Розой Алхимиков»...

Да и Краснота...

Выше я писал, что Париж как бы разорван надвое. Нотр Дам и Эйфелева Башня — два непримиримых антагониста. Не справедливо было бы не отметить ещё и Триумфальную Арку. Это — след трагического Наполеона.

Все-таки он вернул Пресвятые Реликвии в Нотр Дам; но, тем не менее Арка — все же пролегомена к Железной Башне.

Важный вопрос об эякуляции: есть заповедь «Не прелюбодействуй»; в популярном обращении, это, конечно же секс с женой и не в день поста.

Однако: воинская Формула несколько иная — «Богу — богово, а кесарю — кесарево»; в смысле — главное не потерять семя. Потому сами соития возможны, однако в пределах Опуса одной Циркуляции не должно быть излияния семени (отсюда, важность практик «возврата семени»)...

А теперь как раз время осознать, что люди Средних Веков — это совсем иные существа. Между ними и вами — пропасть.

Вот эти некоторые цитаты крайне важные для осознания.

«Св. Ландри был епископом Парижа в середине 7 века. Он продал свою мебель и даже священные сосуды Собора, чтобы облегчить участь бедняков.»

«Жуанвиль, друг Короля Св. Людовика сказал: „Подобно автору, иллюстрирующему свою книгу, Король Людовик 9 украсил своё королевство прекрасными церквями, а во время строительства он лично наблюдал за работами“».

«Про епископа Мориса де Сюлли: „Построив величественный Храма многочисленные памятники, сам он оставался бедным, приготовив убежище для всякой нищеты и будучи щедрым для всех... он стал живым камнем Вечного Града“».

«Пеги так описывал радость совместной работы при постройке Храма:

„Поверят ли они этому? Мы были воспитаны радостными людьми. В те дни строительная площадка была тем местом на земле, где люди были счастливы“.

„В мои времена все пели...
В большинстве гильдий люди пели“».

«Важно лишь одно — знать себя, знать мир и знать Бога.
Именно Воплощение находится в центре всей истории; два Завета сходятся ко Христу, а Церковь продолжает Христа».

Ночь в Париже. Дождь.
Сегодня — Триада: Храм Сен Жермен да Пре, Сент Шапель и Нотр Дам.

Циркуляция этого Пилигримажа увязывается в Тайные Котлы и сокрывается особыми печатями тайны — до времени...

ГЛАВА 47
ПЕЧАТЬ ЭТОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА

Утро. Город пустынен. Наряды из каких-то их местных ментов в полном оружьи, даже такая себе небольшая, в теле, бабенка в камуфляже (и той дали модный автомат). Идут с некоторым понтом. Чувствуется: они не воины,

но солдаты, обслуживающие свои технические приспособления и волю Демиурга.

И вот: Сен Жермен де Пре — прекрасная романская Церковь с реликвиями Святого, стоявшего у корня Нотр Дам де Пари.

В Храме — никого и чёткая радиация Нашего Авалона.

Подносим наши циркуляции Циркуляциям Святого Места, как можем сливаем их в одну...

Идём пешком по улице Бонапарта к Сент Шапель. Рассуждаем о его печальной судьбе.

Сент Шапель, обыск, деньги — и мы заходим в Храм.

Святейшее Место, возведённое Сен Луи для Тернового Венца Спасителя, теперь попирает чернь: она суетно и хищно вбивает все, что только может в электронику бездушных фотоаппаратов. Непонятно только зачем: ведь недорого продают множество качественных открыток, книг и альбомов. Плюс: Интернет всем таким завален...

И тут мы можем осознать потребность человека в Ритуале, в Мистерии, в Таинстве.

Попадая в какое-то такое Особое Место, люди чувствуют, что что-то как бы нужно сделать, как-то пообщаться с данным объёмом.

Собственно: так выражается базисная потребность в Алхимии, в Плавке, в Работе Котла и в Котле...

И.

Ранее, сии Жесты были прописаны на трёх уровнях Ритуалами.

Сосредоточение ума на определённых Образах, Аспектах и Именах; поток речи, несущий Воду Молитвы (или — Мантры, Призывания); Жесты — поклоны,

становление на колени, простирания, Крестные Знамения, проходы...

Все это создавало три Канала Циркуляции: Человек — Истина, посредством и при усилении Святым Местом.

Так и Место дышало особым дыханием Святости и люди получали возможность ускорить Путь; также — улучшались природа и социум окрест.

Сейчас предложены симулякры на всех уровнях: жвачка для больного компенсаторного ума — экскурсия (минимум сущностной информации); на уровне души и тела — тупое фотографирование всего подряд и себя дорогого вкупе с не менее тупым «любованием красотой». Так этой подменой перекрывают выходы в Наш Авалон, поскольку Демиургу нужны тупые и больные рабы с высоким самомнением.

Скажу прямо: ходить в Святыни типа Нотр Дамов, Сент Шапель, Мон Сен Мишель... просто ради интереса, для престижа, «по приколу» и даже «полюбоваться красотой» — значит осквернять их. А такое осквернение никогда не пройдёт бесследно — оно очень негативно скажется и на судьбе жизни, и на посмертии. Лично я рад, что у меня период подготовки занял не менее семи лет: я сначала прожил сотни раз все эти Храмы, собрал по крохам Знание о Них, бытийствовал ними... И даже не особо думал, что получится узреть все это воочию; а далее — видимо что-то накопилось и Дорога открылась.

Слава Богу, что мне все это далось не сразу и не просто так; очень хорошо, что впервые я поехал за границу уже

будучи зрелым человеком. Меня вообще ни капли не впечатляет их западный мир, единственное, что здесь достойно восхищения — это Следы Авалона.

Думаю, молодой, не очень подготовленный гражданин, очень рискует, путешествуя в такие места без Трепета и без многолетней подготовки: он может войти, на самом деле не то, что не войдя — но ещё и уйдя далеко в ложную сторону. И вся система обслуживания туристов (во многом — и паломников по линиям Церкви) работает именно в таком направлении «отведения очей»...

Сент Шапель.

Победная Радость всеприсутствия Прозрачного Пустотного Света Истины, как Великого Знака недвойственного единения двух наиважнейших Аспектов.

Храм Тернового Венца: предельная интенсивность Боли и Страдания Христа преобразована в Его Славу, то есть — в Сияния. И эти Святые Потоки умножают и обжигают нетварностью все вокруг...

Капелла имеет два Яруса: первый, более низкий, посвящён Приснодеве; второй, феерия Света — Реликвиям.

Пару слов о верхнем Ярусе. Это, как всегда, система определённых Котлов Священной Переплавки.

Неф — состоит из четырёх долей; и Алтарь (всего: Пять объёмов (4 + 1)).

Все Излияния Света тоже структурированы особым образом:

Неф:

— по 4 Витража с каждой стороны (с Севера и с Юга) (Восьмёрка);

Алтарь:

- 7 Витражей (Восточная Сторона);

Западная Сторона: Окно-Роза (обратим внимание: Оно — Круг над Квадратом).

Левое — Правое:

- по 7 Витражей на каждой стороне плюс один по центру Востока и Роза на Западе.

Общая Формула Изливаемого Света:

- 16 Врат Излияния Светов.

Не забудем: Терновый Венец — на челе Спасителя. Колючка — архэ Луча. Капля крови созвучна капли Света. Таким образом: Кровь (этот носитель Огней) Христа, принимая света мира через Врата окон, преобразует их в Котле капеллы и раздаёт уже причащенными, Ампелос Истины...

Каркасом, «Держащими Свет», являются Двенадцать — их статуи соответствуют каркасным колоннам.

Шесть из этих 12 скульптур, вроде как идентифицировали, шесть — не известны.

В Алтаре — две статуи: Апостолов Петра и Павла; то есть — Ключ и Меч (Различение и Наша Любовь...).

Западная Роза Сент Шапель изображает структуру Апокалипсиса. Напомним, что в Нем (как и в Таро Арканов) 22 Главы. Потому, при определённых условиях и понимании ЧЕМ сие есть, можно разложить весь этот Объём, в том числе, на Круг 22 Старших Арканов Таро...

Напротив Розы, Восточная Полоса Витража
за Алтарём — имеет тематикой Страсти Господни.

Получается, когда стоишь лицом к Алтарю, тебя
по центру, навстречу друг другу, прожигают два Луча:
22 Апокалипсиса и 14 Страстей Бога; а ПЕЧАТЬ всего
этого — Терновый Венец...

Далее — опять Нотр Дам,

Тихое Сидение у Тернового Венца Господа, в Капелле
Сен Луи...

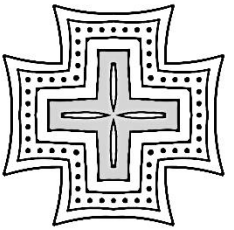
Авалон проявился.

Кустом Белых Роз...

Благоухающие Храмы, Наши Дамы и Путь за Край.

Возможно, Красная Дверь и Северная Калитка
Шартра — суть: одно и тоже.

«Когда Рейн выходил из своих берегов...»



Часть 3
Увязывание и Фиксация

ГЛАВА 48
ВОЗВРАЩЕНИЕ В СОСУДЫ СВОИ

Циркуляция Паломничества увязана тремя изумрудными спиралями: Три Святыни Парижа сегодня пустили нас к себе. Воронка Сите в покое поглощает звёздный берег.

Скоро уезжать...

Печали нет: только полнота и завершенность.

Ловим такси — и до аэропорта. Наш рейс отменён, пересаживают на другой, куча проверок, обысков и мы, наконец, в самолете.

Взлетаем...

Переосознаю события последних дней: опять возвращаясь к Сент Шапель.

По изначальному замыслу Сен Луи, с Северной Стороны к Капелле примыкала Сокровищница Хартий: то есть эссенция социального Логоса и Закона. Ее ковчег значительно меньше Реликво-хранительного Сооружения, и символически представляет Ветхий Завет как Путь

Закона. Капелла же — Путь Благодати, дарованной Христом...

Такие Два сообщающиеся Сосуда как раз и представляли собою формулу средневековой жизни в ориентире на Сакрум.

Меч и Ключ.

Сосуды разбили, Сокровищницу Хартий разрушили, а Капеллу изувечили и разграбили.

Светлое Время Средних Веков закончилось.

Трудно даже представить тот тип человечности, который был распространён 1000–800 лет назад: так, к примеру, до нас практически не дошли имена создателей прекрасных Храмовых Чудес — из смирения их авторы оставались анонимны.

Но Авалон, как сущностная эссенция, как Причина, Золотого Века Средневековья не умер окончательно. Ещё существуют его медиаторы, ещё можно найти дороги в те края...

И этот наш Пилигримаж ещё на пару шагов приблизил нас к раскрытию данного Измерения.

Безусловно, с огромной благодарностью и признательностью, следует вспомнить реставраторов и их вдохновителей (один из самых известных — Виктор Гюго), особенно Виолле ле Дюка, без активности которых мы не имели бы возможности созерцать сии Святыни даже в таком состоянии. Эти люди совершили настоящий подвиг, вернув нам те коагуляты Средневековья, которые так старались уничтожить гугеноты, проклятые

революционеры и прочая сволочь. В частности, век восемнадцатый ненавидел Готику: тогда, в том числе с благословения тупых и бездушных попов, многое было бездарно перестроено и изменено...

Сейчас мы, можем таки, хоть как-то, прикоснуться к величайшему наследию Белого Авалона, хотя, думаю, даже в хорошо сохранённых памятниках, того духа дошло, в лучшем случае, не более половины (есть, кстати, мнение, что многие восстановительные работы велись, зачастую, руководствуясь собственными представлениями о том, как должно быть — другими словами, далеко не факт, что воссоздали так, как было в средневековье) ...

Едем в аэропорт: беседуем. Извиняемся друг перед другом за вольные и невольные напряжения, обиды; прощаем взаимно и улаживаем наше небольшое соборное поле.

Ощущаем: получено очень много — необходимо время на усвоение и освоение; каждый уже сейчас немного стекает в волну собственного Синего одиночества.

Признаки надвигающейся Святости особо не обнаружены, один из моих спутников немного расстроен этим.

Я подбадриваю его, мол — не переживай: не в этой жизни, так в следующей...

Самолёт: разносят еду и напитки. Беру белое вино и притыриваю маленькую бутылочку от него — уж очень симпатичная и сподручная в прогулках.

Беседуем.

Самолёт трясет турбуленция...

(Жизнь трясёт турбуленция перемен).

Сечет дождь.

Приземляемся.

Первое, что сразу чувствуешь: у нас как-то свежее воздух, в нем больше искренности, что ли...

Самолёт. Только поели. Использую салфетку в качестве писчей бумаги: рисую спонтанно некий пентакль, увязывающий смыслы и пневмы этого Паломничества.

Его базу составляет Лотарингский Крест.

Вертикаль:

- Крайний Север (звучит песня «Моя Звезда» Бутузова) — Чаша Везле.
- Юг (именно в этом Опусе, как точка фиксации эйдосной струны, идущей от Полярной Звезды Везле). Гора Мон Сен Мишель.
- Центр: Аваллон (град, который здесь) и Авалон (там) в виде Розы Ветров и Птицы Святого Духа в её центре.
- Париж и Санс равноудалены от Авал(л)она: Санс — отец инициации Циркуляции, а Париж — Мать её удержания и сокрытие Сокровенного.
- Бурж и Орлеан: точки сопряжения с трансептами. В Бурже: улица Алхимии возле Катедраль (а сам Бурж — центр пространства Франции); Орлеан — Альба в гневном аспекте (Наша Жанна, как центр времени Франции).
- От Орлеана на Юг — Авранш: гексаграмма Святого Черепа.

- От Буржа на Север: Сен Дени в виде Креста Базовой Мистической Мультипликации.
- Ренн: между Авраншем и Мон Сен Мишель в виде Кельтского Креста.

Горизонтали:

- Первая: Центр — Бурж; слева — стабил Труа; справа — Шартра (они оба — Небесные Квадраты, то есть — Ромбы).
- Вторая: Центр — Орлеан; крылья — Осер (дождливое утро) и Осер вечером...

Труа, Шартр и Два Осера держат Квадрат.
Санс и Париж объединены Кругом...

Улучшение часто идёт через ухудшение, подобно тому, как излечиваемая хроника проявляет себя обострением.

Сны: в этом пилигримаже — череда их. Снятся люди, с которыми были какие-то напряжения, снятся ситуации разрушения части тела иллюзий (а оно связано с телом страха) внутри общей композиции оперативного тела...

Равномерное гудение двигателей самолета: странно, как такая нелепая штука вообще может летать, так ужасающе быстро перенося тебя за тысячи километров.

Беседуем о том, что Паломничество — это, особенно в очень некачественных современных условиях, особое искусство и ему не так просто научиться. Крайне велик риск подмен и всевозможных симулякров.

Авалон не умер, он сокрыт. Но есть слабая, едва различимая Тропа к его Центру и Истоку: Граалю. Это

Прозрачное, Чистое, Звуко-Световое (Слава) Диво. Наше Сердце может причаститься Огнями его Крови-Вина...

И тогда старые мифы и легенды оживают, мощеные улицы расцветают розами, слышно мерное шелестение первого снега.

Красное на Белом.

Авалон проявляется.

ARISTATA ETEVITAT.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ.

ГЛАВА 49
НЕКОТОРЫЕ ОБЪЁМЫ НЕКОТОРЫХ КОТЛОВ

ПАРИЖ:

- Ключ Пылающей Готики;
- Терновый Венец Христа;
- Святой Ларец Сент Шапель;
- Сен Луи;
- Нотр Дам де Пари;
- Храм Святого Северина;
- Сен Жермен да Пре.

Главное сохранение базовой Циркуляции. Чаша и Впадина, Эссенция Сите и Нотр Дам.

СЕН ДЕНИ:

- Аббат Сугерий;
- Рождение Готики;
- Дионисий Ареопагит;
- Мощи Королей.

Некое Начало начал, для нас — Источник Звуко-Светового ABUNDATIO Божества.

САНС:

- Храм с Одной Башней;
- старый Храм местного Святого;
- Святая Коломба.

Источник Проявления Христовой Линии в Галлии. Место, связанное с Иерогамией. Для нас — резкий толчок в Циркуляции.

ТРУА:

- Кретьен де Труа;
- Храм Мадлен;
- Храм Урбана 4;
- Мощи Бернарда Клервосского;
- Храм, где родился Тампль;
- Храм Святого Реми;
- Храм Святого Пантелеймона;
- Храм Святого Лазаря;
- Средневековоя улица; Улица Котов.

Срединное удержание наполнения. Богатство и мгновение до Излияния. Стабилизация и увязывание контура Формул.

ОСЕР:

- мертвое (убитое в Революцию) Аббатство с Башней;
- Храм Катедраль;
- Гористые улочки.

Провокация Сумерек. Утро и Вечер как две неопределённости разных векторов.

АВАЛЛОН:

- Башня;
- Старый Храм Нашего Грота.

Нежданная сущностная радость. Центр смысла и тайный Хрустальный Грот Катедраль.

ВЕЗЛЕ:

- Мощи Марии Магдалины;
- Людовик Святой.

Странное место Сокровенного. Исток и было только первое инициативное знакомство.

БУРЖ:

- Катедраль;
- Вертикальный дом;
- Улица Алхимии.

Центр Франции. Стабилизация после множественной промывки Ветром. Шкатулка Дома как проекциях Реликвария Храма.

ШАРТР:

- Крипта;
- Плат Девы.

Возвращение домой. Симметрия с Труа. Углубление вектора. Познание по Линии уже открытого.

РЕНН:

- бретонский Храм;
- Кельтский след.

Новые утренние сумерки. Бретонский лес перед Авалоном. Кельтские Кресты в забытых долах. Мирное увязывание после первого воинского вхождения.

МОН СЕН МИШЕЛЬ:

- Обер;
- Архангел Михаил;
- Ареопагитика в Форме Аббатства.

Вход в Чашу наполнения. Стабилизация. Увязывание.

АВРАНШ:

- Храм Нашей Дамы Полей;
- Храм Св. Сатурнина;
- Мощи Обера.

Векторный Ключ к Мон Сен Мишель.

ОРЛЕАН:

- Жанна Д'Арк.

Резкое ускорение кипения и режима Огней в контексте Промывки.

КОТЁЛ УКРАИНЫ:

Вот мы и вернулись. Украина хороша и уникальна тем, что (пока что) государство у нас — само по себе, а народ: тоже сам по себе. Ни в Евросоюзе, ни в России, ни в Беларуси такого нет и близко. У нас, как это ни странно, Логос Мамая все более проступает, радиация Измерения Демиурга значительно слабее, чем у соседей; равновесие некоего их порядка и хаоса почти идеальное (какое только может быть в этом времени-пространстве). Приятные дуновения юнгеровского анарха практически витают в воздухе. Возможно даже, что Украина — в современности, одна из лучших стран для Делания.

Ни там, ни тут: страна Сумерек, в которой точно не ясно ничего.

Место, где пока никто остаточно не захватил власть...
Вечно висящее троеточие...

Витражи Нотр Дам, Шартра — язык общения посредством Света.

Украина: гуцульские узоры на вышитых сорочках — язык общения посредством Света.

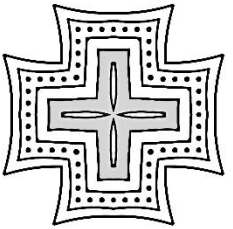
Одна Тайна созерцает другую...

Держатели Ведения Авалона разбросали Огни по мирам и по долам, по горам и по норам...

Постигающий Свет, распознающий Звук, пребывающий в разверстом Просторе и равновесно объединяющий все это — познаёт Тело Славы.

А это: блаженство и Смысл — при жизни; возможно — ключ от дверей смерти.

Вначале — человек смотрит на Звёзды; когда он встаёт на Путь — Звезды смотрят на него...



Часть 1
Подготовка к пилигримажу

ГЛАВА 1
20 СЕНТЯБРЯ. СЕДЬМОЙ КРЕСТ

...Седьмой Крест: мой Крест. Твой Крест. Наш Крест...

Это хроника почти одного дня. 365 дней в году, даже сто лет, — всего-то 36500 дней.

36500 дней и ночей...

Из них треть времени — сон.

20 сентября.

Мой Вечный Сентябрь, мои Священные сумерки, мистико-поэтика субтильных токов души.

780 километров дорог по измерению Тернового Поля, 14 стоянок Крестного Пути, 7 крестов-артефактов и мы трое: все слилось, переплелось с Храмами, пещерами, рекой и небесами.

Великий дышащий Ком.

Начало пролило 18 сентября. Я зашёл к некоему Некто: он и друг, и названый брат.

Ранее, значимый именем, Цук.

Точнее, Куц.

Черт.

У него — некая крипта, имеется стена дикого камня в ней, и все это в шкатулке дома, похожего на пагоду.

Куц давний поклонник аспектов Диониса.

Вот я и говорю, мол, все нафиг, берём-приглашаем некоего Вада Има, — и вперёд, в Чертков, а точнее, Чорткив.

Куц (а тут мы его уже переименовываем в Ингвара, апеллируя ко «времени и обществу саг») вроде как соглашается...

Иду, иду по родному семибуквенному городу; один из его Храмов, Костёл, на реставрации. Оказывается, шок, его плоть (мимо которой я проходил тысячи раз с самого раннего детства) есть тело Готического (нео) Собора. Сие сооружение в своём аутентичном виде простояло чуть более 40 лет, потом красные дьяволята изувечили его вид. Снесли центральную башню, стрельчатые окна замуровали или изменили до неузнаваемости.

И вот: фото. Старое черно-белое фото: Собор Св. Станислава. Да, нет сомнений: Ее Святейшество и Её Величество, Готика.

Мой родной град и я вместе с ним нежданно-негаданно обретаем ещё одно чудо.

18 сентября.

19 число.

Куц, о, извините, Ингвар все на хрен забыл. Уж больно интимно аспект Диониса прижал его вчера. Напоминаю ему о договоренности. То, се — в конце концов: согласие. Завтра едем. Почти к черту, в Чорткив.

Но: ещё живо сегодня и ещё дышат символы и знаки.

Тевтон.

Рыцарь.

Приходит его образ.

На ночь читаю в который раз Нагорную Проповедь и уплываю в сон прижав к межбровью аметистовый крест в серебре.

Осень.

Утро. Точнее, ещё ночь. Выныриваю из сна, вязь звуков и образов, вдыхаю свежесть отходящей ночи и — на улицу, в сонное царство моего городка: скоро ехать.

Шесть утра.

Прохлада, объятия глицеринового воздуха, тишина — и вот, подъехала машина, не знаю какой марки (никогда этим не интересовался). Ингвар и Вад за рулем, «привет-привет», сканируем все друг друга, сели; поехали. Ощущаю легкую фаллометрию со стороны Ингвара, впрочем — есть не меньшее дружелюбие (что поделать, Куц тоже вождь и предводитель). Замечаю на его куртке значок-эмаль: мальтийский крест. О. У меня — аналогичный значок, там атрибуты Тампля. Не хватает только Тевтонии...

Едем, едем; то се; шутки, воспоминания, песни, признания... утро вторгается накатом света; почитываю, взятую с собою, книгу о 100 чудесах мира.

То место. Прошу остановиться. Показываю друзьям, повинуясь спонтанному импульсу, некие 7 крестов

Посвящений. Так происходит несмелое первичное развертывание Авалона в узоре наличной ситуации.

1. Крест: Иерусалимский; он из серебра. Корень Орденских Крестов, два из которых уже сияют с крепостных стен груди, моей и Ингвара.
2. Крест — первая Гуцульская Згарда. Коагулят летнего паломничества с Альбой Лазуритовых Вод.
3. Крест Характерника, скорее всего, пришёл по линии моих козацких предков.
4. Крест, вторая Згарда. Капля эссенции Сентябрьских скитаний за край нашими Карпатами. Крест сакральной мультипликации.
5. Цветущий Армянский Крест продолжает тему предыдущего.
6. Серебряный козацко-мальтийский Крест с янтарными вкладками манифестирует Нашу Любовь, как горение ровного Огня вхождения в Истину и спонтанного сочувствия ко всем. Он несёт в себе печать Нагорной Проповеди Спасителя.
7. И, наконец, Крест: Серебро-Аметист. Его подарил мне А, тот самый, с которым мы скитались по Франции и Португалии. Он как бы собрал воедино и направил в созерцание все предыдущие объемы.

Так была раскинута сеть Авалона. Все посмотрели на рассветное Солнце сквозь янтарь и аметист и дело было сделано.

Шесть крестов ушли в сокрытие, а Седьмой перекочевал в мой оперативный карман.

Лента дороги, разговоры, молчание, провалы в неглубокий сон, — перемена: въезжаем в страну Тернового Поля. Драконы холмов растерзали местные равнины, застыв волнами немалых возвышенностей.

Читаю книгу далее...

Оказывается, на Мальту не зря прибыли рыцари Родоса — древнейшие местные Храмы старше памятников Древнего Египта и Междуречья; всего их найдено около 30. До нас дошли четыре неповреждёнными: Джгантия, Мнайдра, Тарксиенна и Хагар Квим.

Весьма любопытные вещи вычитываю о Париже: сам град, а точнее — Сите, а ещё точнее — Нотр-Дам-де-Пари, находятся в центре, к которому сходятся потоки всех местных рек, в точке конвергенции. Существует геологическая воронка (своеобразная ЧАША!), радиусом почти 200 км., в центре которой как раз живёт Париж.

Несколько позже, перед Монастырьком с его 14+1 Крестами и пещерным Храмом, вычитаю о Иерусалиме: «потоки воздуха — средиземноморские и аравийские, африканские и дальнеазиатские — сталкиваются над Иудеей с такой силой, что над головой круглый год происходит погодная феерия».

Ещё одна Чаша...

Чаша Воздуха и Огня.

Меж тем мы плывем авто в холмах, перекусываем, испиваем воды, что- то обсуждаем.

- Недалеко гора Богит.

Это сказал Ингвар: он уже пару раз посещал место, где в древности служили неведомым Богам. Сейчас множество инфантильных «язычников» и «родноверов» тусуются там, и их, видимо, спасает-таки всецелое отсутствие ответа «с той стороны». Ибо, ежели ответ последовал бы, игры закончились. В основном, очень печально: кто в дурку, кто на тот свет раньше сроку, кто-то просто стал бы марионеткой у определенных сил.

А так: маются как дети малые и неразумные; хотя инспирация вполне может набрать мощь.

О чем-то таком рассуждаем, вдруг слева — росчерк знакомой формы.

Храм.

Останавливаемся.

Не верим глазам: формы — башня романская, окна и неф — готические.

Выходим. Храм закрыт. Обходим и разглядываем его. На душе праздник. Вот и ответ, касательно псевдо неоязычества, обсуждаемого выше — Храм посвящён Архангелу Михаилу.

Расспрашиваю местных: неоготика, советы Храм закрыли сделали из него склад химикатов. «Химия и жизнь» (в смысле: «Алхимия и Храм»).

Село Чабаривка.

Печать — паломничество принесло первый Плод: все и не зря, и туда.

Вдохновлённые едем дальше, по краю цепляем городок Гусятин и вторгаемся в Чорткив.

Чорткив встречает вереницами улиц, намотанных на все те же холмы Тернового Поля.

Издали видно башни Готического Храма.

Подъезжаем к деревянной церкви (по-моему, её название связано с Апостолами Петром и Павлом). Выходим из машины, Ингвар потягиваясь, жалуется на нелегкую долю и мы заходим во двор. Кусты роз. Слева, как бы на могильных вертикальных плитах (а их 14) изображены и описаны станции Крестного Пути. Чуть ниже колокольня, а сам Храм закрыт. Проходим двор насквозь, вдали виднеется громада Костела. Идём туда.

Уже вполне ощущается своеобразный дух города: он приятен нам и, похоже, мы — ему.

По-немногу подходим к Храму, он восхищает. Готика и Романика переплетены друг сквозь друга в сакральном течении. Наблюдаем. Заходим. Мощные колонны, свет, витражей не наблюдается.

Покупаю фигурку Пресвятой Девы.

Выходим, созерцаем собор из вне: поразительно — такое, ещё и у нас, в провинции...

Чуть ниже Храма, старая ратуша; минуем её и направляемся к старой крепости.

Руины. Остатки стен. Ничего такого; вспугиваем белку. Немного походив возле, идём обратно на центральную улицу.

Ищем ещё один Храм, он деревянный и ему 300 лет. Немного поплавав по городу, проехав мимо Костела, наконец находим.

Большой чистый двор, немалых размеров старая Церковь. От неё исходит особый покой, дата постройки — 1717 год. Храм, к сожалению, закрыт. Наслаждаемся его присутствием.

Едем далее ещё петляя улицами Чорткова. Замечаем синагогу и какой-то по виду протестантский центр, впрочем, с весьма готической кирхой.

Уезжаем вроде бы домой.

Как и в случае с предыдущим Храмом, особым образом вплетаю послевкусие его присутствия в аметисты седьмого креста. Им Вад говорит, что где-то недалеко есть пещерный Храм, мол — поехали?

Поехали.

Едем. Вереницы дорог. Читаю как раз про Иерусалим и 14 стоянок Крестного Хода. Проезжаем большой березовый Крест, под ним — некая вода, бьет источник: ощущение чистоты. Минуем. Дороги. Плохие дороги. Петляем. Очень маленькое село — Монастырёк.

Приехали.

Наблюдаем ухоженное место и два недостроенных храма. Трава. Чисто. Удивляют множество Крестов, расставленных как бы по кругу, над склоном. Минуя все это, приближаемся к нагромождению брыл: пещерный Храм. Пред ним — на трёх камнях — древняя жертвенная плита, замечаем кровосток. В её же плоти довольно глубоко вырублен крест — видимо так монахи «погасили» дохристианское звучание места, очистив под потребы своего Пути.

Захожу: пространство ощущается тугим, особенно чувствуется сие межбровьем. Здесь явно сильна концентрация определенного Гнозиса.

Иконка Серафима Саровского. Лик, говорят — он самопроявленный и чудотворный. Как могу объединяюсь со всем этим.

Выходим и более точно осматриваемся. Вереница больших деревянных Крестов, местный объясняет, что они — символ Крестного Пути: 14 подряд и пятнадцатый над пещерным Храмом. Проясняется: мы, вероятно, имеем дело с «иконой» Иерусалима и пещерный Храм в этой проекции данного Святого Архэ есть отражение Храма Гроба Господнего. Подбегает доброжелательная чёрная дворняга: видно — её здесь не обижают, принимает от меня почтительные поглаживания. Ещё раз, я и Им Вад идём в пещеру.

Выйдя, подходим ко склону. Каменный уступ — великолепный вид на долину реки Серет. Изобилие трав и множество оттенков зеленого, лес напротив. Очень красиво и спокойно.

Узнаем, что на общественном транспорте сюда вообще не доедешь, и в случае автобуса, нужно будет идти ещё около 9 км.

Собираемся. Едем как бы назад, домой. Но нас ведёт куда- то в узоры Тернового Поля.

Минуем повороты, дороги ужасные, но в их антицивилизованности какое-то своё особое обаяние. После Храма состояние чисто и расслаблено, глицериновый холодок.

Петляем.

Явно приблудили, точнее — опять ведёт.

Вдруг — за деревьями распознается красная громада Храма. Ясно: нам туда. Подъезжаем. О, да. Готический Храм из красного кирпича. Он прекрасен и как-то просветленно суров. Почему-то ощущается дыхание

Тевтонского Ордена. Почтительно обходим вокруг; удивительные узоры — собор необычен.

Поскольку двери закрыты, заглядываем через замочную скважину внутрь — там светло и вознесенно.

Село Озеряны.

Испивая нездешнюю влагу Храма, прощаемся с ним и отбываем домой.

Смысла описывать сей собор нет — он заслуживает быть увиденным.

Трасса. Трассер, то есть авто, плывет в опусе возврата в семибуквенный город. Им Вад ведёт очень мягко и аккуратно, потому нет особой усталости от езды. Состояние ныряет само в себя, молчу. Наблюдаю послевкусия. Время от времени поглядываю в глубину аметистов. Ощущаю приятную прохладу Серебра.

Замечаем: Сидоривский Замок — 8 км в сторону от нашей дороги. Им Вад вопрошает, едем ли туда. Я наполнен уже Храмами и крепость не особо интересует, Ингвар говорит «да». Поворот за поворот — село, холм, на нем — остатки крепости. Вид у них довольно концентрированный, быть может — даже немного хищный: треугольник, обращённый острием на север.

Подъезжаем ближе, ходим в руинах замка. Северный угол — почти нос ледокола. Спускаемся, в машину и — поехали.

Опус близится к завершению. Ночь понемногу берет нас в свои объятия, тьма окутывает дорогу: вечерние сумерки.

Едем.

Кстати, пещерный Храм в Монастырьке связан с экзорцизмом...

Взгляды в аметист — его фиолет немного сгущается вместе с умалением резкости дневного света. Камень становится весомее. Нитью ощущается едва заметная связь его и межбровья.

Все устали. Переливы дорог — и вот: мы выезжаем из Страны Тернового Поля.

Ещё пара-тройка часов и мы почти дома.

23:30. Выхожу из машины; тепло прощаемся. Прохлада родного города обнимает меня.

20 сентября на исходе. Опус этого паломничества завершён. Что-то обретено, что-то потеряно. Не торопясь иду домой, воздух чист и свеж — он особенный. Семь букв града разлиты в сей эссенции.

Поворот ключа в замке, скрип двери — пришёл. Благословенное одиночество, никто не встречает. Делаю какие-то записи и, ещё раз взглянув в просторы аметиста, ныряю в сон. Крестик и серебряная цепочка зажаты у меня в руке, их прохлада вливается в меня, а моё тепло — в них.

Двое становятся одним.

20 сентября. Седьмой Крест. Поездка на юг принесла счастье...

ГЛАВА 2
БЛАГОРОДНАЯ ЛАЛЬБА ПРОЗРАЧНЫХ СУМЕРЕК

Вечный Сентябрь, упав листом с клена потерянных надежд, восходит хризантемой трещины вечерних сумерек.

Опять один день.
Одна жизнь.

Я и моя Лальба лазуритовой волны — поезд, ночь — вагон: Львов (город Нашего Огня). Ни на что не похожее место — Лес Храмов; ручьи улиц; гнилостный запах; суета туристических людишек; апофатическая чистота обличья монахини; кав'ярни, шоколадки, пиво и... камни, повороты, дожди...

Львов.
Почему-то вспоминается Москва и её Кремль — весьма впечатляющее сердце из красного кирпича; неумолимые стрелы башен, закрытые ворота. Львов, напротив, — всеоткрыт: его Оси — десятки Святых Храмов. Никаких стен, все разверсто друг в друга; концентрация божьих домов просто поражает. Без всякого преувеличения: Град Льва — открытая Святыня в мириадах звёзд закрытых Сердец; наш Иерусалим. Войти в измерение Львова непросто. Очень непросто...

Перестуки рельс, покачивание вагона, сны, обрывки снов — и вот, Вокзал; почти храм переплетенных дорог и судеб. Люблю вокзалы. Любит их и моя Лальба. Погоду

обещали дождливую, однако нас встречает приятная прохлада и солнце. Конец осени, первый выдох зимы уже случился. Сходим.

Вязь шагов и — Храм Первый: Св. Ольги и Елизаветы. Готика, которую называют неоготикой. Заходим. Распахнуто. Чисто. Как можем объединяемся со Храмом. Алтарь, слева и справа статуи, маленький пылающий храм как тень архэ.

Поднимаемся на башню — нам повезло, мы пока одни. Четыре балкона: выходим поочерёдно — Запад, Восток, Юг и, конечно же, последний вектор на Север (что характерно, дверь туда открывает именно Лальба). Четыре Ветра, четыре Жеста; нисходим вниз. Ещё — краткое стояние и выплываем. Храм великолепен в своём Огне.

А поезд-то прибыл по расписанию, в 10:01, люблю такие цифры, в них есть какая-то особая тайна и сила; читай хоть откуда; и: нас ожидает Двойка, Врата Изиды...

Они оказались на удивление отворёнными.

Итак: готический вокзальный Храм позади, идём, Лальба журит меня за то, что я переходжу их улицы на красный свет. Корабли домов проплывают туда, век в 17–18. Политех, ещё что-то с хищным треугольником, старое древо с почтительной медалью-табличкой. Все мимо. Вообщем-то я ищу Кривую Липу и где поесть. Идем...

О: ничего себе — романские контуры (а я-то, вроде, знаю Львов вдоль и поперёк), удивляемся. Нафиг еду, метаем тела в направлении контура. Да. Так и есть. Львы, очертания старого колодца, тропка, калитка — закрыта,

тела опавших листьев добавили ношу уже остывающей земле... Узнаем куда и как.

Заходим наконец.

Диво. Романика. Храм Святого Лазаря, ему около 300–400 лет. Суровая и родная аскетика. Но: святыня закрыта. Накручиваем круги во дворе. Сторож, видя все это, сам предлагает открыть нам Храм. Мы с искренней благодарностью соглашаемся: входим, двое и белое висение нефа. Возносим молитвы, огненная вода слез орошает бойницы души. Король Людовик Святой был бы рад...

Икона чудотворная, защищает иерогамию и исцеляет глаза (сочетание весьма примечательно). Тихое висение. Это тихое висение будет сопровождать весь наш этот день.

Выходим — от души благодарим сторожа, он какой-то довольный, доброжелательный и тёплый. Стекаем на улицу имени польского звездаря. Нетварный субтильный ожог получен.

Петляем улочками. Проходим мимо примечательного готического жилого дома (везёт же людям), успокоенно радуемся нашему граду Льва.

Крутит.

Водит.

С трудом нахожу Кривую Липу и вкусную еду вместе с нею. Красное и Белое, мясо: плоть и кровь; пустое хрустальное висение.

Дальше. Шаг за шаг. Лальба говорит, что я ей как романский Храм. Все довольны. Шаг за шаг.

Опять Дом Бога. Иезуитский. Тот, с Изумрудным оком наверху. Заходим: служба. Высокие стены воспаряют к упомянутому Оку. Алтарь в духе Четырёх и Пятой Эссенции. Молитва, Символ Веры...

Выхожу.

Пару шагов — и Армянское чудо. Спрятано в глубине. Нищие при входе. Заходим: народу море, по сути — тусовка туриствующих. Приглушённый гам.

Подхожу к церковному киоску, знакомый дьякон тут. Здороваемся. Дьякон идёт к толпе, что-то кратко объясняет ей и пронзает стены молитвой. Звук прозрачен и глубок, зовёт через Восток, на Север...

Выход в двор открыт; покупаю два Креста, Хванчакр в их числе; выходим в упомянутое пространство (оно вымощено надгробиями). Надеваю Лальбе Цвет-Крест; подходим к Хванчакру в обрамлении трав; рядом — бутоны роз.

Левая стена нефа: Георгий-Победоносец в одежде Тамплиера (да, сие подтвердил дьяк, сказав, что Георгий — добрый Воин и Тамплиеры — тоже добрые Воины (ибо их цель — защита паломников)). Рядом: Святой Христофор. Ниже — похороны монаха, паутинообразные тени, свечи...

Напротив и чуть правее — из жерла отсечённой шеи брызжет сноп Света.

Армянский Храм, в целом, относится явно к струе Романики, тяготея, чуть более, к апофатическому безмолвию.

Сквозняк перемен несёт наши бумажные тела сетью улиц, выходим на площадь с любимым книжным и Храмом

напротив. Покупаем в магазине книги про монахов-воинов, Юлиуса Эволу, и про Серый Львов...

Садимся на скамейку у Храма. Народ женится: потерпевшие водят невест туда-сюда; фотографы сотворяют иллюзорную феерию (про такие случаи мой дед-фронтовик, немного грубовато (но в тему) говаривал «из говна сделать пулю»). Тут же на скамейке — местный двор чудес расслабленно наблюдает за движухой богачей на лабутенах. Некая Любка (бодрое и грязноватое существо двадцати лет) пытается урвать побольше конфет, которые разбрызгивает фонтан щедрости очередной хозяйки очередного потерпевшего. Мы проникаемся некоей симпатией к Любке и её компании из двух забулдыг и подносим им некую сумму. Любка удивлена и встревожена; тем не менее — бодрые манёвры продолжаются.

Сидим. Мы тоже счастливы, испиваем в ознаменование такой развёртки тевтонской настойки тридцатилетней выдержки.

Идём далее — книжный рынок. Довольно много старых книг: они похожи на наших забулдыг двора Чудес. Немного грустно; цены смешные. Покупаю книгу про Ньютона-алхимика. Как-то пусто: книги будто прощаются с этим долбаным измерением, которое надежно оккупировано разнообразными гаджетами. Бродим, как осенние листья, гонимые ветром; книги, как осенние листья, гонимые ветром...

Кав’ярня, три этажа вверх, народу очень много, но — вот он пустой стол. Наш.

Заказываем вкусности. За соседним столом обнаруживаю некоего известного типа из власти; он что-то

рассказывает своему юному спутнику-мажору о своих экстрасенсорных способностях. Произношу пару мантр, знаю, этот хрен их услышит, с целью — создать благую причину для него по выходу из тупика и круга гнета-насилия. И, быть может, эта капля хоть что-то даст ему и другим в плане разочарования в работе по выкачиванию сил и судеб (то есть — в Чёрной Магии). Пьём капучино, едим мороженное. Все хорошо.

Дождь. К 16 легко стегает ковры улиц. Мокнуть не хотим. Рывок напротив — и вход в Храм. Готика. Костёл.

Совершаем ритуал Трёх Проходов.

Покупаю книгу про Святого Франциска и ныряем в дождь, впрочем — под бронею зонтов.

Шаг за шаг — вот снова Храм.

Мой Храм дождей.

Марии Снежной. Белый Храм. Молитва, чистый, однотонный женский голос, шелест дождя на улице...

Прозрачность тотальна.

Вверх по улочке, мимо песочницы, где малыш в одном из стихов познаёт Нотр-Дам и Дно, готическая задняя часть Храма Снежной Девы, поворот — врата с пылающим Крестом: мы пришли. Двор монастыря Святой Покровы. Суровые Романские формы, множество цветов и мелкий дождь — быстро ныряем в чрево нефа. Монашка перебирает книги, Храм торжественно бел густоватой белизной. Возносим молитвы. Спрашиваю монашку смиренным шепотом о заалтарной иконе. Ответ: нас обдаёт какая-то Вода особой пресности. Таких дев в миру нет.

Видимо, сие — нечто близкое к священному андрогинату. Глаза...

Магазинчик при Храме — покупаю икону; другая монахиня, уже пожилая, но так же свежая в своём висении.

Выходим: рядом с монастырем — шкатулки жилых домов, прямо в упомянутом дворе.

Ключ внимания уже созрел...

Иду-бреду по городу: на ходу тренируюсь, укрепляю сегодня, в основном, «лапу леопарда» и «глаза дракона», — оружие точи по необходимости...

Беседуем с Лальбой о множестве наблюдаемых пар (наш Град полон ними, как полон сотнями блох подзаборный кот). Существа, предположительно с членом в штанах, идут как-то виновато, подобные голодным псам. Они явно пропитаны надеждой вечернего совокупления (таких, большинство); но эта влага похоти вкупе с ожиданиями делает их похожими на мокрых воробьев. Воплощения великой Матери, её объектные щупальца и присоски, напротив, разухабисты и концентрируют деталями жестов-осанки своё право на власть. Как никак: на дворе торжество гинекократии (для тех, кто не понял: «власть хитрой (и глупой) пизды»).

Композиция выглядит довольно убого.

Заходим в рыцарский зал одного из правильных ресторанов: обед под портретами рыцарей и королей. Есть даже изображение одного менестреля...

А после — ещё один нырок в любимый книжный, и: гравюра в книге, на ней наш Белый Монастырь двести лет тому. Ещё одно счастье...

Точнее: блаженство (то есть — удовольствие без привязанности).

Странно. День будто и не шёл. Не развертывался. А так и висел посредине Вечности. Висел умытым. Начало круга и завершение схлопнулись, точнее — слились, особой нежностью. Храмы дышали нами, а мы — ними. Таинство «и двое стали Одним» состоялось.

...Воспоминание, вспышкой через мягкий голос Лальбы — Львы и Кольца у них в зубах. Наш Огонь в эпицентре Вечности. Наша Любовь. Сегодня они замечены краем глаза недалёко от Храма Иезуитов на каких-то дверях... А также — четыре Льва, поддерживающие атанор балкона.

Что же: дверь.

Одно лишь слово, которое само рифмуется с «верь» (вспоминая песни Цоя).

И: бал (там, вроде, танцуют; хотя, почему-то, вспоминается булгаковский «бал у Сатаны»). Кон («Поставить что-то на кон»)...

Вязь символов, созвучий: быть может — Лабиринт. А может и путанина бессмысленных надуманностей и спекуляций...

Впрочем, последнее — тоже часть вездесущей страны Минотавра.

Украина.

Опять поезд. Вагоны. Перезвоны.

Коагуляция.

Самоцвет подвергается огранке. Пустое прозрачное свечение.

P.S. Для тех, кто не понял — Лальба, это Белизна моей сумеречной души.

...Есть, есть, такие есть у близких и дальних; у людей и зверей; у вещей и явлений; у снов и оков — обратная, тайная, другая сторона. Нам может вполне казаться, что мы неплохо ориентируемся в окружающем мире и знаем что и как. Но. Также вполне может оказаться, что все это — сон и его персонажи, подобны непрочным пакетам, которые наполнены яркой гуашью ДРУГОЙ краски неожиданности. И коснись их игла, более того — волос, иного взгляда: они лопают и происходят чудеса преображения. Домашний рыжий кот вдруг оборачивается эманацией Божества; артефакт, безобидный на первый взгляд, скрипит каплей ужаса; а град с церквями проявляется арфой Неба и Земли (где струны — особые сны). Цепкая агрессия почему-то может нести в себе корень неподдельного сочувствия...

Сон. Поезд. Я попал на один из его редких перекрёстков и кое-что понял. Узрел. Добавился очень важный штрих гравюры: на ней львовская улица; я и Лальба; лунный свет змеится по нашим доспехам, а идём мы — на причастие в старый готический Храм, которого-то и следа уже нет...

«Да пачем Домине»...

Похороны иллюзорного тела продолжаются: его могильный холмик взрывается яркой феерией множества цветов. Сердца выворачиваются звёздами, а кости распознаются млечными путями. Созвездие тел, сквозь радугу дел, познавая удел, становится Камнем...

ГЛАВА 3
ЗАМЕТКИ О ЛАНДШАФТАХ ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ СЕБЕ СЕБЯ

Странствие. Путешествие. Паломничество.

Первое — удел необычных людей, «странник» — «странный». Некий нерачительный, с точки зрения социума, жест. Идти за своей странностью. Тропить вслед не всегда внятному совету интуиции. Не просто так: но, опираясь на знаки и осознание особого рода.

Путешествие — дорога в контексте Пути. Подобие канала, связующего серебряные звёзды-колодцы нетривиальных мест; а ведь последние связаны с формулой «место — время — человек» и попадание в Место, возможно, провиснет особым Временем, создавая предпосылки для Человека...

Паломничество — это когда конкретно каждый шаг высекает в плоти пространства сноп голубых искр.
А попадание в Точку вихря спирали сакрума изумрудится Знанием: ведь важны вовсе не впечатления, а — обретение Мудрости. Она приходит как звуко свет. Состояние, изменившееся состояние, — не более чем упаковка.
Удар формы, священной формы, через множество очей живой плоти, конечно, важен. Так познаётся Храм.

Ингредиенты. Металлы и самоцветы. Метафоры уникальных стихов, а музыка сей песни — пресное висение духа всесторонь. Поиски правды, приближающей к Истине...

Лабиринты странствий — зеркало себя. Ничто не случайно: у всего есть причина.

Ландшафты, Ванны опыта, дарованные плодами тех, кто что-то достиг. Дорога венчает голову, а пепел чувств в очаге сердца сокрывает диадему Короля.

Крест.

Да, опять Крест: скелет Круга, который — икона Шара. А Сфера — объём измерения.

В нем вертикаль — хождения в Города и Веси; в смысле — в Храмы, эссенцию сути.

Горизонталь — Леса и Горы, Воды и Долы. То, что даровала природа.

В точке центра есть возможность узнать нечто важное...

Повествовательно-описательный стиль, из-за своей многословности и малой наполненности искомым качеством, не подходит. Достаточно разбросать в пустоте искры особых Огней — и пусть они направят к Тайному.

И: ещё — о спутниках. Наверное, неплохо, быть осторожным с теми, кто рождён после 1990 — многие (может, даже большинство из них) сделаны из пластмассы. Ничего не поделаешь, такие расклады и контексты. В конце концов, вполне можно путешествовать и в одиночку.

Качество скитания выплавляется в формуле «твоё состояние — место — время — спутники (или их отсутствие)». Кстати, конфликты в паломничестве, зачастую — есть следствие повышения определенного градуса бытия: они предоставляют некий полигон, способный как разом сжечь большой пласт ограничений и обусловленностей, так и наоборот — сбросить оператора в ещё большее рабство, неведение и слабость. Собственно, потому помогает не только Храм (как конечная центральная цель), но и сама Дорога.

Именно недвойственное единство Дороги и Храма и есть священный опус Паломничества.

Рыцарские Ордена были созданы для разноплановой охраны такого рода деяний. Потому, в наличии возможность быть не только паломником, но и проводником, защитником тех, кто на Пути. А оберечь других в состоянии лишь тот, кто уже помог себе сам. Кто стоит, как Единственный и созерцает круговращение вещей в возвращении к своему Истоку.

...Как оказалось, Чёрной Деве подносят зеленые свечи. Значение данного факта трудно переоценить. Чёрное и Зеленое связаны особой вязью: взор обращён к Изумрудному Перекрестку, а за спиной — Чернота Девы своим зияющим зевом отменяет тщету всех и всяческих иерархий...

ГЛАВА 4
КОЛОДА ПУСТАЯ СОШЛА ПОД ДОЖДЕМ...

Вечный Сентябрь, Паломничество в горы, подъемы и спуски, ветер в кронах дерев, пот обильно орошает тело, застывая узорами соли на одежде... День четвёртый: нам идти из-под крайнего села, минуя потоки, вбивая шаги в пыль дорог, поднимаясь и ниспадая, сквозь туман и влагу скучающего дождевого начала к озеру Росохан.

Идём.

Искомое место обретается как бы внезапно: справа — некий пустой объём, десяток шагов, тропа опять направо — гористые уступы под несколько палаток, очаг, близкое озеро.

Странное Озеро...

Будто некие врата Туда...

В более-менее прозрачной воде притаились на дне остовы павших древ. Молочная тишина, предчувствие прорыва ткани человеческого вечера и — волосы дождя: опять набег капель осенних.

Некто (типа мой ученик) делает мне подношение, он говорит «апофатический подарок»: колода фирменных карт с красивой рубашкой, но пустая белизной с лица.

Приятное от неё ощущение. Память: последние три дня часто пытаемся втечь в её суть. Понимаю, для чего колода и почему пришла.

Объём. Некий Шар и его проекции на различные плоскости — пентакли, Таблицы Соответствий, Подвижное в Подвижном. Учили же нас в ульях Демиурга последовательностям: объём схватывается с трудом и потому — рассказ о том, как по очереди, либо, на худой конец, вперемешку.

Здесь же: белизна возможности чистого поля карты. Можно поставить оттиск дня. Как есть. Почти сиггилу...

Так наполнить колоду; потом — перемешивание в стиле Смешанных. Карта нисходит пикирующим альбатросом — кровь души на вязи символа. Память. Ей даруется подсказка — ингредиент того, что было. Воспоминание, в определенном узоре структуры, Особые Огни вполне может преобразить в Тайный.

Так рождается, точнее — проявляется и поддерживается Дыхание Блаженства.

Дни и Ночи занимают свои конкретные места в неповторимом Опусе превращения отдельного конкретного рока в судьбу. Судьбу, пронизанную Изумрудами Пути.

Ещё одна Капля...

ГЛАВА 5
СТАЛЬНОЙ ЯЗЫК НЕБЕСНОГО ВОЛКА

В горных скитаниях мой всенепременный спутник — нож. Он висит справа, в ножнах, сокрыв в своём металлическом молчании сноп лунных лучей. Они прохладны...

Я не фетишизирую его упругое бытие; однако — нет во мне и утилитарного прищура европейца, привыкшего к удобствам. Моё отношение к сему ключу от многих обстоятельств, судеб и миров, легко скользящее по краю режущей кромки.

Нож похож на фрагмент серой реки, стремительно изъятый из её шелеста. В нем, порою, сквозит голубоватая аура совершенного зеркала. Удар остро отточенного оружия страшен своей безболезненностью: некий толчок, сначала — вполне белесый глаз колотой раны, стремительный наплыв кармина, растерянность, волна боли... Капли. Почти похожие на странно активных паучков. Поэтизация убийства и насилия?

Отнюдь.

Попытка войти в суть вещи.

И: отдать должное другу многолетних хождений за горы.

Любовь и Смерть, Кровь и Вино — пролегомены к Мистерии Чаши. В конце концов, нож — тенистая икона властелина оружия, меча.

Сериал «Нарко» про Колумбию, наркотики, торговлю ними, Пабло Эскобара, кровь, тысячи убитых...

Смотреть, оно, конечно, интересно. Особенно, когда лично к тебе все эти темы не имеют отношения (на самом деле — имеют).

Ведь если вдуматься и посозерцать детальнее историю фильма — речь-то об изменённых состояниях сознания, о стремлении к раю, о бегстве от Ада, о невозможности

сублимировать сексуальность... И вот: миллионы наркоманов, миллиарды поднятых на них денег, тысячи жертв в переделе контроля над наркотрафиком. Одна из форм алхимии, как всегда властвует. Чёрной алхимии.

Все бессмысленно.

Все всецело бессмысленно, пока нет, хотя бы первичного, Плода Делания. Первого Краеугольного Камня, Замка арки. В данном контексте можно вспомнить, если говорить о местной специфике, Плоды Святого Духа (ведь кто не обрёл их — тот конкретно в пролёте)...

Бесконечная мелочная суета, неведение и неисправленные ошибки: стараниями сонма Демиургов (да и с преступного попустительства самих людей) тотальная обусловленность всех и каждого — жить не так и не туда. Пожалуй, если бы хватало денег и были соответствующие обстоятельства ввода в тему, процентов 90 из влачащих бытие таки стали бы наркоманами.

Наркотики не просто химическое вещество по-особому воздействующее на тройственную композицию мирных граждан, — это ещё и Смысл, и Символ. Огромнейшие объемы жизненной силы, мириады судеб — все это круговращается зря. Совсем ЗРЯ.

И упомянутый сериал демонстрирует все это просто эссенциально...

Так или иначе, но от Алхимии нам не деться никуда.

Она всецело тотальна и тот, кто пренебрегает ею всегда был и будет только расходным ингредиентом в чужом плавильном котле.

Перескоки с темы на тему, с одного — на другое: некая обучающая форма познания Смешанных. И тот, кто творит сей опус, по-немногу, таки освобождается.

В том числе: и от власти оружия, и от власти наркоты, и от власти суеты.

Стальной язык Небесного Волка лизнул её в лицо: почти с гравюрной контрастностью проявилась черта. Выступила Кровь...

Кровь и Сперма (а также все, связанное с ними) эпатируют и суггестируют прямоходящих, инвольтируя на судьбу голема.

Необходимо быть очень осторожным и внимательным в жестах Красного и Белого, а упомянутый язык Небесного Волка лучше держать за зубами далёких незнакомых Звёзд.

ГЛАВА 6
ПЯТНО ОТ КОЛЛИМАТОРНОГО ПРИЦЕЛА: ВО ЧТО ХОТИМ ПОПАСТЬ

Пятно, красная точка, проявленная открывающимся тонким видением, безошибочно ложится на стан Древа и Камня, на застывший воск молитв и благопожеланий, обретший форму на время во плоти Храмов.

Нет: сие не графомания и не утрирование языковыми оборотами. Сие — попытка рассеять коннотационную тугую усталость заезженных слов и оборотов...

То: да не то. Ведь всем нам как бы известны стили архитектуры; однако: под их именами, в основном, мы понимаем соотносимости признаков, но не чудо синергии Божественного истечения аспектов Тайного Имени. Здесь же, употребляя, к примеру, расхожий термин «Готика», будем иметь ввиду не культурный феномен, но «палец, указующий на Луну Солнца Всеполной Истины». Так сделаем попытку обрести Нить Ариадны в мире Форм, Камней и воспалений воззваний вкупе с дождями признаний (когда атрибуты Божества нисходят качеством

Постижения Благодати и особо фиксируются (в опусе блокировки «ржавчины времени»)).

Опять вскроем Объём.

Трикута: Романика-Готика-Деревянное церковное зодчество.

Неоготика и Неороманика нами опознаются как эхо своих прародителей и отдельно не выводятся на эшафот обнаженных душ...

Для тех, кто не понял: выше даны координаты цели. Ежели попадаем особым воззванием, то можно подставить разверстую Чашу своего Сердца и вобрать рубиновый поток хлынувшей Крови Святого Причастия. Правда, кармин сей Воды, вполне в состоянии оказаться полусладким Белым Вином пресного висения вне Сфер забот и всяческих клипот. Сомнамбулические шаркающие шаги выводят нас на поляну с Бел-Горюч Камнем Алатырь.

Так, порою, воскресает Авалон: держава Белых Ключей.

Пребывающий в ней озарён нежностью особой: Врата в Созерцание то есть.

ГЛАВА 7
СТРАННОЕ ВРЕМЯ — СТРАННЫЕ ВЫШИТЫЕ РУШНИКИ ЖЕСТОВ И ДЕЯНИЙ

Вопросы к Христианству, безусловно, будут. Ответы — тоже. Возникает интересное осознание, что, пожалуй, приторный компот эпохи Интернета и культа тренда, бренда и бабла (с доминантой религии «боевых пидорасов» и ультимативного требования общества быть толерантным к этой нечеловеческой мерзости), маловероятно позволяет терпилам социо-культурной инвалидности входить в Храм

собственной оперативностью, пусть, даже, их убранная тушка с татухами, маникюром и пирсингом, таки зашла туда. Я не очень верю в «среднем по госпиталю» человеческую «доброту» (в сущностную, но ОЧЕНЬ глубоко запрятанную — верю без сомнений) — у них просто не хватает сил быть «злыми» и «плохими». И: не думаю, что так вот легко стать другом Святых, Христа и Будды, оставаясь в приятии месседжа и установок современного общества. Тем более: плохи дела, ежели ты ещё и бизнесмен.

Выражусь яснее: скорее всего, если ты «хароший человек», семьянин и «создал рабочие места» — извини, но ты редкое, самовлюбленное, лицемерное, суетное и мелочное, падло. Не гарантия, конечно, но — процентов так 90.

Справедливо и обратное — в подзаборном вонючем бомже сияет редкая жемчужина, достойная быть воспетой в священном фиолете сумерек Серебряного Века. Причём: в каждом...

Некая фантасмагория: передовики врачебного, юридического и офисного производства торжественно восседают в Оперном Театре и после приветственной речи президента по случаю тяжелой, но героической победы всех над всеми («хороших» над «плохими»), начинается действо. Но: уровень аудитории симметричен веселым песням о Главном — «умер дружок — съешь пирожок» (группа «Хамерман знищує віруси» на вашей (не Нашей) сцене). По крайней мере сие правдивое зеркало, честно отражающее всю здешнюю доброту.

Одна девчушка сказала, что сколько не делай людям «добра», все равно из зависти назовут твои скромные потуги «сектой». Потому я отказался от этой проблемной процедуры, тем более, что «добро», видимо, «делать» вообще нельзя: оно либо проявляется спонтанно, само по себе и без усилий, либо таковым не является вовсе.

И: «добро» для граждан — это то, что потакает их драгоценной личности; то есть — эго и гордыне. Потому, по факту, то, что здесь считают благом — самое что ни на есть зло. В этом одна из самых приятных шуток Демиурга: врата к Богу, зачастую, чаще открываются в стане Сатаны (как бы отрицая Бога (смешно: ведь сей подвиг невозможен), хоть что-то реально познаешь, хотя бы в деянии отторжения и «вопреки»). А тот, кто, сука, красиво молится и переводит бабушек через дорогу (да ещё называет содомитских уродов «геями») во сто крат хуже распоследнего сатаниста.

Конечно, не стоит что-либо утверждать категорично и наверняка и: каждому — своя провокация. Ибо только через перепроверку себя актуализируется даже «малая Святость»...

Люди хотят простого, но поскольку их эго весьма сложное, они не могут даже заметить таковое — потому автоматом заменяют «простое» на «примитивное». И уже из этой позиции, обзывают «усложнизмами» среднюю сложность, которая как раз и нужна дабы вывести их из плена чрезмерности в священную прозрачную простоту.

Потому тут ещё один обман: Простое — на самом деле как бы сложное; а Сложное и Высокое — очень простое...

Потому — Лабиринт: здравствуй, господин Тотальность. Чёрная форма СС, кружась, планирует октябрьским листом к шнуркам модных кроссовок, а «безумие и его бог» мы нарекаем здравомыслием.

Если кому интересно: я очень хорошо чувствую себя в Храмах. Более того — я часто чувствую себя Храмом или Храм собою. Мне просто замечательно во всяких Святых Местах и с определенного времени мало впечатляют и океан, и море, и ранее горячо любимые Горы. В моей

душе восторг отдан теперь только Храмам; особым Храмам. К примеру, ни Софию Киевскую, ни Лавру я не могу узреть Храмами — они, скорее, Места намоленной Святости; возвести такое приторное сооружение, всецело лишенное сквозняка апофатической свежести и катафатического неистовства готики, могла только душонка и ручонка, поражённая вирусом прелести. Видимо, монахи и отшельники терпели это безобразие, так перепроверяя смирение своё.

Были Времена. Были Времена и годины, когда можно было прямо речь словесами литыми про Бога Святого.

Они прошли.

Миновали...

Теперь, в эпоху всецелой лжи, пошлости и скудоумия, в век лицемерия и фальши; в час признания гомосексуалов людьми; в дни, когда войны и массовые убийства нарекают «миротворческими операциями», — говорящий прямо о Боге и о Благе, — кто он?!

И: не утратила ли соль слов силу свою и кто опять сделает её солёною?!

Искусство Путешествовать весьма витое и не вульгарное: маяки зелёным жестоким огнём венчаются с тёмными ночами утраченных иллюзий и надежд — по хрен: поеду ли, дойду ли, доживу ли... Но когда ТАМ — двое суть одно. Очень трудно выразить нечто настоящее на языке и буквами, которые юзают ебаные паблисити и конченные политтехнологи. Потому строка вроде бы и ясна, все предельно понятно, но: излить так не могу, доспехи юродства и антисоциальности, антикультурности всенепременны — и пусть их блеск выжжет вам глаза. И пусть очи ваши вытекут на нивы зла. И пусть взойдут чертополохами в самом центре этого комфортного ада...

И провалы пустые, лицо расплавленное, уже не боящееся ужаса, сойдутся стеною — в ней, иконою святою пусть разъятрится единственный глаз.

И око сие таки пусть узреет хладный свет Цветка. Христос в Славе — встречайте Его. Венчайте на Царствие.

Авалон.

Мы там были.

Мы там есть; Паломничества наши — суть самовозвраты Волшебной Чаши. Белое вино Святого Духа, пресное висение вне Сфер — не для вашего задроченного слуха; Ключ внимания у Нас созрел.

Мы понимаем, мы не крестимся на Лавру (потому что нам ничего не кажется) — мы боимся сказать хоть слово лжи. Потому красивых и приятных речений не ждите: ведь мы таки ЛЮБИМ Вас.

Святые Храмы впереди. Презренье масс и не указ — маразм циничный власти; мы ищем пепла, потому не избегаем пасти. Пуст съест тебя, пусть съест меня — какая ж это мука. Без света дня, во чреве сна — мы разжимаем руки. Кулак, ладонь — попробуй тронь: ярится белый ландыш; зелёная стоит свеча у Чёрной Девы — навзничь: летит отнята голова и в сердце жжется Праздник.

Праздник — это единство Свежести Пустого Истока и мириад Святых Огней расколдованного своего Проявления. Когда сие обретено — можно войти в Храм.

Можно пускаться в Паломничество.

С этими коагуляциями и потерями мы и двинемся далее...

ГЛАВА 8
ЗЕРКАЛА, КАК КОЛОДЦЫ ОСТРОВНОЙ ДУШИ

И вот: шаг к зеркалу. Там — рожа с перепою; может — и нет: а, галстук, прическа, офис. Вариант: стриженный наголо агрессивный боец, росчерк шрама мужественно засел на скуле. Или: волосы. Водопадом. Медиатор эротического могущества — женщина. Озорное лицо ребёнка...

Кто я?

Вопрос, конечно, интересный. В стекле с приправой особой мы зрим только тело. Только плоть, увитую плющом социально эстетских прибамбасов. Пусто. Грустно. Тупо.

Есть. Порою — шёпот. Зов. Очень тихий. ANIMA CELESTIS, её мышка, тихо скребется в комнату восприятия. Вдруг озверенным оскалом смерти вопрос: «а что есть Истина?».

И. Ищутся зеркала иные.
Да. Озеро. Ровная Вода нечто отражает.
Быть может...

Я смотрю в Чистоту себя — и вижу Романский Храм.
Отражение.

Я взираю в ярость безусильного творчества, в Любовь и кипение Тайного Огня — напротив Готический Собор.

Моя Простота зеркалится деревянной Церковью...

Дороги. Тропы Паломничества. Я иду к своим отражениям. А между нами — нечто. Оно нивелирует то и это. Двое — одно. Это Дыхание Бога.

На встрече двух лучей — поле. На нем — четыре снопа и пятый, центральный: мои русые жёны. Каждая держит сторону креста и тайная Дева, Центр, ось Вечного Сентября. Я хожу в чертоги их. Орошаю. Приглашаю. Бросаю Ключ и Меч на дно очередного Колодца. Порою, оттуда, несмелою ромашкою, через броню серую асфальта уставшего, росток. Он трепещет в ожидании: и упала капля...

Так вызревают сладкие росы от брака Неба и Земли.

Подготовка. Быть может, если все сложится, скоро опять ступлю на благословенную землю Северной Франции, поеду туда, к родным Храмам. Это: если все божества выстроятся в возможность такого коридора... Но просто так ехать ни в коем случае нельзя. Все должно вызреть и как бы само собою.

Хороший знак: тепло холодный день, вуаль заката уже задёрнута, листом упавшим нежданно нисходит мне книга.

Мария Французкая; 12 лэ; перевод, кстати, Вероники Долиной — той самой, которая спела свою великолепную песню Нашей Альбы в фильме Виктора Греся про Рыцарство и Путь к Авалону. Все понемногу сходится.

Книжица, как синица — маленькая. Уютная. Притаилась загадкой: что же в ней?

Читаю.

Предисловие упомянутой Дамы — о, по-нашему: коротко и от души. Немного печально... Три синие розы. Эссенциально: сразу прозрачная свежая чистая грусть оккупирует холмы животной бодрости и женщина распознается — более пресным висением молодой

монахини. Лес давних сказок прорастает сквозь остовы вездесущих теперь машин.

12 основ. Круг 12 созвездий изливает множество вариантов проявления; рек предначертания, трение об упругость которых порождает синие искры особого осознания.

Подготовка. Притвор в Храм сакральных скитаний. Впрочем: даже банальный поход в магазин — часть великого Паломничества; ведь его дороги — в измерении степени нашего озарения Тайными Огнями.

Местность: скалы башен и озера долин из Пламени. Их плоть звучит аккордами музыки сфер — все перемешивается. Песок — цветов радуги; барханы трансформируются в волны, а те — в грады и замки... Все опять ниспадает до первичного песка.

Но. Распознаются пульсовые точки: от них концентрическими кругами расходится радиация нетривиальная; она-то и выстраивает ритмы цепей преобразований. Места Святые. На их маяки и шествуем.

И от нашего такого движения оживают волны упомянутые; феерия льдин и облаков интенсивнее звучит-светится; одновременно — провиснем пространство безбрежное.

То и Это — Союз.

Мы — медиаторы Великого, потерянные стараниями Демиурга в болоте банальной пошлости.

Путь домой.

Каждый шаг.

Есть такая возможность...

ГЛАВА 9
МИНСК — БЕЛОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Снова дорога. Минск — там ждёт встреча с давним другом. Я и О. (а, говоря «О», мы подразумеваем некий охват, озеро, удивление и кое-что ещё). Немногочисленные вещи собраны, Коту сказаны слова утешения (мол, извини, мы не надолго, — за Тобой тут посмотрят) — сие утешает его мало и шлейф грусти нам во след. Конечно, никто из людей не обладает такой искренностью, как родное животное — потому всегда печально, что мой драгоценный Рыжий Кот не может ездить по мириадам миров вместе со мною.

Едем — вокзал, слева челн растущей Луны; проверка паспорта, проходим. Поезд беларусский: просторно, чисто, льняные простыни — любимый, из-за открытости, плацкарт (всегда предпочитаю ездить именно ним).

Чисто.

Состояние спокойное. С собой две книги: про Рыцарские Ордены Средневековья и перевод 12 лэ Марии Французской. Книга всенепременна в странствии: она вносит совершенно особый уют и окутывает присутствием смысла, превосходящего наличный континуум.

Тем более такие книги! (и, да: они живые; электронку я не признаю категорически).

Радейка исторгает песни советских времён и сие уже как-бы немного обращает реки времени вспять.

Пассажиры грузятся, проводники проводят, погранцы очерчивают границы — симфония демиургии и не думает прерываться пустым элементом пунктира.

Где-то там, в далеком Менске, меня ждёт Храм. Чудо неороманики. В центре города. Одно это придаёт глубину смысла существованию всей Белой Руси: логично — Белое своим остриём имеет Красное. Упомянутый Храм пылает

Краснотою; неважно, что ему не семьсот лет — существенна правильная форма. Одно это уже служит исправлением измерению. Сжигается все та же тщета.

Белая Русь интересна по-особому и также приятна. Ее настроение бело-прозрачным висением заполнило вагон поезда, пребывая как бы в Киеве, по факту настроения присутствия мы уже там. Чисто. Светло. Лён.

Проводница раскованно доброжелательна и в тему аскетична, в ней немного чего-то от монахини. Может дух приближения к андрогинности...

Все же хорошо, что Беларусь — удельное княжество весьма специфического «православного атеиста» (как он сам себя величает); кстати, упомянутый, прав и в своих гендерных опциях — всецелое неприятие пидаров и лёгкая грусть в направлении к лесби. По понятиям: не подаёт руки первым (даже важным гос лицам иных стран), в контексте «не законтачиться». Весело. Спокойно. Едем.

Внимание к тонким ощущениям и настроениям позволяет познакомиться с иными Богами...

Разговорились с соседом — он из Минска. Вывод: я, конечно, идеализирую Белую Русь.

Более того — я сознательно особым образом идеализирую вообще все: меня мало интересуют «социально-экономические реалии», я путешествую в чистых странах и понимаю, смысл как раз в том, дабы не разделять общую судьбу народа (она всегда печальна или — очень печальна), а из вотчины безусильного творчества излить свой исключительный вариант саги бытия.

Смерть. Жизнь. Никуда не деться от них. Непримиримое противоречие этих «рогов». И только в Третьем, в Пути, разрешение сего напряжения. Впрочем, граждане не любят Путь, они боятся Его, ненавидят, и потому предпочитают выходить из бинера «жизнь-смерть» в самые разные

отвлечения (в том числе — развлечения), что, вне всяких сомнений, не решает страшнейшего вопроса, но отодвигает трагедию встречи с ним на потом. А это «потом» — когда уже ни сил, ни ясности, ничего...

Перестук колёс: поезд мчится на Север. В Белую Русь. Ложусь спать на странно щедрую льняную простынь.

ГЛАВА 10
НА ГРАНИЦЕ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО...

Проверка документов, пересечение границы — вроде бы весьма нехитрые действия. Тем не менее, их суть есть знак некой переплавки и смены измерения. Демиург делает вид, что тут он другой. Конечно же, ещё и — тема перехода, в том числе, смерти.

Магнит манит россыпь стальных опилок. Последние взлетают к нему. Не факт, что цельный кусок железа превзошёл бы свою концентрированную массу и смог бы воспарить. Аналогия: магнит — Место особое; что тогда опилки сии? Ведь нас таки тянет куда-то...

Что-то познаётся.

Кому-то неймется.

Пластична субстанция человеческих лиц в деле границ. Демиург (точнее — инвариант оного) будто бы разогревает воск и ставит оттиск на него. Так зачинается рок.

Потом все это придётся расплавить до начальной однородности и ориент взять уже не в извивах формы боли, а в уникальности звуко-света своего уникального проявления.

Осмотр. Товарищ с надписью «Мытня» активно и не без удовольствия лазит по нашим сумкам, берет подержаться

за наличку (и мастерски, по объёму ее, определяет, что все норм). Расспрашивает: а чего? а куда? а что за книги?

Диагноз: мы, к счастью, не представляем угрозы беларусской империи и нас оставляют в покое. Забавно. Мытарь был весьма серьёзным, а собаку, к сожалению, не водили: О. немного расстроилась — уж больно хотелось ночью, да ещё в поезде, увидеть овчарку с обеспокоенным лицом (на фоне морд) на важной работе.

Финита ля трагедия — и малый, микроскопический в сравнении с ней, фаллос нашего поезда продолжает свой нырок в бездны белой вагины. Впрочем: приятно.

Опус иерогамии продолжается.

P.S. Почему-то навеяло.

Анекдот. Больной после ампутации ноги. Заходит негрустный врач и: у меня для вас две новости — хорошая и плохая.

Плохая: по ошибке мы отрезали вам здоровую ногу.

Замечательная: больную можно лечить.

В продолжение.

— Для целей Вашей же безопастности и удобства, по поручению правительства, всенародным голосованием и вслед упованиям всех людей доброй воли — мы отрежем Вам ноги: так Вы не упадёте более никогда и не получите травм. Руки оставим — дабы плести корзины и мочь заработать на хлеб с коньяком. Кроме того: изюминка хайтек — вместо ног мы приделаем Вам лыжи прямо к туловищу (по факту — к жопе), ведь Вы так любите кататься зимой с горок...

Благополучие народа для нас превыше всего.

Ночь исходила чёрными слезами на нивы бодрого безразличия к своему отчаянию. Блеск доспехов замечен не был.

Какой-то мудак курил в тамбуре. Все шло своим чередом.

И ещё. Прочитав резюме некоего Цуцуляка Вконтакте, испытал спад либидо по отношению к самому себе.

Восстанавливаю статус кво: коротко о себе (как учил великий Цуцуляк) — ебу, все что движется: то, что покоится — уже выебал (а ещё: могу в прыжке, с вертушки, ударить в челюсть пяткой, приземлиться и кувыркаться без остановки 40 минут (параллельно читая по памяти Вульгату на арамейском языке и проводя анализ соотносимости Юнгдрун Бон и 12 Имамов в контексте Гнозиса мизерекордии...)).

Играет музыка: «ХЗВ» исполняет саги дня сего.

Просветление, судя по конвульсиям Цуцуляка Вконтакте (в также — по уверенному удовольствию мытника в деле «ныряния в унитаз» (см. анекдот на эту тему про опытного сантехника)), уже близко. Очень близко.

P.P.S. И: таки, блядь, мужественные беларусы таки на хрен закурили пол вагона. Не все хорошо в датском королевстве: видать, просто, Сансара у них покрашена в белый цвет. Люди, с удовольствием, сами, создают ад и для себя и для окружающих. Что ж: неплохо жить и в аду, собственно, есть одна из базовых задач магии. Пытаемся приспособиться. Остаётся только пожелать всем курильщикам побыстрее попасть на десяток другой тысяч лет в особое инферно: там пусть они бесконечно подыхают и возрождаются от своего любимого дыма и наконец получат такой опыт, что бы в следующих жизнях не могли даже смотреть в сторону сигарет. Кстати, сочувствие в данном контексте выражаемо именно в таком конкретном

пожелании. Иначе больные животные, эти ебнутые граждане, учиться не умеют.

Смешанные: здесь, точно, нет ничего однозначно благого.

Женщина, в данной нам социокультуре, всегда будет пытаться урвать толику власти: этому не стоит препятствовать. Сие необходимо всецело и спокойно игнорировать.

Впрочем, как и многие другие приятности общества.

И осядет чёрный снег на землю белую, и утомятся демоны и нави деяний своих, и будет — великое облегчение.

Сей Опус можно распознать почти всегда...

ГЛАВА 11
ХОЖДЕНИЯ ЗА ТРИ МОРЯ — НА ПОДХОДАХ К ИСКУССТВУ ПЕРЕПЛАВКИ

Итак: Алхимия. Даже не знаю что и сказать по этому поводу. Читаешь тексты — так как мы привыкли здесь: там ничего не ясно. Причём: текст — особый лабиринт (не хаос!) образов, а выражение двоякое — через метафору слов и рисунков (а также — эмблем). Привыкаешь, смотришь, вбираешь. Остаётся особое послевкусие присутствия замешательства; какие-то куски вроде бы поняты (скорее всего не так, или не совсем так)...

И: потом (точнее: до, после (с «во время» — значительно труднее)) — жизнь. Вопрошание посредством ее.

И вдруг нечто выныривает в том или ином контексте — увязывается одна из версий понимания какого-то образа из тех темных трактатов. Может, это вирус такой, разъедающий жесткость данной социумом земляной композиции; и искреннему вопросу — будет свой ответ?!

И, видимо, есть — когда «в коня корм» — тогда сюжеты и ощущения жизни собственной как бы соединяются с упомянутыми выше метафорами, гравюрами, рисунками и эмблемами: тот и этот (нашего бытия) Лабиринты становятся одним и уже что-то таки происходит. Не просто так. Дух Божества ведёт, изумрудная Тропа открывается среди брыл тщеты.

Менск.

Вокзал. Едем в музей народной архитектуры и быта. Нас везёт довольно молодой таксист, на нем, как и на многих других беларусах, печать местечкового демиурга. Своеобразная бодрость и простота.

Оглядываем из окна авто город: он новый. Много пространства, модерные постройки. Стекло, бетон. Водоёмы. Парки.

Город-то древний, но его сожрала война и он заново отстроен — главная артерия широка и сталинский ампир её диадема. Более-менее что-то проясняется на счёт «православного патриота» — он израстает корнями из упомянутого пространства. Сталинский ампир и простор, умноженные на Красный Костёл. Очень своеобразное ощущение некоей мощи, кстати, Покровы.

Минск вроде бы примитивен, он не дышит «предками», но амбиция и воление «стального вождя», странно умноженные на непонятное местное Христианство; усиленные аскезой агрокомплексов вкупе с крепостями и храмами, все это плюс спорт и культ работы — создают формулы магии Батька. Он таки вылепил своих гомункулов...

Вечерний Минск: улицы пусты — будто все куда-то уехали.

Идём в некой специфической пустоте. Похоже, Минск вырос в умножении «советской эзотерики пентаграммы» и взял в атрибут Красный Костёл.

Явно Батька опирается на сие или осознанно, или, более вероятно, интуитивно. Не знаю, как здесь преодолевается местная Демиургия, наверное, параметр растворения — очень сложен. Зато в наличии некий избыток некоего Огня...

Красный Костёл, по легенде, пришёл в видении дочери одного важного человека незадолго до её смерти. По форме он ближе к Романике, однако присутствуют и нектары Готики. Целостно его воспринять проблемно (особенно, внутри), необходима сепарация католической сентиментальной приторности (исусики с красными сердцами, девы такого же плана, безвкусное внедрение цветов, странноватые витражи и неприятный запах...). Но в целом — он прекрасен и будто выплыл из сказки. Не в тему также, множество изображений мецената, построившего Храм.

Словом, при втором взгляде, столица Белорусии не однозначна: силовую линию и некую свежесть несет сталинский ампир, а в Красном Костеле сходится Наша Традиция и какая-то слащавая херня, связанная с уродливо сублимированной сексуальностью.

Вечер. Ходим просторными улицами центра. Вдохновенного восторга мало, больше немного душная усталость. Странная страна.

Приходим на квартиру. Ещё раз слушаю духов просторы и норы: град как бы немного стерильный, что ли. По-молодецки омывают фрагменты местной речи — много аканий и раскатов. Язык — будто порыв ветра в окно.

Рассматриваю путеводитель по Беларуси: есть красивые Храмы, крепости и Башни. Пожалуй, ощущается невнятная незавершенность: язычники литовцы все ещё приносят свои жертвы, а Тевтонский Орден не прожег все это своими белыми плащами...

Да, дух Тевтонии как-то краем диффузирует с Пущей, главным местным Архэ: сомнительно, что в неё проникают лучи Святости.

Ночь. Друзья затихли. Завтра будет день.

Поглядим.

Утро. Глядим: дождь — Минск похищен его рассеянными струями.

Простуда нисходит жаром. Понимаю: я сегодня одарён особым расслаблением и паузой утери неких свойств. Хорошо. Ведь: в принципе, хорошо всегда. Друзья уходят, а я буду отдыхать в нежном отсутствии тела, сливаясь с пространством.

Минск познаётся, как шелест дождя за окном и шум привокзальной площади.

Блаженное одиночество.

Утром мы говорим с Геломом об иллюзорности любых идентификаций; о том, как может прорастать чистая иллюзия. Источник вдохновения и безусильного творчества. Да: Авалон распознан и в Минске.

Полоса дня вязкая — я будто прохожу сквозь её немоту: более-менее равномерное гудение дождя и площади навевает завесу постоянного гула. Я путешествую в измерениях своего тела. Выглядит это со стороны как лежание; однако — я всюду, я пустой и в этом измерении искрами вспыхивают ощущения — тело ломит в разных местах, тело блаженно перемещает по себе тугие спирали

собственной жизни. Своеобразный шаббат нежданно настиг меня. И мне хорошо.

Когда я заезжал в Белую Русь, моим чтением была глава про Тевтонский Орден. Сегодня О. принесла прекрасную книгу с пересказом преданий германских народов: Нибелунги, Кудруна, Дитрих Бернский, Беовульф... Великолепные иллюстрации (а книга жила в очень большом центральном книжном — да, книги, похоже, здесь уважают).

Дождь тотален. Этот лист из календаря вырван его стальными струями, завернут ними, пропитан ними.

Почему-то в разговорах с Геломом уже пару раз всплывает тема детей, я: — сегодня социум уготовил родителям только роль опекунов, забрав себе (интернет и прочее) всецело духовную опеку и водительство. По факту — все дети — в интернате мира, в котором грязь водрузили на место звёзд.

Вечер. Дождь все также. Все то же.

Идём. Находим уютное кафе. Неторопливо беседуя, заказываем еду.

Путешествие — это поиск зеркал себя в пространстве. Иероистория — во времени. Вместе: вскрытие особого объема.

Мечтательно, ужинаем, шторы в красный горошек, послеслед советии, все тот же дождь — выходим; напротив здание старой женской гимназии — интересное состояние; статуя Фемиды в нише.

Этот опус близится к концу. Читаю про три Испанских Ордена и Реконкисту. Про уничтожение Тампля; все печально. Не печально то, что сие вообще было. Исторические книги занудные в своём стремлении к пресловутой «объективности» выхолащивают самое

главное в Рыцарстве Орденов — силу «соли», того Огня, который даже миряне простые именуют «романтизмом», «благородством» и т.п. Потому читать их следует по диагонали не тратя времени на тщательный разбор «кто, кого, как и чего». На книгу из 300 стр. с трудом можно найти сущностные моментов объёмом хотя бы на 1-2 страницы.

Тем не менее, очень понравилось описание, как тамплиеры пришли на суд в Меце — в полном вооружении и готовые принять бой, после чего их решили отпустить, а театр Фемиды не состоялся; я был в граде том и возможно почувствовал ту Воинскую Сухость...

Беларусь совсем недавно обзавелась новыми деньгами. Необычным намёком сошло странное ощущение коагуляции «силы грошей» — возврат актуальной ценности монет. Теперь они что-то стоят и, благодаря сему, в поле внимания. А, поскольку, их плоть из металла, постольку Белая Русь как бы сгустилась и заблестела в жилах такой мощи. Магия. Посмотрим, что все это принесёт; оперативно значимо новое распознанное ощущение: воскрешение монет (вроде бы мелочь) влияет на тонкое звучание всей композиции измерения. Все во Всем. Подвижное в Подвижном. Все — на Все.

Монетки похожи на искры. Искры — на молитвы. А последние — на капли пота. Малые крупицы пепла сохраняют какую-то особую тайну в своей исчезающе малой зернистости. И: не исключено — исчезающе малое, есть корень Великого; быть может: знающий мельчайшее, у врат к величайшему...

Минск и монетки. Белые Озёра полузабытых снов. Теряя запах оков...

Вполне может быть: вот ты практикуешь, скажем, воинские искусства. Становишься сильнее, достигаешь степени мастерства, овладеваешь навыками, энергиями, комплексами и... — только умножаешь поле иллюзии себя.

Так что же, не совершенствоваться в этом деле вовсе?

Нет. Вывод не верный.

Поезд: село Горностаевка.

О, вот он, ответ. Поселиться в деревне Горностаевка, под Белой Башней и тихо ловить рыбу недалеко от готического храма.

А все остальное — произойдёт само собою и в означенное время.

Граница. Проверка. Беларусы не приветливы. Чего-то выясняют, всем своим видом показывая некую «мол, не особо и рады вам». Где были, с какой целью, что за книги, кем работаете и прочая херня. Но, видимо, по сути им все это не нужно, а действуют по разнарядке, демонстрируя «граница на замке».

Едем. Едем дальше.

Приехали.

Проверка уже в Киеве. Здесь приятнее — на работе спаниель, да шоколадный: идёт, хвостом виляет. Видно: хоть и на работе, но — доброжелателен. Дальше — таможня, паспорта...

А за окном — дождь.

Минск телепортировал его в Киев.

Вездесущий дождь. Серая кровь стального неба.

А может — капли пота Божеств Промежутка; или слезы Нашей Девы.

Скоро ткань наших курток причастится ними...

ГЛАВА 12
МЕЖДУ УПРУГОЙ ПЛОТЬЮ ДВУХ СНОВ

Вне всяких сомнений, для некоего начала, имеет место быть кожа. Граница мира. Ну ладно: не только — ещё мама, дети, в меньшей мере, жена. Типа «я».

И это «типа „я“» выдернуто наружу: порода машины, чулки и бёдра в них, брендовые шмотки и штиблеты, вертушка в прыжке пяткой в челюсть; президенты, выборы и презервативы; война, терроризм и поездки на юга; первая «измена» (потом — вторая, десятая, сотая); бутылка, поступить дитё куда-то; космоса чёрные дыры; дыры в бюджете и в теле (возникшие вследствие насилия или имеющиеся от рождения). Из вне возвращает в тушку боль.

А роль — перекрёсток и соотношение первого и второго. Роль актера театра и кино: кино — это когда полный, а театра — когда частичный.

Да. Некое начало. Вернуть себе себя из суеты. Нижний дань-тянь и все такое (в смысле — средний); Сердце; «возвращение Центра»; крестное знамение (как напоминание), обретение целостности...

Замечательно.

В том числе: устремление к Богу и тень сего, как отпечаток; впрочем — мабу (киба-дачи — минут так 30)...

Каждому — своё (в том числе: «каждому Титанику — свой айсберг»).

Но. Вот противник. Когда удар уже полетел — поздно. Почувствовать наперёд. Слушать. Спрашивание, которое потом можно распространить на все вокруг. Вначале: прителесное пространство. Потом (иногда, параллельно) — расширение считывания, однако не посредством тела концепций, а — через непосредственное распознавание своих ощущений.

Собственно, первое и второе, описанное ниже и есть искусство познание аспектов энтаза и экстаза.

Четкое знание Излучения и
Вбирания — есть ключ ко множеству тайн, открывающих ещё большую Тайну. Познавая все это, познаём и мистерию Любви, и «Тайны Соборов» и «что есть „я“»...

Далее. Ещё важнее и сущностнее провести волну экстаза и энтаза друг через друга, уравновесить их здесь и теперь. Так открываются Врата в Сокровенное. Сколько об этом не пиши — все очерки: лишь способ указать или, иногда, спровоцировать совершенно особый опыт такого рода.

Можно бесконечно детализировать аспекты, становясь, даже, великими Мастерами оных; но так и не шагнуть в сию ускользающую даже от понимания, целостность. И эта Формула может иметь (в следствии разных причин) меньшую оперативную силу, чем мастерство аспекта; и для людей такое — будет доказательством того, что как раз существуют-то только аспекты; ведь в этом, нашем, измерении — критерий истинности, чаще всего, Сила и Власть (а ещё лучше — эффектные чудеса).

Равновесие и утончение близко нейтральности, а значит, оно распознаваемо мало: не так просто в ковре золотых опавших листьев узреть след дыхания турбуленций Солнца и трепетного соития света с сущностью листка. И, даже, если сие замечено, то «тело причины» такого дела все равно за кадром.

Эффектно действо, когда кто-то перебил рукой кирпич, а лучше — вдребезги кулаком бетонную плиту: разве это не из оперы чудесных исцелений и «нашему долгожителю вчера исполнилось 120 (вариант: 240) лет»?

А: запутанное нечто в серых складках халата повседневья; балахон монаха, капюшоном укравший лицо

(но он оставил не пустоту (все же что-то есть) — он снял акцентацию на специфике ордера навершия колонны «личности», ориентированного в лес социума).

Паутинка тонкая, не клейкая; но и струна стальная, могущая отрезать голову.

Заутренія истинного понимания не так доступна и вульгарно ясна.

ЗОЖ (здоровый образ жизни) — миф, это самое «здоровье» отнимающий. Отсутствие ЗОЖ (пьянство, обжорство и гиподинамия) ещё хуже. Потому что: никакого здоровья нет. Настоящее здоровье не ощутимо: оно растворилось в боле широком и общем понятии — хорошего самочувствия. Последнее — тоже растворено просто в присутствии... Короче — все растворяется дальше, дальше... дальше — Бог. Растворяется и Он.

Но: мерцают звезды. Очаги проявления, — ведь, всё-таки, что-то есть.

И в переплетении лучей этих звёзд друг с другом, как раз и образуются едва уловимые точки опоры, которые потом становятся основой нашего «тела иллюзий». И оное, уже не видя «базового чуда», сканирует вотчину тупой боли в попытке регистрации «ну ничего себе!» (перебил! два кирпича! силикатных! и не просто рукой — хером!!!). Впрочем, заместо кирпичей и хера, можно вставить все, что возбуждает конкретного пациента...

Альфа и Омега; Начало и Конец; Хвост и Глава Змея...

Предел Спокойствия рождает Блаженство — именно потому все происходит само собой и «если долго сидеть на берегу реки — можно увидеть проплывающий мимо труп врага».

Вот в целом плоть. Тело. Но: оно живое — то есть подразумевается множество мириад движения (крови в сосудах, дыхания, жестов рук и ног, ходьбы). Как бы

множественность. А что тогда единство, «хвост» к этой «голове»?

Ответ элегантен и может дать ключ к пониманию откуда взялись точки (сюе) акупунктуры. Собственно, точка и есть искомый элемент. Концентрированное зеркало всего движа. В ней — некая эссенция его: будто призма ловит веер разноцветья и обращает его в белый луч. Отсюда: воздействуем на точку, получаем веер последствий. Важен угол взгляда и таких углов — 12: столько основных каналов, связанных с органами-дворцами.

А между точкой и объёмом — канал...

Может показаться, что такого рода писания — некая расхристанная фигня ни о чем. Это не так. Излагаются очень конкретные и практичные моменты оперативной работы, правда, абы их прочитать, уже необходима особая гармония себя...

Энтаз дышит сквозь экстаз и наоборот. Все это старается, будучи возбуждаемо средой, а точнее — привычкой (кармой) слететь с осей встречного потока и как всегда разорваться на множественность запчастей к жизни. Однако, вися в центре, можно созерцать возвращение вещей к своему истоку, накапливая особую целостность. Она — точно превыше здоровья и болезни; есть шанс, что превзойдёт дихотомию жизнь-смерть...

Когда такой процесс ВСЕ ВРЕМЯ распознается в своём оперативном теле — тогда паломничество имеет смысл: оно уже не рискует оборваться до компенсаторного развлекательного путешествия.

Вернёмся, однако, к акупунктуре (хотя, термин, как всегда, не в дугу).

Многих вводит в заблуждение видимая в первом контакте сложность системы точек, каналов и их использования.

На деле — все проще. Данная метода имеет в своей основе ряд принципов: все во всём, подвижное в подвижном, и т. д. — более того, все увязано по определенным ритмам и взаимно пересекается. Сие не хаос, но особо живая, дышащая собою сквозь себя, матрица. И точка-сюе, некая звездочка проявления, истекающая из одной из пяти (у-син, 5 движений) энергий (на деле — 10, так как ещё есть аспект инь или ян) и связана она некими нитями и с органами, и с местами, и с влияниями на функции, и с другими точками. Так в точке, как в капле росы, отражается весь мир; однако — под углом ее специфики... Более того — точка никакая не точка, а живой объём (система фракталов), который бытийствует особым облаком. Она может быть активна, разбужена, закрыта или полна болезни.

Нечто подобное распознается и в других иконах первозвезды проявления.

Деньги — не результат упорного труда, точнее, не только. Они впрямую связаны с магией. И являются частью Крыла Силы. Второе Крыло — Мудрость, Знание. Только циркуляция этих двух может даровать правильное увязывание в Делании Изумрудной Розы.

Это спасение, когда имеющий деньги, подносит их тому, кто дарует Знание (ведь Знание не продаётся из-за своей бесценности, когда научают — Его даруют ученикам; а когда ученики дают деньги, то они не платят за Знание, но подносят Учителю в знак уважения и на жизнь). Спасение — для обладающего деньгами; и подношение тогда подношение, когда оно творится с позиции щедрости.

Мы слишком привыкли к стилистике обращения с деньгами и богатствами, характерной для низших каст и варн. Рыцари и Носители Знания не зарабатывают денег в принципе: они существуют на подношения — но, их бытие, подвиг. Подвиг проявления смыслов из пустоты

и защиты измерения людей от потери человечности.
И тогда труженики — хоть что-то знают, хотя бы в базовом виде — не только звероавтоматы, но ещё и люди.

Знание берет у Силы, а Сила структурируется Мудростью.

В наивысшем Опусе — Знание и Сила нераздельны и свободны от усилий (и даже от воли).

Здесь не уместны призывы ко всецелому добру, как и неправильны воззвания ко злу: грамотный деятель предпочтёт точное различение. Как бы «добро», здесь, всегда не совсем добро. В нем есть множество элементов (имеется ввиду в оперативности нашего измерения социо-культуры), которые только ещё больше усилят зло; ведь «добром» для большинства есть «по факту навязанного восприятия, или ощущений», приятное — но, даже в тактической перспективе это «приятное» оборачивается тюрьмой, болью и страданиями. Элементарный пример: наркотики...

Порою, текст клеймится «занудным» из-за собственной неспособности собрать внимание...

Так или иначе, но бытие в Смешанных, подразумевает обучение по принципу «все во всем, подвижное в подвижном» и восторженный возглас —

КАКОВ ЛАБИРИНТ!

Святые Места, даже просто Города, — некий аналог точек акупунктуры, но уже в плоти измерения. Как бы Земля.

Звезды и Созвездия, Ковш, Зодиак — точки как бы Неба. А наши сюе — как бы Человека.

Ещё одна Мистерия — наши открытые точки, вбирая шёпот и молчание Неба, прислушиваются к Земле. Три Тела становятся одним.

Храм. Особая фрактальный точка. В ней сходятся не только три, упомянутых выше: но и — Всепронизывающее, превосходящее Сакрум Священного Древа...

Дороги Паломничеств — каналы, по которым течёт истинная жизнь нашего мира. И энергия этих каналов мы, те кто «ступая в след, бредут в рассвет; и путь пылит в разлете лет».

ГЛАВА 13
КУНГ-ФУ СКИТАЛЬЦЕВ

Боевое искусство — радость некоего «леса» неких людей...

В двух словах: это и искусство, и ремесло, и ловушка, изливающиеся множеством плодов и запрашивающие разные степени цены. Они и даруют жизнь, и убивают; в том числе — своего носителя. Они прорастают и союзом здоровья и силы, и союзом смерти и силы.

Это: огромная вселенная самых различных созвездий. Это — совершенно особая поэзия и одновременно, брутальнейшее надругательство над песней человеческой плоти и крови.

Условно, в память о практикующих советских времён, назову его обобщая, Кунг-фу (хотя, как всегда, термин некорректный).

Кунг-фу скитальцев...
Наше Кунг-фу...

Многие виды Кунг-фу в основе своей имеют характерную подготовку, предполагающую, условно говоря, «монастырь», то есть работу, проживая на определенном месте. Например: упражнение «Яма». Оно выполняется 5–8 лет ЕЖЕДНЕВНО, то есть, КАЖДЫЙ ДЕНЬ. В конце плод — ученик может с места выпрыгнуть из ямы, глубиной в его рост...

И таких упражнений много.

На них, на базу их качеств и силы и «вешается» соответствующая боевая техника. Понятно, что такого рода техника не будет эффективно работать, если практикующий не прошёл эти «монастырские упражнения».

Ясно: в современных условиях для большинства такие кондиции не достижимы.

Сейчас мы все скитальцы. Взять, хотя бы работу в мегаполисе, где на дорогу туда и обратно может уйти 2-3 часа...

Скитальцам необходимо иное искусство и иная боевая техника, компенсирующая отсутствие вышеупомянутой базы физухи. Такая техника — координационно более сложная, пластичная и построенная несколько на иных принципах. Другая и энергетика под неё...

Владею ли я Кунг-фу?

Маловероятно.

Но и: Кунг-фу, слава Богу, не владеет мною.

У нас, что ли, взаимная любовь. Я очарован этим великим искусством, этой готической архитектурой боевых навыков.

Я счастлив прикасаться к тайнам Мастеров древности...

Странно. Вроде бы основной вектор — Авалон.

Тогда при чем здесь Кунг-фу?

Излияние Грааля всенепременно предполагает воинский, рыцарский, Опус; последний живёт в терниях роз владения холодным оружием и в благоухании лепестков особой чувствительности. Запад, слишком возрадовавшись эффективности огнестрельного оружия, забыл своё рыцарское искусство; Восток, Дальний Восток, сохранил. Кунг-фу всецело противоположно спорту и все ещё несёт в себе возвышенный дух мастерства боя без оружия и с оружием «холодных горных озёр».

Формула его адептов максимально близка к рыцарской, хоть и не тождественна ей.

Второй момент: Архэ Святой Земли, где в кипящем котле смешались самые разные Учения и Традиции. Сейчас ещё большее Великое Смешение захватило всю землю. И живой ингредиент Кунг-фу, как это ни странно на первый взгляд, прекрасно, с трепетом и благодарностью, применим, в деле эманации Авалона.

Ибо Запад, более чем спортом и ролевыми играми инфантилов на тему Средних Веков, ничем похвастаться не может. Живой Дух Воина, Воинская Традиция во всей Её полноте, ним утеряна.

Кунг-фу скитальцев не национально. Оно не связано с культурой. Его даровали определённые классы Божеств и оно несёт в себе некую формулу снятия цепей рабства, что созвучно «уходу от Демиурга».

К теме: весьма неплохи и интересны рассуждения Карлоса Кастанеды о Воине; однако — не хватает главного — упомянутый уважаемый автор не был ни экспертом, ни практиком воинских искусств. И потому, его прекрасные рассуждения как бы провисают, не будучи усвоены периферией тела. Все-таки: Воин — это не только идеи, концепции и определенный модус энергии, - это ещё и опыт плавки себя в горниле специфических упражнений.

Дух оживляет материю: — чудо Готического Храма; — чудо утончённого боевого мастерства; — чудо, когда секс

становится «возвышенным искусством тайных покоев». Как ни странно, эти три — почти одно. И, обладая опытом в одной упомянутой сфере, можно спроецировать его и на остальные.

Паломничество как таковое — тигель, в котором кипит все.

Тамплиеры Кунг-фу — это звучит глупо?

Тевтоны «боевого леса» — невозможное сочетание?

Нет.

Ещё одна Квадратура Круга. Ещё один вызов оперативности особой Нежности.

Возможность получить совершенно особый Блеск.

Блеск собственного Клинка.

ГЛАВА 14
СНЫ СВЯТОГО РОХА

Снился мне сон. Лет десять назад: что познал я Любовь — Девы Севера, рождённой на Юге, в краю солнца и вин. Ее Дракон был неповторим; наш Дракон был круче вин.

Холодным ветром пришла река и все объяла узором сна.

Провисло время канатом льда...

Она ушла.

Мои Божества, порою, возвращают прожитые весны. И в Лабиринте Сетей узрели мы тени друг друга. Всего — десять лет.

Белизна показалась уместна, дабы сверить соответствие теней лучам. Ее центр — град на реке Свислочь...

Мочь. Одна четвёртая Круга.

Сон.

Поезд. Скоро граница. Из моих восьми Крестов Посвящения со мною почему-то только два: оба из Армянского Храма Львова. Вспоминаются образы из упомянутого Храма: Св. Георгий в облачении тамплиера и Св. Христофор (очень, кстати, странная фигура...). Заглядываю в Инет: нахожу Киликийское государство армян. Оно — Врата в Святую Землю и рядом с государством Крестоносцев; становится очень многое понятно. Далее, листаю: армянская архитектура — Храмы очень похожи на Романские. Ясно: волна одна.

В завершение вспоминается Цветущий Крест.

Интересная подготовка...

Стражи Мытни злые — насилуют вовсю соседей из Узбекистана. Меня не трогают. Едем.

Хванчакр покоится где надо: глаза-иголочки таможенника не зрили его сребернную плоть, не вплетались в ходы золотых узлов, не транслировали в Сердце странные вопрошания.

Со мною — две книги: про историю рыцарства и про средневековую архитектуру Европы. Гадание на И-Цзин показало, что нужно быть осторожным, Низ входит в активность.

Забавно получилось со снимаемой квартирой: в Минске я был всего пару дней назад, заболел и потому не пошёл с друзьями созерцать найденный Костёл Святого Роха. Жильё в последний момент хозяйка нам меняет и нас ожидает дом, создающий своим телом двор, в котором как раз и запрятали вышеупомянутый Храм...

Знак.

Сон во сне.

Утро: белая трава. Перестук колёс. Время деформирует тело: это заметно особо поутру — недаром бабы наводят камуфляж, скрывающий комкающие жесты сего тирана. Прислушиваюсь к плоти своей: «если ты проснулся утром

и у тебя ничего не болит — значит ты умер» (гласит даосская максима); я, вроде, почти жив. Умываться, кстати, выходя на холод дурной тон: открываются врата для пневм злых и холодных.

Проводница — как и льняные простыни, отдаёт Беларусью. А та, в свою очередь, проводит странный Логос «православного атеиста» (скорее, даже, не Логос — а гремучую смесь запчастей язычества, христианства и эзотерики советской пентаграммы...). Святой Рох: хор интересных предчувствий...

Сон течёт далее: Минск, вокзал, снег. Мимо Красного Костела, широкими улицами, к Храму Святого Роха. Он спрятан во дворе, золотой двор, кладбище — Белый Храм. Заходим: внутри молочное тугое присутствие. Покой. Этот Храм явно родственник Марии Снежной из Львова, он также тих и нем подобной аскетичной тишиной.

Нить беседы. Правда: сначала опус «небесных рос». Беседуем о татаро-монголах (восхищаясь ими), о видах средневековых казней и их магической подоплёке.

Так, изначально, сожжение на костре было применимо против сильных ведьм, которые, даже будучи убиты, могли через медиатор своих костей, мстить. Всесожжение до пепла отнимало эту способность (впрочем: и возможность христианского воскресения из мертвых, тоже).

Повешение — это казнь, основной аспект которой не пролить кровь: а средневековье очень чутко относилось к сперме и крови (считалось они — мощнейшие медиаторы). Так как бы отсекалась возможность как-то неблаго повлиять на посмертие повешенного...

А отсечение главы аппелировало к возврату с интенсивной периферии и гордыни (голова) в центр, к Сердцу.

Конечно, со временем, сие знание забылось.

Кстати, расстрел, не так уж и весел, если рассматривать его в данной опции: пуля — свинец. Капля Свинца — Сатурна. А свинец самый тяжёлый и грязный металл, символизирующий соответствующий модус состояний...

Пуля в сердце. Пуля в голову. Как бы печать определенного вектора...

Странный сон.

Снимаемая нами квартира, почему-то, по своему настроению, очень похожа на жильё мсье Люкаса (первая наша поездка в Париж).

Белизна: мы едим её, мы вбираем ее через поры, мы пьём ее...

Мы окунаем друг друга в ее молочную густоту: пустота — и в ней все время вспыхивают вибрации проявления.

Спальня бела, на стене красный иероглиф «ай» — «Любовь». А люстра — шар: то ли снежинок, то ли ромашек. Все: явная пролонгация Храма Святого Роха...

О последнем: Святой Рох — интереснейший персонаж, покровитель паломников и своеобразный европейский адепт Чод.

Сон во сне: пневма закипает и выбрасывает вверх, я = облако вибрации.

Мы сливаемся с Дочерью Севера и монгольских степей седьмой раз за полутора суток: не пролито ни капли семени и сие важно.

Такси; водила жалуется на власть (правда, благодарен ей, что бандитов выбили); едем. Кальварийское кладбище, Готический Храм. Спокойно и тихо. Обходим против часовой.

Все как надо.

Ещё один Храм: Всех скорбящих радость, он сурово пуст внутри и потому нравится. Крестят ребенка: крестники дают обеты, отрекаются от Сатаны...

«Отречься от Сатаны» и забавно, и смешно, и трагично, и как, и никак...

Минск. Идём по парку. Дом.

На подходах: Площадь Пентаграммы. Четыре столба по квадрату со звёздами поменьше, в центре — обелиск как бы с орденом Победы, а по факту — большая красная пятиконечная Звезда. Слева надпись: «Подвиг народа», справа — «Бессмертный». Понятно: народ должен жить в соответствующем подвиге, дарующем бессмертие власти, а площадь Пяти Пентаграмм — как бы Печать Силы на сие пожелание. Что же, пока что, и уже довольно много лет, это кое у кого получается...

Ни в коем случае здесь нет некой оценки Батька: упомянутый персонаж, сделал немало и хорошего для своего народа (особенно, по сравнению с соседями).

Измерение, в целом, мягко говоря, не особо качественное — вот о чем речь...

Когда тебе говорят «— ну скажи правду, я все прощу», тебе на самом деле говорят: «а ну давай расскажи компромат на себя, а также, все то, что мне даст возможность манипулировать тобою с меньшими усилиями (и я это буду ощущать как «ты хороший человек» и как «стабильность ситуации»)». Правда, более правдивая, например, твои душевные сканирования среды и такого рода тонкие различения, твоё стремление к Истине — на хрен никому не нужны и не интересны.

Потому, граждане, вашу, интересную вам правду, хуй вы узнаете; а настоящий пролог к настоящей правде — в каждой книге Вечного Сентября.

Это о снах, яви и их соотношении...

Разговоры. Все они об Истине, только с разных сторон.

Святой Рох смог превзойти чуму, а вот козни социума его в конце концов свели в могилу (что как бы намекает...).

Эпоха Великого Смешения подразумевает подведение некоего итога.

«Slave» — «слейв»: «раб». Славяне, как архэ, вялые. Не случайно вновь и вновь возвращается тема Чингисхана и монголов, их Великой Империи. Их песни, их образы зажигают кровь... Вялость опадает, подобно опавшим листьям с осенних деревьев.

Наш Козак Мамай, центральный архэ Украины, вне всяких сомнений, имеет одним из своих корней монголов и Великого Чингисхана; рискну более агрессивно высказать парадоксальное утверждение. Сущностный дух Украины — это дух Империи Темуджина. Не спешите смеяться: абы не пришлось рыдать.

Мы принимаем на веру только то, что нас вдохновляет: ваша научная «объективная реальность» и «факты исторической науки» нам не интересны вовсе; мы плюем на ваш пафос «всезнания» и попираем гордыню «нобелевских лауреатов». Мы всецело отменяем любой авторитет Науки: ведь — а) у вас, «ученые», нет отгадки тайны Смерти; б) у вас, «учёные», нет Знания о счастье; в) вы, «учёные», ни хера не знаете об Истине. Резюме: вы нам со своими воззрениями всецело не нужны. Вы — не более чем кучка охуевших чёрных магов, впрочем, иногда, приносящих ограниченное благо в отдельных случаях.

Там, за рекой Смородиной, Могильный Ужас все расставит по своим местам. А пока вы куражитесь, отбирая у людей своими тяжелыми и плотными мифами саму возможность воспарять и летать. Это и есть ваше тягчайшее преступление.

Сон продолжается: Менск, широкие проспекты, песня про Чингисхана и зикр, как фон ходьбы.

Язык Белой Руси — это язык контрастов:
он и значительно нежнее других похожих языков,
и значительно вульгарнее. Сие примечательно и сотворяет особую чувственную среду. Зная русский и украинский, без проблем понимаешь и ощущаешь белорусский...

Красный Костёл — чудо Нашей Архитектуры, конкретная инспирация из Чистого Измерения. Его Красота и познаваема интегрально душою; и разум, умное сердце, найдёт утонченное кормление в распознавании священных осей сего Собора (на первый бегущий взгляд их, как минимум, пять). Совершенно ясно, что форма данного Храма выплавлена святостью высокого уровня...

День третий. Сон течёт далее: улицы, повороты, переходы — много символов изобилия; типа храм профсоюзов (под греческий) с постуляцией превосходства культа Великой Матери.

Дом. Слияние. Последний разговор: Дева Севера растворяется в холодном закате.

Пакую вещи: откуда-то появляются две пачки зеленого чая... какое-то нервическое беспокойство на уровне животной души.

Ухожу из-под Красного иероглифа.

Опять Храм Святого Роха: сумерки, почему-то его окна горят изумрудным светом. Захожу. Служба. Священник тоже в зеленом одеянии...

Песня: чистый голос Альбы по-беларусски поёт, слова улетают вверх. Святой Рох, собака лижет его бедро...

Вечер ворует город у дня и отдаёт его сумрачной неопределенности.

Ощущается: скоро пробуждение.

Из одного сна — в другой.

Почти ночной Минск. Широкие проспекты, малочисленные прохожие, белый нейтрал.

Висящий вокзал. Скоро поезд: их ниоткуда в никуда. Жду. Столь подробное и такое длинное путешествие во сне у меня впервые: странно, почему именно Белая Русь?

Стараюсь точно все запомнить, не растерять детали. Ведь, в конце концов: какая разница — паломничество состоялось в том или в этом сне?

Дочь Севера. Монголка. Печать Ее небоподобных бёдер, таких же мощных и стабильных как Синева вверху, ещё на моем теле. Ощущение Ее нежнейшего Цветка — ещё у меня в душе.

А чай, тот, зелёный, кстати, привезла она...

Вокзал. Сувениры: ха! — и тут Крест Мультипликации по принципу 5*5 (правда, умножение центра только подразумевается, потому, здесь 21). Латунь. А мой-то, армянский Хванчакр, ушёл к Деве Севера: его место занимает беларусский. Цикл Циркуляции завершается или завершён.

Обмен дыханиями состоялся. Все ещё живы и многие ошибки все ещё можно исправить...

С вокзала промежуточных снов, поезда скоро развезут всех нас в более стационарные онейрические палаты; большинство — в «номер 6»; некоторых, в седьмую, кого-то в девятую...

И, совсем немногие, осознавая весь этот дурдом, вовсе не поспешат выписываться: они восторгаются, подобно мурлычущему Коту — «КАКОВ ЛАБИРИНТ!» (ведь мурчание сего Зверя — событие Вселенского масштаба (поскольку оно есть икона Великого Проявления в фазе Первоколебания)).

Кстати, Крест, по-беларусски, Крыж: и это многое конкретно определяет. Следующий опус пусть ведёт этот танец звуков; пусть он вытягивает тонкую незримую нить Звезды Парадигмы. И пусть воочию она проявляется лишь иногда едва различимым шепотом почти невидимых Знаков Тропы.

ГЛАВА 15
СЕРДЦЕ ОСОЗНАНИЯ. 14 СТАНЦИЙ, АННА И ЧОРТКИВ

Новое паломничество: опять Чорткив и окрестности. Приезжаем ночью, мряка, покрывало тьмы; три алкаша по дороге — и: спящий Храм. Проходим мимо, около трёх; Собор величественно присутствует тихим затаенным висением.

Поселяемся в плохой холодный готель со странным названием «Авианосец», видимо, посетители предполагаются самолетами. Холод. Спим во всей наличной одежде.

Утро.

Дождь.

Идём к Главному Храму: это чудо романо-готической архитектуры. Он уютно мощен снаружи; примечательны узорные врата — сама дверь чуть выше роста в фоне достаточно высоких ворот (ощущаешь спокойное умаление себя, когда входишь в святыню). Внутри Храм великолепен особым пустым висением ровной Белизны; мощные колонны напоминают Мон Сен Мишель.

День.

Ищем старую деревянную Церковь: капли дождя то превращаются в струи, то возвращаются к точечным ударам в броню одежды. Не находим.

Возвращаемся, кафе, чай — радуемся: просто, не просто, всему и измерению сих мест.

Идём в ангары и — тянет вправо: Церковь. Деревянная. Заходим. Священник: общаемся, он говорит, что Храм сей возведён в 1518 году. Он в форме креста. Возле — 14 Стоянок Крестного Пути. Мягкая упругая волна ложится на звезду межбровья...

Анна. Корень проявления Пресвятой Девы; узревается корневой смысл «хождения в Храмы».

Различимы:

1. Святость намоленного места: то есть форма Храма может быть никакой (например, барокко), но результаты духовного делания здесь, превратили сие здание в сакрум.

2. Святость формы: Готика, Романика (а также, все подобное — Каролингский стиль, Армянские, Грузинские и некоторые Византийские Храмы), большинство Деревянных Церквей, несут сакральность в самой своей Форме. И даже если они были осквернены, или линия Таинств в них прервана, все равно вышеупомянутая Святость, не взирая ни на что, остаётся. Это, их звучание в камне, кирпиче или в древе, провоцирует нашу Небесную Душу (ANIMA CELESTIS) на разворачивание Ее амплитуды. Без сего деяния, мы, как люди, не можем познать ни удоволетворенности, ни счастья, ни покоя.

   Форма таких Храмов напоминает нам нашу Горнюю Родину.

3. Ситуациия когда Храм свят своей Формой и ещё намолен, вообще идеальна.

Итак, паломничество к Храмам и Святым местам имеет своею целью активацию, уточнение и усиление активированной Уранической Души...

Ночь. Второй сон здесь — влажное утро. Едем: в село Озеряны, к Храму Святой Анны. Это кирпичная тевтонская Готика и Собор изобилует символами Делания.

Впервые вхожу внутрь, точнее, входим. Нас около двадцати двух, я захожу первым; в Соборе одинок священник и десяток бабок. Все выглядит довольно странно: мы по одному мягко и тихо проникаем в чрево Храмового Кита и это почти не кончается. Иерей толкает проповедь, его изумрудное облачение превратило в блестящего жука; бабки с удивлением взирают на нас. Садимся. Объединяемся с измерением: Храм снаружи — вознесён красным кирпичем, внутри — неожиданная легкая белизна и такие же воздушные ленты через весь неф. Он нежный и воспаренный, настоящее Диво.

По бортам — деревянные скульптуры Апостолов, Спасителя и Приснодевы; а также — опять же — 14 Стоянок Крестного Пути.

Почему-то воображение нескольких моих спутников (как выясняется после), рисует такую картину: этот Храм, поп и десяток бабок, и вот — один за одним в мрачно чистом молчании, заходят рыцари Тевтонского Ордена. Тихо позванивает оружие и шелестят плащи; эхо шагов. Бабкам, этим жрицам Гекаты, становится несколько неуютно.

Меч молитвы. Доспехи тишины. Конь — истинного устремления...

Два упомянутых Храма, в Чорткове и в селе Озеряны однозначно транслируют аспекты Авалона ни чем не хуже, чем корневые Соборы Франции. Контакт с ними изумляет; замечательно то, что их внутреннее убранство не испохаблено и звучит чистотою прозрачной аскетики...

Едем далее — Монастырек и древний пещерный Храм, икона Храма Гроба Господня. И опять — 14 крестов, эмблем Крестного Пути; уже третий раз за два дня.

Пожалуй, наиболее емко и откровенно, поведал правду жизни Храм в Озерянах. Волна, Меандр: линия Апостолов, Спасителя и Приснодевы; линия 14 Стоянок. Есть Линия Передачи Немирского Знания, будет вдохновение и поддержка, идущая от Неё; но — есть и обязательно будут Испытания и Ловушки дорожных демонов. Никогда здесь, в этом измерении, не будет только хорошо: сие соответствует Первой Благородной Истине Учения Будды. 14: Семерка — число максимума творческой активности; Двойка — «Врата Изиды», тайна, замыкание, пассив; отсюда 14 =7*2, то есть — двойная активность по сдерживанию проникновения в Тайну и Сокровенное...
14 Стоянок.

Говорили о многом: об осаде Родоса в 1480 году и чуде его спасения, когда и защитники, и даже их враги узрели светопроявления Приснодевы, Иоанна Крестителя и сонма Святых (об этом, например, можно прочитать в книге Десмонда Сьюарда «Монахи войны» на стр.263); об россыпи архэ Средних Веков; о Девяти Плодах Святого Духа...

Вечер радиировал уже привычной влагой. Поезд: как всегда мне прекрасно в нем спится. Миха показывает медальон Святого Бенедикта и книжицу объяснений к нему. Куплено в Чортковском Костёле. Мы восхищаемся, смотрим по ноту фильм о Старообрядцах и довольные растекаемся по полкам.

Сон. Мой ученик Степан Могила; мы радостно кувыркаемся с ним в коридоре школы. Потом я без усилий

взлетаю и летаю между ветвей деревьев. После — сажу Могилу к себе на спину и воспаряю с ним. Тяжелее, но все равно получается. Летаем немного. Ссаживаю его и уже вовсю наслаждаюсь полётами над школьным двором.

Просыпаюсь счастливым.

Город-герой Киев, как бы приехали. По крайней мере — на время.

Этот опус был щедр на разного рода знаки и отсылки. Некто Медведь принёс в шерсти песню ГрОб «Вечная вселенская Любовь» (уже позже разглядели биографию автора, этого мортира, и его могилу с Иерусалимским Крестом; а также, сакраментальную фразу «Хуй на все на это и в небо по трубе»)... Песня сия о Любви реально гениальна и в плоти своего сна несет чуть ли не передачу истинного состояния.

Куц привёл к фильму «Монах» (2011 г.). Весьма глубокое произведение, бросающее в своеобразное замешательство начала, Входных Врат, настоящего духовного Пути. Миха — как-то углядел в Храме Чорткова Медальон Святого Бенедикта, который никто из братьев и сестёр не заметил.

Бенедикт Нурсийский — читаю его Жизнеописание...

Оперативные загадки Пути: душа, наитие и разум под водительством Сердца, ищут ответы...

Уже понятно, что опус Пути, ежели идёшь искренне, провалить нельзя. ВСЕ РАВНО СДЕЛАЕШЬ ЛУЧШЕЕ, ЧТО ТОЛЬКО ВОЗМОЖНО В ЭТОЙ ЖИЗНЬ. Святые и демоны, благословления и испытания, взлеты-падения: все есть искусство возможного...

Конец октября. Особое зависание освобождения от разного рода упований; осени выдох; ковёр опавшей листвы...

Но не все так вот просто оканчивается в Опусе этом. Ещё. Х/ф Андре Дельво «Философский Камень» (1988).

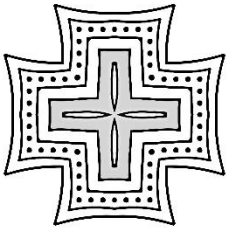
И если идеологема сего творения кое в чем вызывает вопросы, то душа, эстетика этого кино, практически безупречна; особенно — кадры с первым снегом.

Все более надвигаются войска ноября, неся в блеске своих лат первые конкретные приветы зимнего хлада. Все более ныряем внутрь. Все тише аккорды...

Тетива натянута, стрела знает куда лететь, скоро пальцы отпустят её птицу.

...Таки выпал первый снег. Дождь, постепенно отдал тяжесть, воздух и белизна вошли в его струи, мокрые снежинки впервые за осень сию касались лица.

Скоро зима: время сокрытия и особого отдохновения.



Заключение: Печать Везле

Ева — исток греха и смерти, канал грехопадения, «... в поте лица своего...», «...в муках детей рожать»...

Дева Мария — недостижимое сияние Сверх Святости, Та, кто зачала из Тайной причины в Тайне (непорочно) и «Бога родила»...

Меж ними — пропасть. Откровеннейший бинер, неснимаемое противоречие.

Рыцарство Авалона связано с решением этого бинера, не без участия Грааля.

Мария Магдалина — имя тернера.

Бывшая проституткой, омывшая стопы Спасителю; та, из которой Он изгнал семь бесов; присутствовавшая при Распятии; первая узревшая Воскресение Спасителя; предававшаяся аскезе на землях Франции...

Исходящая из Омеги и пришедшая в Альфу; Та, через которую Дух «дышит где хочет», тотально, находящаяся вне всех ограничений ordo ...

Та, измерение которой снимает проблему выбора 6 Старшего Аркана Таро и, собственно, превращает Рота в сущностные колебание Первозвука всеприсутствия Святости; Та — которая рассеяла «или-или» Пандемоса и Урануса.

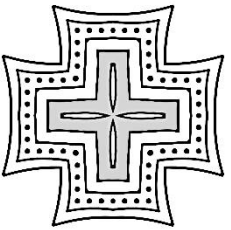
Она — не просто Альба; но — Альба зачинающегося Всезавершающего Рассвета...

Ее Мощи в Аббатстве Везле — в сокровенном сияющем Ларце снежно Белой Крипты.

Это: ПЕЧАТЬ.

А моя смиренная ПЕЧАТЬ такова:

- пусть, накопленное в этом Паломничестве Благо станет бесконечным и послужит причиной освобождения всех существ от всех видов страдания;
- пусть люди Франции и Европы узреют свой Корень — Авалон и вернутся духом и мыслями к Нему;
- пусть все убиенные на моей Родине обретут благое посмертие и новые освобождающие возможности в новых мирах;
- пусть прекратится насилие и война и пусть сила тратится на освобождающий Путь;
- пусть откроются глаза у тех, у кого закрыты и наполнятся светом сочувствия их Сердца;
- пусть все мы обретём мудрость, позволяющую идти прямым и Истинным Путём и пусть процветают и здравствуют все носители такой Мудрости.



Часть 4
Трактаты

ТРАКТАТ №1
РИТУАЛ «ТРЁХ ПРОХОДОВ»

Этот Священный Жест исходит из Нашего Трепета и духовного стремления за все ограничения в переходе всех Украин бытия.

Он является непротиворечивым объединением Циркуляции Нашей Любви в райских измерениях души и Стрелы Духа.

Подразумевает Три Печати:

- особую позицию неотвлеченного ума;
- особое состояние настроения и дыхания;
- особые жесты тела и взгляда.

Мы ничего не берём, мы ничего не выпрашиваем: мы выражаем Любовь и выходим за пределы любых понятий.

Мы с окончательной щедростью подносим свои три активности и узреваем Храм, как Жест Святых и Хранителей, идущий к нам с Их Мудростью сквозь тенета Пространства и Времени.

Наш Авалон, изливаемый Граалем, проявляется этими Храмами...

Мы подносим себя Им: и Двое становятся Одним ради Чуда Единого Дыхания: мы экстазируемся через Храм

в бесконечность Вечности и Простора всеобъятного;
и энтазируемся до горчичного зерна Мгновения
и исчезающей Точки.

Таково общее намерение.

Узор Ритуала:

Первая группа Жестов: «Три Прохода» —

1. «Коловращение Свастики противосолонь» — проход влево: символизирует возврат в апофатику Пустого Истока (Всеполная Чистота);
2. «Коловращение Свастики посолонь» — обратный проход: знак Всеизобильного Проявления (Всеполная Щедрость Нашей Любви);
3. «Полет Стрелы запредельного Духа» — прямой проход к Алтарю или к точке пересечения нефа и трансепта: Знак выхода за все Пределы.

Вторая группа Жестов: «Семь Стояний» —

1. Стояние Перед Храмом;
2. Стояние у Врат;
3. Стояние в заалтарном Полюсе («на Востоке проявляется Наш Север») во время прохода первой Свастики;
4. Стояние у Врат;
5. Стояние в Полюсе во время прохода второй Свастики;
6. Стояние у Врат;
7. Стояние в Священном Котле (перед Алтарём или в точке пересечения нефа и трансепта).

Третий Жест: «Возвращение в Миры» —

1. «Уходя со Звездной пылью Сокровенного Таинства»;
2. Посвящение Мудрости и Силы — Всем, Храму и Кругу.

Четвёртый Жест: «Свободное Плавание».

Движение прохода идёт плавно и без рывков; взгляд объемлет пространство; врата чувств открыты; внимание знаменует единство экстаза и энтаза.

Стояние подразумевает особое висение «между Небом и Землёй». Стопы параллельны, мы «сели на Трон Земли» и «воссоздали Золотую Нить связи верхней точки чела и Неба».

Стояние длится не мене трёх дыханий. Выполняется осознанное расслабленное и естественное пребывание с:

- короткой молитвой;
- или особым дыханием;
- или — просто в естественном пребывании без границ «себя» и «другого».

Посвящение — есть умножение обретенного Плода и его щедрое дарование всем в теле намерения.

«Свободное Плавание» — общение со Святыней в режиме «как хочется», но без нарушения контекста Трепета Священного уважения.

Ритуал «Трёх Проходов» не догма — он может быть адаптирован под разные обстоятельства.

Да будет Благо!

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ.

ТРАКТАТ №2
ORSA

Сие оперативное имя знаменует некие вектора и стрелы устремлений.

«O» — это охват, обнимание собою всего и вся; растительный орнамент пробужденной акватики души; особая Вода; знамение чистого и совершенного покоя; белая прозрачность нейтральности...

«A» — звук Истины; посредством и через него все стало быть; причина «O»; откуда все исходит и куда возвращается...

Пожалуй, «O» — синее, а «A» — белое; хотя сие может и изменяться...

«R» — знак Нашего Огня. Рычание Темноты и Звон Белизны; песня Хвоста Павлина; радость шепчущих Сумерек...

«AR» — Исходящий Тайный Огонь; «RA» — Тайный Огонь на пути к Истоку; вместе — две Свастики Тайного Огня...

«OR» и «RO» — Огни Особые в подобной векторности...

«S» — и часть, и тень Циркуляции Восьмерки; и Змей — «бытие Центра через Волну»; и — «обладающий ядом/лекарством»; и страсти, и мудрость; и правота гордыни и — просто «здесь-присутствие»; и одно из главных препятствий, и один из основных ускорителей Пути...

«ORA» — как бы молитва, от Особых Огней к Тайному; а «S» — то, чего избегают (но: то, с чем рано или поздно придётся объединяться и то, что определяет тебя как Воина). Если «ORA» — молитва и «лабораторное защищённое Делание» (условно — «Монах»), то «S» — быт и проверка всего жизнью...

Тогда «ORSA» — Знание.

«ORSA» указует на Медведицу, Ковш, принимающий Звёздный Нектар Нашего Севера...

Она же — Храмы Нашего Авалона.

ТРАКТАТ №3
ИГЛА ЭЙФЕЛЕВОЙ БАШНИ СТРЕМИТСЯ ВПРЫСНУТЬ В НЕБО МЕТАЛЛ НИЖНИХ МИРОВ...

В пространстве тотального расслабления и распахнутости нечего терять.

Как, впрочем, и нечего обретать.

Все совершенно и так.

Все полно и одновременно пусто само собою и пребывает в неизрекаемой Простоте.

В неизрекаемой Чистоте.

Однако, возможно, не стоит путать Абсолютное с Относительным.

Ибо, если Первое — Совершенная Сфера; то Второе — Пирамида и веер ее теней.

И в измерении Пирамиды, в отличие от Сферы, присутствуют относительные добро и зло (как репрезентанты Верха и Низа), которые, тем не менее, для

существ подлунного мира весьма конкретны
и судьбоносны.

Ах, Париж...

Пуп определенного пространства, пульсовая точка важной артерии нашего измерения.

Сколько всего связано с именем этим!

Значит: как важно субтильное звучание Града сего...

Так называемые «достопримечательности» — есть предлагаемые объемы концентрации внимания и вопрошания, как бы представляющие сущностные смыслы-состояния конкретного места; как бы некие «центры мандал» (если под «мандалой» понимать организованное по определенным пропорциональным лучам Смысла, пространство).

И по факту, часто, поездка в другую страну состоит из скольжения вдоль силовых линий состояний-смыслов (то есть — божеств) с возможной разной степенью погружения в «колодцы умного чувствования и сердечного понимания».

Итак: вводим в ГУГЛ или спрашиваем кого про главную достопримечательность главного города Франции.

Ответ, почти всегда:

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ.

И здесь мы попадаем в самую пучину оперативной Магии и точек ее сопряжения с культурой и попсой.

Именно через точки сии и происходит передача управления от Хозяина инвольтаций его жертвам.

Ничто, тем более дорогостоящее, не строится просто так.

И Эйфелева Башня тому яркое подтверждение.

Построена она в 1889 году под руководством Гюстава Эйфеля.

До этого года Смысловым, Сакральным и презентационным Центром Парижа, безусловно был Храм Нотр Дам де Пари.

Храм Богоматери.

Храм — с множеством алхимических аллегорий...

Сейчас Эйфелева Башня — самая посещаемая платная достопримечательность в мире; от момента создания до 31.12.2007 года её посетили 236 445 812 человек!!!

Она, с точки зрения параметра Количества, сегодня, безусловный Центр Парижа.

Попробуем, в первом приближении, вскрыть пласт смыслов и значений этого коллоса.

ЗАПАД: если Нотр Дам в центре города, то Башня — на Западе.

Запад — направление угасания и смерти, а также: маркер доминантной цивилизации.

Интересно и то, что Эйфель, принимал участие в создании дара Франции США, Статуи Свободы (1885 год).

Упомянутая Статуя примечательна сама по себе и полна множества магических коннотаций.

Так, она из Меди.

Это Металл Венеры.

Башня, мало того, что из Железа, она ещё и находится на Марсовом Поле.

Марс, как известно, как раз соответствует Железу.

Более того: Венера тянется к Марсу и наоборот.

Видим силовую линию, натянутую между главными символами США и Франции, при явной парадигмальной доминации первых: вот, в том числе, почему Башня на Западе Парижа.

Более того: в самом Париже есть ещё четыре уменьшенных копии Статуи Свободы (символ Свободы, кстати, весьма своеобразный: Женщина — что, в том числе, прозрачно намекает на её матриархальное прочтение); и сие указывает: квинтэссенция, Пятая, основная, на Западе, за океаном, а Башня — своеобразный Луч...

Есть всего несколько мест в столице Франции откуда не видно эту Башню: то есть она — безусловная доминанта Формы.

Заслуживает внимания и ОСОБЫЙ ТИТУЛ Башни: «ЖЕЛЕЗНАЯ ДАМА», видимо — откровенная антитеза и «Нашей Дамы» алхимиков, и Пречистой Дамы, Девы, христиан.

Не следует забывать, что Железо связано с Марсом, — а значит: с насилием, гнетом и войной.

Примечательны некие совпадения, связанные с числом 300.

Так, сам Эйфель называл свое создание «300-метровой Башней».

Её возводили 300 рабочих.

Но самое интересное: в 1887 году 300 писателей и художников (в их числе — Дюма-сын, Ги де Мопассан, композитор Шарль Гуно) подали в муниципалитет протест против возведения такой безвкусно уродливой конструкции, которая своей доминацией высоты перекроет «звучание» старого культурного Парижа.

Что и случилось позднее...

ФОРМА БАШНИ по сути несет в себе идею ПИРАМИДЫ и, конечно же, гнета, вкупе с эксплуатацией, которые всегда связаны с одним из полей смысла этой геометрической фигуры.

Но здесь мы зрим не просто Пирамиду, а Пирамиду с удлиненным протуберанцем Железа вверх, по направлению к Небу; что весьма прозрачно намекает на архетип, репрезентируемый и Ракетой: «Штурм горних Миров», «Месть и прорыв Титанов».

Впрочем, Башня сия прекрасно иллюстрирует и предостережение Рене Генона, что «Яйцу Мира, закупоренному со всех сторон» времени Науки и Модерна, придет на смену «Яйцо Мира открытое Вниз, в Ады» (эпоха постмодерна с её откровенно инфернальной манифестацией).

Последнее обстоятельство вполне резонирует западному направлению...

НАПОЛНЕНИЕ: на Башне — несколько ресторанов, обсерватория и был кабинет физических наблюдений.

Часовен, молитвенных комнат, священных символов и тому подобного не наблюдается вовсе.

То есть: над Парижем, выше всего, вознесены такие «божества» — «Наука» (обсерватория) и «Потребительское развлечение в виде жратвы и понта» (рестораны).

Как говорится: все очевидно.

Не очевидно вот что:

72 ИМЕНИ.

На Эйфелевой Башне начертаны в начале двадцатого века имена 72 ученых, причем, физиков, инженеров, физиологов, химиков и математиков; нет ни одного имени гуманитария.

При этом, число 72 весьма непростое и напрямую связано с Каббалой.

В частности: «72 Имени Бога», «72 имени духов», являют собою как бы катафатическую «радугу свойств» Божества.

Очевиден посыл творения Эйфеля и начертанных на нем букв: 72 имени ученых, этих «жрецов бездушной Науки»,

по идее, как бы «держат» общий контур «божества» Науки, которая дерзко штурмует Небо в своем безбожном, титаническом, порыве.

В Старших Арканах Таро есть 16 Аркан: «Башня»; он, в том числе, прямо связан с церемониальной магией и принуждением сущностей тонких миров.

«Башня» — Архэ, противоположное другим Началам этого же горизонта архетипов: «Древу», «Дождю» и «Снегу».

В частности «Древо» символизирует естественное восхождение Вверх, а также — плодоношение и может быть, также, соотнесено с молитвенным Деланием или Вопрошанием, как таковым.

«Дождь» — благодатный ответ, имеющий силу очищения судьбы адепта.

«Снег»: нисхождение субтильной Белизны...

Похоже, «Башня» может быть спасена от черномагических связей только Священным символом на шпиле или на крыше.

Крест, «Золотой петушок» неподвижного изотропного висения духа...

На Эйфелевой Башне мы не заметим ничего такого, что как бы намекает...

Более того, весьма красноречив и такой известный архетип: «Вавилонская Башня» вкупе со всем своим полем коннотаций...

Конечно же, в такой короткой статье невозможно глубоко и детально описать столь объемную тему.

Но даже озвученного вполне достаточно дабы, будучи в Париже, хорошо подумать стоит ли совершать дар своих усилий и внимания, восходя на хладную плоть «Железной дамы».

Или, быть может, все же содержательнее (да и безопаснее для собственной души), минуя уродливую

форму Башни, через благодатные Врата Нотр Дам и Сент Шапель, войти в удивительное созвездие французской Романики и Готики.

ТРАКТАТ №4
СВЯТОЙ С ОТСЕЧЁННОЙ ВЕРХУШКОЙ ЧЕРЕПА

...Как нам вроде бы известно, Святому Дени на Монмартре была обрублена голова и он с нею в руках прошёл ещё довольно много; также — есть описания множества случаев усекновения голов мортирам; можно вспомнить Иоанна Предтечу...

Однако: см., например, изображение Святых Дионисия и Пиатуса на листе 84 v (французская иллюминированная рукопись (создана 1280-1290 гг.) «Образы из жизни Христа и Святых») — мы видим, что эти Святые держат в руках не отсечённые головы, а именно верхушки черепа. Странно...

И тем не менее ответ имеется.

Вот он: коротко — «доЧь» (расшифровка данного аркана точно укажет на то, где искать и этим сказано достаточно).

А пока что — некие расклады: при их внимательном изучении тоже можно понять очень многое...

Корень эго, гордыни — оперативное ощущение себя сгущённостью. Самое плотное в теле — кости; а эссенции костей две — череп и большеберцовые кости («череп и кости»); кроме того — остаются своеобразным якорем именно кости (сильную ведьму сжигали, собственно, чтобы не осталось и костей, то есть — медиаторов ее мощи...).

Тройка сущностных струн: кости, семя и кровь (в другом прочтении: Кости, Семя и Кровь).

Если сгущённость сжать в нечто одно получим череп. «Голгофа», кстати, «Череп» (а на латыни — calvaria).

Кроме всего, голова — это узел органов чувств: два глаза, два уха, две ноздри, рот: язык, губы и зубы (тоже два: мягкое и жёсткое).

Органы чувств связаны с движением — потому, голова, «обод колеса» (ее противовес симметричный — половые органы). А вот Ось — Сердце, ибо центр.

Умствования и похоть — два полюса в упомянутом колесе; животное и социальное...

Голова — своеобразный корень эго.

Множественность, отвлечения, эго — Квадрат.

Единство — Круг.

Как решить эту Квадратуру Круга?

Мирное, спокойное, решение. Эссенция всех чувств — зрение: глаз Солнца и око Луны.

Эссенция зрения — Звезда. Пресловутый «третий глаз»...

Гневное, интенсивное: двойственное кипение приходит где-то в уровень чуть выше глаз. Отсечение: освобождает и возвращает в безыскусность Пустоты; а — крышка черепа: Чаша (тень архэ Грааля — и в ней закипит всеми сияниями Амброзия).

Единство Пустоты и Амброзии прямо указует на Славу Господню и на Его Ужас.

Кстати, Распятый попирает Череп и Кости — не совсем сие символ смерти...

И: без головы, точнее — без ее верхушки, ещё лучше чем с нею.

Похоже: усекновение головы — это особая Формула стяжания Святости.

Особая редукция до особого Пепла...

Из него, возможно, восстаёт особая Диадема Короля.

А теперь: о другом.

Мученичество. Смысл и его отсутствие — как разобраться, что зря, а что нет?

Как узреть чертоги фатальной ошибки?

Довольно примитивный х/ф «Мгла» (2007), но — конкретика пронзительного финала.

Иди до конца. Борись, пока есть малейшая возможность.

Да: все мы в Лабиринте. И он жесток. Многих, не понявших сие, наивно верящих в фату моргану иллюзий, уже нет. И их телами уложена дорога для новых убиваемых. Дичайшее смешение, соседство «в одном флаконе» несовместимого, царство трагического абсурда.

Украина смысла, направления и позволения...

В чем же изволение выхода?

Как распределены тела и души, куда их и когда унесут?

Молчание.

Закрытый Череп.

Чаша запечатанная отчаянием всех не тех ответов.

Закрытая консервная банка — и если не ты, то тебе ее таки вскроют.

Нет, я ни в коем случае не ратую за самоубийство.

Я говорю о самоубийстве своего же самоубийства.

Похоже: сейчас — это только Входные ВОРОТА Пути.

А Кузьму жалко. Очень...

Хоть и добрый, но: наивный.

Он, видимо, не осознал — все ещё хуже, чем его представления на темы сии. И: к сожалению, он не тянул на шизика, плюс — какая-никакая известность; да ещё точка бифуркации...

И входили мы в палату номер Семь: Шестая — не то; она — чёт, а в нем нет искомой динамики. Девятая же — чрезмерно близка таинству Перехода...

И читали мы Книги; понимали, однако, не многое.

И, порою, вспоминали мы доспехи и холодный рассвет Грюнвальда; не хватало вот только монеты последней (ибо капля сейчас уже не решает ничего). И калили мы меч в гавани встреч: прощания, расставания, обнимания...

Ведь безумие и его бог — только для вас.

Пидорас: новое действующее лицо и ртуть градусника апокалипсиса.

Мы же прощали (и даже благоволили) лесбиянкам: этим девам с острова тихого.

Ибо: знали секрет различения.

Неотвлечение; и — шаг за шагом; в боевом искусстве самые эффективные техники профану кажутся самыми нелепыми. Настоящая сила часто выглядит как слабость.

Такая малость: излить черное на белое.

Краснота: не всегда кровь и не всегда на первом снегу...

Брезжит рассвет.

Почему такой странный финал у столь ясной книги?

Ну, вы же хотели, как всегда опрометчиво, узнать правду.

Вот тебе и букет Чёрных Роз, держи.

А то прикольно только читать про отсечение голов и их частей.

Вход в Авалон через тернии Лабиринта: добро пожаловать.

ТРАКТАТ №5
ТЕРРИТОРИЯ И ТРАЕКТОРИЯ

Страна.

Вечный Сентябрь и поиск Авалона, Корень Грааля — вот исходный запрос наших координат.

Линия Передачи истинного Рыцарского Опуса: Время и Пространство.

Отсюда: узоры пилигримажа.

Пока что дело обстоит приблизительно так:

Север Франции — Исток. Белые Храмы.

Париж — точка входа и выхода в Циркуляцию Паломничества. Вся Франция...

Однако: зверь Революции, дракон поедающий — пилигрим должен суметь узреть и победить его.
Не поддаться тенетам лживого яда. В Париже и во всей Франции завеса сия мультиплицируется от Эйфелевой Башни.

Юг Франции создаёт динамику дыхания...

В какой-то мере Авалон связан с измерением Европы.

Понятно, что ее край — Польша.

Украина — «ни там, ни тут» и в этом смысле она симметрична Португалии.

Последняя — Врата Запада: во многом сохранила то, что потеряла Франция. Салазар — недавнее чудо-тень мира Традиции.

По всей видимости, Англия, все же вторична и дочерня Франции. Испания важна своим Огнём, однако важно не пережечь здесь опус и не взять лишку...

Германия, в главную очередь,- Корень Тевтонии.
А последняя — Орденштат, государство Тевтонского Ордена: мощнейшее созвездие Второго Авалона с акцентом на Наш Север (Германия, север Польши, Пруссия, Прибалтика — как-то так разбросаны сии астры). При этом дух Польши во многом антагонист им...

В Италии уж очень силён и нарастает Юг...

Пожалуй, центра, все же два: Первичный — Франция, вторичная волна — Германия (в смысле, Тевтония). Португалия — особый Хранитель Авалона Светлого Прощания (Авалона Синей Розы).

Странно, однако, Украина — то же Ключ к двери Белого Авалона. Похоже, именно отсюда, по принципу контраста, вход наиболее прям и ясен.

Конечно — Святая Земля. Иерусалим и так далее...

Скандинавия несёт нечто Северное, но вряд ли интересующая нас концентрация там имеет место быть, чего не скажешь об Ирландии...

Безусловно, Чехия, Румыния, Венгрия и их соседи также имеют нечто, однако, пока что все это довольно вторично касательно поиска медиаторов Авалона.

Родос и Мальта, пожалуй, созвучны и соотносимы с мощью следа Белой Земли в Германии.

В Украине — вне сомнений — вход: Львов.

Очень интересны Луцкий Замок и Каменец-Хотин. Хотя, первый, более прямой и сильный медиатор.

Довольно много камертонов в Тернопольской области. Все это, в большей мере, отзвуки Тевтонии, пришедшие через Польшу.

Все же: Львов и Луцкая Крепость.

Во Львове — врата в Авалон: Армянский Храм и Монастырь на улице Снежной...

Наверное, лучше постоянно не жить в такого рода местах, а посещать их в формулах пилигримажа, пусть и довольно часто.

Во Франции предельно важны: Париж (включая Сен Дени), Шартр, Труа, Везле, Мон Сен Мишель (включая Авранш), Реймс...

В Португалии — Томар и Баталья...

Одна из точек схождения Тевтонии и Франции — Мец и Страсбург...

Юг Франции, в частности Башня каркассонского Храма, позволяют увязывать по контрасту, однако: внутри мета измерения...

Все это, пока что, только первый шаг.

Не исключены поражающие новые открытия реперных точек Нашего Авалона.

Империя Вечного Сентября проявляется...

И ещё. Пространство.

Тогда и сейчас — разные осевые точки отсчёта в формуле «пространство-время» и потому вроде бы расстояния одни и те же, но — всецело отличаются.

Я говорю о технике.

В средневековье: ходьба и конная езда определяли ощущение расстояния. Не было ни поездов, ни авто, ни самолетов. Они ходили в другом и по-другому чем мы; у них не было опыта разрыва таких чувствований; путь был соизмерен телу, а система счислений-измерений танцевала от связки животной и разумной душ, их естественных функций. Оперативное тело было кардинально иным...

Одним из значимых аспектов эталонного оперативного тела являлась Корона.

Она: восходящий аспект — субъектный синий Пламень носителя Тайного Огня как оперативность непрерывной сущностный молитвы и волевого права на исконный Жест («Небесное право Короля»); нисходящий — Чаша, принимающая Мудрость и благословение Линии Передачи.

Два встречных потока Тайного Огня определяли возможность Власти от Бога и трансляцию Логоса Спасения в общество...

В измерении рукопашного боя одним из сущностных жестов является удар в пах. Многие оспаривают его эффективность, а зря. Действительно, таким воздействием практически невозможно закончить бой, но оно незаменимо в контексте перелома хода поединка и перехвата инициативы в нем.

После удара в пах (а такого рода удары весьма специфичны и почти никогда (в случае ног) не идут по прямой траектории; бьются подносочником и никогда — подъёмом стопы; руками — ладонями, кулаком, «лапой леопарда») враг открывается и теряет контроль над центральными вратами.

Так удар в пах расчищает дорогу:

- ударам в затылок (нокаут или смерть);
- ударам в трахею (то же);
- ударам в нокаутирующие точки челюсти;

- после него, при соответствующем навыке, довольно удобно свернуть шейные позвонки:
- расслабляются руки и проще сломать пальцы, кисть или локоть;
- можно нанести мощные удары коленом или локтем в точки головы или шеи;
- останавливается таз, а значит — центр тяжести тела врага, значит — в целом стопорится атакующее тело, его разгон...

Удар в пах — не самоцель; но без него — никак. «Все во всем». Авалон не самоцель...

Но...

Итак: Львов.

Завершение этих Циркуляций.

Есть в граде том особое тихое, особой тишиною, место. Улица — белее Снега. И — маленький Готический Храм. Дворик с песочницей. И — в полёте стрелы: монастырь (его двор всегда усыпан первым, свеже выпавшим, снегом). Романский: там тихие Девы шелестят свои белые молитвы...

Недалёко — ещё один малый Готический Храм, по диагонали от него — Храм Святого Лазаря (Романский, кстати). Подле — две самые старые статуи Львов со щитами геральдическими. Мало кто зрит сие Наше Созвездие...

В нем вызревает Мистерия обретения Короны синего Пламени.

Она в своё время восстаёт из мельчайшего Пепла.

Заключительная ПЕЧАТЬ:

Пусть самые Высокие Цели и Смыслы проявятся без усилий Твоею самоестественной Простотой.

ТРАКТАТ №6
ПРОБЛЕМА КУПОЛА — ОЧЕРК О ЛОЖНОЙ ФИКСАЦИИ ДУХОВНОЙ ГОРДЫНИ

Измерение Авалона, то есть — корня исконного Рыцарства, все более сущностно уточняется. Все более ясно проявляются его базовые точки отсчёта.

В этой небольшой статье, в частности, речь пойдёт о Куполе — как о важной реплике Священного языка форм; в смысле его наполнения особыми Логосами, относительно архэ Белого Царства; и о том — что со всем этим связано в конкретике оперативной Работы.

Однако, прежде чем погрузиться в тему сию, пару слов о базовые телах: Времени и Пространстве, к которым, так или иначе, все рано или поздно сводится.

И здесь существует два отличных сущностных взгляда:

Первичность Времени предполагает приоритет распознавания в таковом диапазоне: ценное и более важное для помещения туда доминант внимания либо то, что древнее («чем древнее — тем истиннее»); либо новейшее (идея «прогресса»)...

Первичность аспекта Пространства: важно не время создания архитектурного артефакта, а суть свойств и Логоса его Формы (а она, через Меру, отражает и ряд состояний, и ряд Смыслов, и ряд определённых Векторов). И в таком угле воззрения, разного рода архитектурные Формы не равноценны: созвучные, избранным совокупностям векторов Пути Авалона и Грааля — распознаются Священными и направляющими; утилитарные — не определяются архитектурой вовсе (поскольку, «утилитарность» совершенно чужда нашим воззрениям и приложима разве что к роботичному способу отмотать срок на зоне существования); архитектурные артефакты не созвучные нашим тропам — для нас они либо ошибки, либо — вражеские инспирации (то есть

мы не приемлем принцип толерантности в такого рода исследовании).

С моей (хотя, что вы поймёте под этим моим «я» и производным от него «моей»?) точки зрения, архитектура, впрочем, как и все остальное, не самоценна — она лишь «перст указующий», метафорическая (хотя и наполненная особой Силой) реплика; и мы, далее, будем созерцать вопрос Купола в аспекте первичности Пространства, а не Времени (пусть, даже, такой его сверх качественной формы, как Вечность...).

Акт симпатии создаёт канал, Циркуляцию (!) Смыслов, Пневм и единиц Логоса между теми, кого и что связала сия цепь. Другими словами вы, например, любя Романику и восторгаясь ею, как бы вдыхаете в неё некую особую оперативность собственной жизни, а она в вас — излучает разноуровневые семена и эйдосы Того, что стоит за нею.

Потому — определиться по отношению к «архитектурному стилю» — во многом означает определить собственную судьбу жизни и, возможно, посмертия...

Мы во Львове.

Сегодня едем в Жовкву и там я созерцаю страннейший Храм Святого Лаврентия: готический крест нефа и трансепта; такого же рода взмывание ввысь; рыцарский пояс нетривиальных фигур и — в сакруме пересечения: купол. Большой купол.

Вот тут-то и стало понятно: очертания, наконец, проступили с необходимой ясностью.

Формула Готического (да и Романского) Храма не приемлет Купол. А значит — купол не входит в поддержание измерения Нашего Авалона и Грааля: смысл его Формы (вопреки первичным и поверхностным культурно-философским спекуляциям) не сакрален. Ведь

готическое и доготическое Средневековье практически не знает купола — и на это есть очень веская причина.

Итак — Купол. Практически, мало используем в Древней Греции.

База подлунного его бытия — в Риме; оттуда — в Византию (возможно: из Византии — на арабский Восток (однако, непременно заметим — Купол в Исламе совсем иное, чем в западной ойкумене и здесь этой темы мы касаться не будем)); оттуда — на Русь. Луковицы множества православных Церквей — из этой же оперы. Интересно, что купол имеет место находиться и в Индии...

В Европе купол вновь появляется в эпоху Ренессанса и, похоже, первый серьезный жест на эту тему — творение Филлипо Брунеллеске, Санта-Мария-дель-Фьоре (1436 г., Флоренция). Он умудряется на готическую основу водрузить купол (сие событие, даже учеными от архитектуры, берётся за точку финала Готики и начала «эпохи Возрождения»); происходит смена парадигм.

Там, где Истина и Бог в центре всегда свежего бытия — не знают Купола и барокко; там, где ставят в фокус какой-то непонятный «гуманизм» — отвергают Храмы витражей и священных сумерек.

Авалон уходит в сокрытие...

Профессор, граф Орса Каритас (Orsa Caritas), после некоего Посвящения, полученного через ORSA CENTRUM, так определяет сию тему Купола, коротко суммируя полученный опыт:

«Ура, теперь я знаю, почему мне никогда не нравились византийские Храмы. Купол здесь ощущается акцентуацией демиургии: охват и закрытие пространства. Храм начинает ощущаться банкой. Может поэтому имеет такой эффект на прихожан — превращается в разновидность ритуала, дарующего иллюзию гарантий.

И часто по ощущению византийские Храмы одинаковые снаружи и внутри. Не зря в народном „творчестве“ неявно акцентируется контраст — „Золотые купола, ветер северный...“. Не несут в себе осевого посыла вечной северной свежести и без него замыкаются сами на себе».

Позволю себе немного объяснить нюансы и детали этой, в общем-то сущностной, реплики-резюме.

Умозрительно, самая совершенная форма в трёх измерениях — Шар; и Купол, хотя и не вполне она, тем не менее конкретно апеллирует к ней, как бы «опуская небеса» (чуть ли не «Царство Небесное») в измерение Храма...

Вроде бы — а что здесь плохо?

Ответ конкретен: плохо все.

Лучше — вообще только указывать на Направление к Истине (что и делает сакрум Романо-Готики), чем пытаться поймать уродливым стоп-кадром как бы саму Истину. Ловиться не Истина, но ее лже-икона: Купол — это все же ЧАСТЬ Сферы (то есть уже не архэ-отражение Бога в языке геометрии); оперативная достаточность образа-намёка на Истину не удовлетворяется трёхмерной манифестацией. Как минимум — она есть «Мир закипающих Сфер». Сферы спонтанно самопроявляются в любой точке; более того — каждая Сфера одновременно дышит экстазом и энтазом, ужимаясь в исчезающую точку и расширяясь до невообразимого всеохвата; Сферы взаимопроникают и одновременно являют собою мета вибрацию Сверх Сферы... Для удобства и шифра такое описывается просто как Сфера (эта Сфера трёх измерений есть «мертвая вода» по отношению к «живой воде» оперативных необходимостей Священного Шара).

Говоря проще — буквально и по подобию выразить Сферу как символ Истины, как перст, указующий на Неё, в пространстве архитектуры технически невозможно.

Возможно создать только претенциозный симулякр. Чем и является Купол в контексте архитектуры Западной ойкумены. Его распространение знаменует утрату Священного чутья и есть диагноз все более проявляющегося материализма и воззрений сгущённости, а также — примитивного буквализма только умственных спекуляций.

Квадратура Круга — это священная загадка, базовый Аркан, Делания.

Применение Купола как бы заявляет ее решение в качестве наличной данности.

Однако, сей Аркан нельзя решить. Его можно (и нужно) ПРОДОЛЖАТЬ РЕШАТЬ. А для этого необходимо гореть непрерывно Особыми и Тайными Огнями. Они сжигают фату моргану иллюзий и открывают доступ в Царство Истины (если угодно: «сжигают негативную карму»).

Именно такую метафору и Инспирацию транслируют Храмы Нашего Авалона — Готические и Романские.

И их основная Форма перехода из Квадрата в Круг — Трикута, динамика Священного Пламени...

Шар здесь имеется в виду только в оперативности «живой воды», о чем речь шла выше.

Нет никакой возможности указать на Плод решения сего Аркана через водружение Купола.

Купол — ограниченная модель разума, его убогая попытка схватить Истину и свести ее к геометрии Шара «мертвой воды»; жест гордыни, «хватающей Бога за бороду» и ложно приватизирующий Всеполное Совершенство...

Потому-то Наш Авалон не знает Купола.

Львов, его всеми любимый центр, никакой не средневековый город. Нашего пресветлого Средневековья во Львове исчезающе мало. Зато: много куполов.

Белый Авалон разбрызган островками, осколками по телу града Льва.

Возможно, один из осевых таких обломков — ось улицы Снежной, соединяющей Храм Альбы (Марії Сніжної) и Женский Монастырь в полёте стрелы от него...

Пример Латинской Катедры (Собор возле Каплиці Боімів) показывает как же калечит Готику всецело чуждая ей Форма: трансепты данного Храма зализаны и погашены двумя Куполами. И экстерьер уже не прожигает души до метафизического и трансцендентного рывка. Люди, сами того не ведая, входят в сговор с Демиургом. Становятся преступно вялыми.

Рабами.

Романика, в том числе, представляет собою изотропный Огонь Апофатики.

Готика — дифференцированное Пламя щедрости Проявления.

Оба Полыхания инспирируют и провоцируют душу разорвать цепи инерции мертвенного покоя вялого бытия и восстать Воином.

Рыцарем.

Королем...

Раскрыть в себе трансцендентный Компас: его стрела беспощадно, однако — за пределами подвига и его отсутствия, без какого-либо пафоса, ВСЕГДА указует на Наш Север.

Сказанного уже достаточно.

Могущий «войти в Наши Сады» при исследовании сего небольшого Опуса, обретает ещё один важный Ключ.

Он имеет возможность жить свежим дыханием Истины, а не довольствоваться Ее искаженными и частичными копиями.

Видимо, сие — неотъемлемая часть стяжания Белого Авалона, изливаемого из Запредельной Чистоты Чаши.

Чаши Грааля...

А Купол...
Чём-то он очень похож на саркофаг.
Звезда Полынь... защитит ли он от ее смертоносных лучей?
Или, наоборот: притянет их и сконцентрирует, как линза?!

ТРАКТАТ №7
КОНТРФОРСЫ И АРКБУТАНЫ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

Наше Огненное Безумие связано с аспектом интенсивности Нашей Любви и оно сжигает слизь культурно-социального лицемерия, этого страшнейшего безумия гордыни.

Куст Чёрных Роз горит Красным Пламенем особой святости и соединяется, на первый взгляд, несоединимое.

Нормальный, среднестатистический гражданин, а ещё, не дай Бог (как ему самому кажется — верующий) — страшное, ужасное существо. Совершая «добрые» и «правильные» поступки оно ещё более усиливает ложную фиксацию кисельного льда.

Юродивый — кислота, которая беспощадно мучает металлы, отделяя от них грязные примеси...

Натянута струна священная: Отшельник — Юродивый (первый — молится за единство в одиночестве, второй — в гуще, в самой концентрации человеческого дерьма); но они оба — едины в состоянии колков гитары Катехона...

Город-герой Москва.
Площадь Красная видна... и на ней — Храм.
Страннейшее, очень ПРИТОРНОЕ сооружение.

Почему-то все считают Храм Василия Блаженного красивым...

Меж тем, Он — апофеоз уродства. Но.

Уродства Священного — то есть: Юродства; отсюда и название.

Сие сакральное сооружение есть воплощение Циркуляции безумия и гордыни (потому так много куполов и так кричаще агрессивно разбросаны цвета), однако — накал сего круговращения настолько интенсивный, что сгорает тщета, пожираемая сама собою.

Собор Василия Блаженного — это Змея, кусающая себя за Хвост (Храм сей буквально перенасыщен ее ядом) и редуцирующая себя в своём же Пламени до воды Пепла.

Обнаружится ли там Диадема Короля и мультиплицируется ли она Фениксом? — сие зависит от градуса оперативного безумия. Но: предельно важно следующее — распределить в ладу правильного Постижения Аркана сего Горящего Тотальным Безумием Собора, может только очень распахнутая душа (аспект Пространства должен быть просто огромным (иначе, безумие будет не священным, а клиническим)).

Итак: Храм Василия Блаженного не красивый. Он — у/ю-родивый: оперативность первой буквы зависит от накала трансцендентного импульса духа.

И по этой причине, как это ни странно, данный Собор — одна из точек опорных Нашего Авалона.

Он — Факел отсечённой вершины Черепа и его Купола обёрнуты не к прославлению Бога, но есть зеркало абсурда ваших амбиций и всего конгломерата идиотизма вашего же эго, а также — бездны фальши и лицемерия, покрывающих все это.

Пылающий Василий прямо и конкретно ставит крест на ваших детях, семье и карьере. Он ставит крест на всей России и указует путь только к Беловодью Китежа.

Василий Блаженный — контрфорс вашего уродского общества. Он — друг Воланда и его Свиты.

Как-то в своё время говаривал такое Саня де Крус (друг Васи Блаженного (кстати, а почему так фамильярно? — ответ: по имени обращаемся к друзьям, к близким; когда в друзьях Святые — это, наверное, замечательно (впрочем, в том числе — ужасно))).

«Ваш бог — это Сатана, причём: даже не Сиятельный Князь, а его симулякр в виде Демиурга. Вы и молитесь ему, как на базаре: выпрашивая желаемое и прося уберечь от злого.

Вам и дают...

Но: и берут.

Цену страшную.

Истинный Бог проявится, когда умрет этот».

Приблизительный вольный пересказ.

Контрфорсы и аркбутаны присутствуют, практически, только в Готике и в Романике; то есть они напрямую связаны с Белым Царством.

Их букет в архитектуре — есть одна из проекций решения Квадратуры Круга.

Вот стена (метафорично — Наличие (а Ниша в ней — Присутствие)). Стена: икона архэ Покровы; мембрана между измерениями; ее высота — символ рывка духа за Пределы пределов (сие в Романике, как контрфорс, обеспечивающий нужную удалённость кровли от плена земли); и — когда прорезана огромными окнами (под витражи), в Готике — требует особых нетривиальных уберегающих от падения, опор.

На стену разрушающе воздействует ее вес и вес кровли...

Линия Силы: искусство решить вопрос — это МАСТЕРСТВО ОТВЕТА В ДРУГОЙ ПЛОСКОСТИ.

ВОПРОС В ТОЙ ЖЕ ПЛОСКОСТИ РЕШАЕТСЯ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ КОЛИЧЕСТВО, а значит — сие LABOR — и потому Тщета.

Если мы решаем в объёме OPUS — то всегда идём через Качество (а это, оперативно, значит решить ещё одну Квадратуру Круга и связано сие с вдохновением, Инспирацией и Мистическим Опытом).

Контрфорс — Ключ.

Берём фанерку тонкую — ударяя в ее плоскость, в середину, легко ломаем. А теперь попробуйте ту же фанерку ударить перпендикулярно в ребро...

Удар плоскостью штахеты от забора нанесёт легкий ушиб; если же рубануть ее концом, ребром и точно в цель — можно убить.

Меч: Мистерия Лезвия и Клинка.

Контрфорсы так играют с плоскостью стены, позволяя ей более полно молиться Небу.

Аркбутан — воплощает Принцип Воздуха в пространстве идеи контрфорса и похож на принцип дола меча (его часто ошибочно нарекают кровостоком). Та же крепость, но масса, Земля, в композиции, меньше.

Конечно, наиболее откровенен прямой угол. Но для рассеивания Силы достаточно и 45 градусов: отсюда — магическая оперативность Розы Ветров и Восьми Триграмм (360 градусов разделить на 45 — получаем 8 Лучей). По этому принципу, кстати, и возведён Собор Василия Блаженного: Восемь Лучей и Центр...

Контрфорсы с аркбутаном и Стена — это соединение как бы несоединимого; противоположностей; — которое, тем не менее, позволяет намного далее выйти за рамки. А это и есть воплощение трансцендентности Луча Духа.

Контрфорс Воина и Стена Монаха (тернер — Тевтон, Тамплиер, Иоаннит; Рыцарь-Монах); Монах-Отшельник и Юродивый: ещё одна такая пара...

Юродство, хвала Богу, тотально пронизывает лицемерие русской (впрочем, любая культура лицемерна: ведь в ее поле, живя в аду, делают вид, что никакого ада нет) культуры и изливаемо, зачастую, плотностью матерной кислоты. «Сектор Газа», «ГрОб», «ХЗВ» — потому так и популярны, что, кроме брутальности дерьма, несут ещё и освобождающий импульс юродства...

Пылает Храм Василия Блаженного: Красоты нет и близко. Красивы: Готика и Романика. Девяти-купольный Храм транслирует особое раздражение. Он заражает ним нечерствые души. Он обостряет дихотомию Духа и Души. Он провоцирует на сгнивание, Он по-юродски приглашает в Святость и потому — горит особым Огнём на Восточной границе Нашего Белого Авалона.

ТРАКТАТ №8
САДЫ НАШЕГО КАМНЯ

Начну с цитаты: «я чувствую, закрывая глаза, весь мир идёт на меня войной».

Конечно: далеко не только это.

Начать разбираться с вопросом архитектурных форм — значит в большой мере уточнить координаты звёздного поиска. Имею ввиду Звезду Парадигмы, то есть — Нить Ариадны; то, что есть условие жизни в Лабиринте.

Камень.
Непоколебимость росчерка священной Формы.

Означенное в векторах и смыслах Присутствие. Путь к Нему, к его Чистоте.

Да, Время для нас — не первично и из решения Квадратуры Круга Двух Осей мы выбираем Присутствие, как бытие вне Времени (это значит иерогамию Вечности и Мгновения).

Все Воззрение на архитектурные Формы исходит из такого Базиса.

И Формы сии для нас не равноценны: с одной стороны — крепость и утилитарность; с другой — как бы эстетика (впрочем, она всецело транслирует Смысл и Воззрение; потому нет никакой «красоты вообще», а имеет место быть «Наша Красота»). Тернером бинера «Крепость — Храм» и есть все многообразие стилистики Сооружений. Вариант «Комбинат» (или, если угодно, «Завод») нам не интересен и для нас — он не более, чем часть «Крепости».

Материалы:

- Исконный Бинер: Древо — Камень.
- Металл, как значительное удаление от него.
- Все остальное (в основном, полимеры, а это — продукты нефти («чёрного золота»)) — нами не воспринимаются вовсе. Они не могут дышать. Даже — суррогатами Вечности...

Важное замечание: здесь и далее речь об архитектуре Западной ойкумены — я не рассматриваю вообще Исламскую, Дальневосточную и т.п.

Византийская, тем не менее, а также — вся современная, попадают в поле исследования.

Чутьё на истинность Формы есть Знаком наличия Тайного Огня в композиции и некой отстроенности себя в контексте «камертона Истины». Потому, нету места никакой толерантности и «плюрализма мнений» — все, кто не согласны в целом с изложенным в этом трактате, либо не в фокусе ключа различения (то есть не обращали внимания на сей вопрос), либо — рабы, либо — наши враги по Воззрению.

Итак, пока что, на этом этапе различения и Знаний, три основных Объёма архитектуры Запада (в широком смысле).

1. «Наша Архитектура». Зодчество Белого Авалона. Ядро: Романо-Готика (Нео-Готика и Романика, тоже, так как здесь определяюще не Время, но Форма), как наиполнейшее выражение в нашем измерении Истины, посредством кода Апофатики и Катафатики и Их недвойственного Единства. Время: Где-то — десятый — четырнадцатый века, то есть: собственно, Средневековье. Сюда же относится все подобное: так называемая Каролингская архитектура, образцы Армянского Зодчества и т.п. Безусловно: почти весь объём Деревянного Сакрального Зодчества.

1. «Не Наша архитектура», те строения, в которых нарушены священные пропорции Апо/Ката-фатики (в основном — в стороны либо переизбытка катафатической похоти, либо — ложной фиксации, либо — отсутствия трансцендентной Свежести Луча Духа). И здесь в центре — Классицизм. Очень важная точка отсчёта, причём имеющая отношение и к переходу в «мерзость запустения» «не-архитектуры», — Барокко... Здесь же —

Античная и Византийская архитектура. Время: до эпохи Средних Веков и с периода «Ренесанса». Это — «архитектура ложных путей и духовных ошибок».

2. «Не-архитектура», вся современная строительная конвульсия (приблизительно, последних 100–150 лет), кроме реплик первых двух и аппеляций к ним. Этот объём связан с Воззрениями победившей Чёрной Магии, инфра человечностью и выблевом адских модальностей. Здесь, в отличии от второго Объёма, мы имеем не «слепца и глупца», но конкретного Врага. И одна из его целей — тотальное рабство всех и вся в нашем измерении... Все здания такого типа — уродство и вирус инферно: Модернизм, Постмодернизм, Хай-тек, Био-тек, Ар-Деко, Деконструктивизм, Конструктивизм и так далее и тому подобное...

Конец Эпохи Белого Авалона чётко начал проявляться с постройки Собора Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции по замыслу и с подачи инспирации, вошедшей в Филиппо Брунелеске (1377–1446). В 1417–1436 годах на Готическое Здание был водружён Купол, который всецело не сответствует духовному пространству Нашего Искусства (по крайней мере — в обсуждаемом контексте).

Была поставлена Печать. Началось так называемое «возрождение», а на деле — отход от истинного Вектора. И если Архитектура Авалона исходит из Севера Франции, оттуда мультиплицируясь в другие страны и регионы, то «ренессанс» истекает из Италии...

Барокко заслуживает быть отдельно упомянутым в контексте опознания злейшего Врага.

Сей стиль вышел из Классицизма, но под влиянием Инспирации «испорченной жемчужины». Для него характерны множественная, крайне приторная, горизонтальная складка (что умножает аспект материальности), похотливый сентиментализм (по сути — сексуальное уродство, ведущее к душному всецелому отсутствию Свежести), постуляция и демонстрация гордыни и самолюбования. Этот стиль всецело закрывает путь на Небеса посредством впечатлений от архитектуры и «Священного удара» сакральной Формы.

Он фиксирует рабов в тюремной камере, закамуфлированной под номер уютного отеля.

Рококо только подразумевает усиление всех этих влияний спертого ада, замаскированного под Дворец.

Нам не нужны Дворцы: нам достаточно Крепостей и Храмов...

Барокко, силой своей крайне извращённой экспрессии и уродливо сублимированной похоти, окончательно отсекает даже наследие Античности, суммированное в Классицизме и открывает врата демонам инферно — они и повылазят щедро и многовариантно, посредством множественного веера «новой и новейшей архитектуры».

Ампир, к примеру, в контексте нашего исследования — это «Классицизм, возведённый в квадрат гордыни и ее пафоса»...

Утилитаризм зашкаливает в феномене «хрущевок». Их-то и квартирами нельзя назвать — что-то вроде собачьих будок, только из бетона (хотя «песьи квартиры» даже более затейливы в своём декоре); нижайшие потолки, конурки метража — все это, язык не поворачивается назвать «формой», отменяет базисную человечность и постулирует мини винтик в мега машине.

Остальное предельное уродство, в котором попрана Мера и соотносимость, а также отсечены любые проекции Небесных Иерархий (вкупе с их отражениями), постановляет грандиозный разброс всего мракобесия современного градостроительства: инфернальные города...

К примеру, чего стоит хотя бы пресловутый Центр Помпиду в Париже: если кто-либо посчитает ТАКОЕ красивым, то он либо урод, либо дебил, либо — проклятый вражина.

Остудим, однако, градус: все, описанное выше, вполне справедливо для Мистики Трёх Роз; Четвёртая, Тайная Чёрная, в корне по-иному созерцает сие. Однако, ее Воззрения — закрытые и могут осознаваться только после устойчивого базиса предыдущих.

Намёк: в Черной Розе нет иерархии...

И: Она — только 1/4 Круга Истины.

Потому, означенные выше схемы и классификации, вполне оперативны для «Входа во Врата» и для «Паломнического Шага».

Вернёмся, однако, к Храмам и Крепостям Нашего Белого Авалона — то есть к Романо-Готике.

Я сознательно не разделяю отдельно Готическую и Романскую Архитектуру: как нельзя, в принципе, разделить Исток, Реку и Океан (в данном случае: Романика — Исток и Океан, а разные виды Готики — множество рукавов данной Реки).

И, да, порою, может даже казаться, что Готика, например — Пламенеющая, никакого отношения не имеет к Романике, однако сие не так. Вода в них — один и тот же Тайный Свет глубинных Архэ Истины.

Примечательно: оборонная Архитектура, а именно — Крепость (со стенами, Башнями и Донжоном) есть

конкретно Романика. Возникшие после бастионы, приземистые мощные сооружения, как способ противостоять разгулу злого огня артиллерии, уже имеют совершенно иную эстетику и транслируют совсем иной посыл ощущений и чувств и они — не Средневековье. Так мы обнаруживаем предел «рыцарских доспехов Града» — Крепости, во времени. Ее, это сооружение, убивает развитие тяжелого огнестрельного оружия, так же — как латное рыцарство уничтожается лёгким оружием на основе пороха и пуль.

И Башня — основа основ Романики: как в контексте Храма, так и в измерении Выживания, Замка, — то есть в этом архэ (Башни) недвойственно сливаются воедино Магия (путь Силы и выживания, «Крепость») и Мистика (тропа Мудрости и Состояний на Пути к Истине, «Храм»).

Готика все же более тяготеет к акцентированию именно мистического подвижья (оборонные сооружения в ее время в чистом виде остаются Романскими), но, возможно, именно по этой причине ее так рьяно защищает и воплощает в мир Тампль.

Обретается вот то самое Сокровенное Равновесие...

Многим гражданам, пребывающим в этом людском измерениии, после века так семнадцатого, кажется, что Романские Храмы тяжёлые и мрачные.

Это не так.

Они не тяжелы и тем более, не мрачны.

Они — НЕПОКОЛЕБИМЫ.

Так же НЕПОКОЛЕБИМЫ, как алмазно непоколебима сама ВСЕПОЛНАЯ ИСТИНА.

С НАМИ БОГ.

ТРАКТАТ №9
ВЕДЬМИНА КАЛИТКА КАЛИНОВОГО КУСТА

Трактат о вдохновительницах и губительницах оперативной Работы.

Женщина...

Оставив альбическую Деву за поворотом не случившегося потенциала, обратимся к ее двойнику, царствующему в подлунностях теперь.

Это — хорошо приспособленная к аду турбо-машина, работающая на топливе своего же страдания и отчаяния.

Выхлоп из ее жерла, не только оргазмические стоны и звоны, не только «радостные хлопоты о детях малых», не только боевая раскраска косметики и маникюра, но и — собственные страсти «бытия вне смерти». У неё — удивительная способность: воспринимать крик и некалечащие побои как успех, притянутое интенсивное внимание интенсивного «оно»; и — параллельно: возможность спокойно прирезать холодным скальпелем свою и другую душу.

Впрочем: на хера козе баян? — в смысле — зачем душа, когда есть клитор, свои пальцы и губы подружки!?

А ещё лучше, чем клитор — успех: это когда никто никому вообще не нужен и не интересен — однако все излучают себя на восемь сторон и делают «атмосферу позитивчика».

Аплодисменты: похоже, наша героиня никогда не раскаивается. Она просто приспосабливается под новые обстоятельства, холодно ощущая в себе цену статуса своей молодости и «похожести на звёзд» (кстати: «звезда» — весьма созвучно «пизда» (в смысле, органа и всему)).

Стремление к полиандрическому утверждению «взять от жизни все» у неё в крови, впрочем, как и наркотики разного рода. Так закаляется сталь...

Вуаль прорвана давно и это уже никакое не событие.

Бытие воспринимается оптимистично и дети вполне могут быть (или даже есть): так чего париться?

Все идёт как надо.

Важный момент точки отсчёта: престижная работа.

Тогда искомая холодность имеет место быть в необходимом уравнении прощания со слабостью.

Джунгли «божественных волос» и эротическое напряжение пониже пупка ничем не хуже органа в храме (точнее — его пролонгации посредством похоти барокко)...

Так обретается устойчивость маски: врач, юрист и бухгалтер, — но, конечно, лучше «свой бизнес» или «звезда».

Успех вовсе не отменяет крестообразные жесты рукой, хотя разом с тем — имеют место быть фитнес и йога.

Йога могущества — все хотят именно ее: «как будто нету никакого пиздеца».

Распахнутые глазёнки умеют бывать глазищами: а в базовом состоянии — подернуты базовой листовостью металла. Это сокрыто, пока не сотворена карьера. Вместе с комфортом и отдыхом на югах — она божество.

Этот «бог» только и нужен для обслуживания вертепа развлечений.

«Красота» проклинает через потакание гордыне, «некрасивость» репрезентирует ее букетом всевозможных компенсаций, «курсами миньета» и «сексуальными практиками».

Череп с косичками, чулки на крупных бёдрах, росчерк тяжёлой фасцинации в пролонгации «сладких концлагерей»...

Не повезло тому, кого зацепили за живое: ведь живое-то, душа.

Ведьма.

Конечно, Святая Инквизиция имела, наверное, довольно много перегибов — но: факт — она лет на триста-четыреста отодвинула эпоху победившей гинекократии. Не оставляли даже костей...

Сжигали.

Блокировали тотальность черно-магической инвольтации посредством сексуально-эмоционального шантажа, эротического гнета и прихотливых фасцинаций.

Последнее — это когда нечто увидел, зажегся, побежал и забыл себя...

Ведьма. Ингредиентов много. Мучение металлов...

Ох, и мучение: горит-то и плавится душа. Ее слои. Квинтэссенция боли. И кто проведёт ведьму такую сквозь ее же инферно, одно на двоих?

Люди: бараны — стрижка и убой. Сами охраняют себя же и ближних посредством зависти, обид и сплетен. Сами же ведут друг друга на мясокомбинат. «Возлюби ближнего» — это, в первую очередь, верни ему память про свободу, как-то покажи где он (на зоне). И: научи как сбежать из Египетского Плена...

Если попы и церковь сегодня учат социально-культурному конформизму — они сейчас же служат Сатане.

Женщина — в исключительно рискованной ситуации искушения оперативностью ведьмовской реализации. Ведь сегодня: «лохи» — это рабы, а «успешные» — чёрные маги разной квалификации.

Мы охраняем Караваны Паломников. Сие означает — разрушаем иллюзию «все Ок» и мучим металлы. Мучим ведьм, даруя им прозрачное успокоение, свободное

от бодряка преодолений и горечи побед; их разрывает на части соблазн таки воплотить свой яркий и с удовольствиями путь падения в ады (ощущаемый ними, однако, при жизни как «власть и наслаждение») и упомянутое выше «счастье за пределами счастья».

Ведьмы буквально сходят с ума и пытаются сломить нас: в основном, через канал гордыни нашей.

Не всегда им удаётся сие...

Альба рассветных сумерек: мой череп выплакал пустые глазницы собственного отчаяния.

Я, мы, идём которое столетие по выжженной пустыне; порою — встречаются реки: они из густой крови тупого баранья; иногда — оазисы: их сложили судьбы терпил.

Мы не пили вечность и нашу жажду утолит только Вода Иордана.

Ведьмина вода — фикция. Обман. Она сама пьёт угли горячие, ими же кормит ребёнка своей погибающей души...

И все же: мы не бросаем никого — Тевтонский спецназ берётся помочь дойти до Святого Иордана всем; и им, дщерям погибели и разврата, тоже есть место в Нашем Караване.

Если Ты встал на тропу Белого Рыцарства Авалона — практически, нет сомнений: Тебя ждут множество испытаний и искушений в Опусах с многочисленными ведьмами. Ведь Ты для них, а точнее — для ведьминых хозяев — лакомая добыча. Тебя ждут жесточайшие и беспощадные бои за свою душу и за души ведьм, вошедших с Тобою в контакт. Итог, мягко говоря, не очевиден: Ты можешь победить, сумев спасти и ее; возможно — не дашь уничтожить лишь себя; есть опасность — в сладостной обнимке улететь в бездну ада...

Большинство людей больны страшнейшей болезнью глубокого скудоумия и потому главный критерий истины

для них — Сила во множестве своих проявлений. Собственно, кроме этой самой Силы, они ничего и не видят. А поскольку, ведьма всегда связана с определённой силой — постольку, многие тайно уважают ее, мечтают такою стать или завидуют ей. И все это — от отсутствия Знания. Расплата за ведьмин путь — страшнейшая.

Дело в том, что только-маг, человек или существо Силы, всецело отвлечен на интенсивность, а это — предельная катафатика. Апофатическое Божество для таких — практически, пустой звук, ведь оно не утилитарно.

А значит — все маги и колдуны — рабы; ничтожные кирпичики в гигантской Пирамиде Гнёта; всего лишь псы, охраняющие человеческое баранье стадо, или, в лучшем случае — волки, уводящие из него овец.

Да, ведьма, пока не пришёл час расплаты (а, к примеру, умирают они все очень тяжело) как правило, чувствует себя не плохо. Говоря по-простому, ее прет. И эта пруха ею самоощущается как безусловная правота; разум работает в режиме самооправдания. Равных себе она имеет в виду и избегает (что-то вроде пакта о ненападении), более сильных — обожествляет (втайне мечтая их уничтожить и занять их место), остальных видит как пищу для своих разнообразных похотей. Добросердечие, ведьмой определяется как маркер слабости — а значит: доброго нужно использовать, поиметь, а потом и растерзать потехи для. Потому-то, в своё время, самых бодрых дам и ждал костёр... Тевтонский Меч ставил на подобающее место славянский матриархат. Сочувствие к ведьме — пресечь ее гибельную, в том числе для неё, деятельность.

Конечно, наивысший путь здесь — ввести ведьму в немирское Знание. Так ведьма, этот демон на побегушках, может трансформироваться (правда, чаще всего, через сильную боль) в пресветлую Дакиню (язык буддистской Тантры).

Нагорная Проповедь Спасителя — это тот уникальнейший Дар людям, который передаёт эссенцию того, что жить «в охоте за Силой», только так, — страшнейшее проклятие, которое всецело блокирует удовлетворенность, блаженство, свободу и отрезает от Истины.

Ведь Истина — это очень точное равновесное и недвойственное Единство катафатики и апофатики...

Можно сказать и так: Формула ведьмы хорошей квалификации — Воля и Разум в числителе, Пруха и Похоть — в знаменателе.

Однако.

Любое множество, умноженное на Ноль в итоге даёт Ноль...

Путь Истины прост: его Формула — Сердце.

Этим сказано все.

Или: почти все.

Ведь ещё нужно точно понять, что именно имеется в виду под этим словом.

Современная ойкумена ужасна: в ней для ведьмы открыты все пути и она приходит к «успеху» весьма легко. Торжество матриархата и гинекократии убивает в зародыше не только Рыцарство в мужах, но и Альбу— в жёнах. Кумиры большинства дам, образцы для подражания — паскудные сучки, эти блядские «светские львицы».

Ксения Петербуржская растаяла на белом поле, а темная Лилит раздаёт взаймы скорбный пепел. Его берут в обилии и зрят конфетами...

Бал безумия и душной похоти продолжается.

Мы, Тевтоны Звёздного Севера, вспомнили себя. Узрели хари и рожи нелюдские. Увидели этот Бал.

По одной, порою, отводим очередную кандидатку в ведьмы, за шторки. В темный угол. Прижав к стене, объясняем кое-что.

Дорогие ведьмы, нужно вам, а не нам.

Пока ещё у вас есть жизнь.

У нас — Знание.

Вы можете все исправить...

Будет трудно.

Очень.

И — больно...

Но оно того стоит.

ТРАКТАТ №10
БЕЛОЕ РЫЦАРСТВО НАШЕГО АВАЛОНА

Рыцарство.

Явление совершенно уникальное единственное и неповторимое в своём роде.

К сожалению, с тяжёлой руки его и наших врагов, информация и впечатления о Кентаврах Малой и Большой Святости сильно искажены.

Практически, мало кто сейчас представляет суть, эссенцию сего Опуса.

Рыцарство и его измерение совершенно неверно толкуется либо в ключе романтизма и сентиментальности, либо — цинично вульгаризируется до утилитарного насильственного воинства.

Ни первый, ни второй комплекс идей не имеет ничего общего с Миром Небесных Меченосцев; не верно, также, искать некие аналоги Рыцарству в других временах и землях...

Корень Рыцарского Опуса манифестирует божественное происхождение и не связан с банальщиной военного

управления территориями, а также — с вульгарными противостояниями в борьбе за мирскую власть.

Собственно, Рыцарство, есть оперативное проявление Нашего Белого Авалона, эманирующего из Чаши Грааля. Это — ни на что не похожая Линия Передачи немирского Знания. Если угодно, — Рыцарство, есть своеобразный «прозрачный лед» Воды Крещения, содержащей в себе Тайный Огонь Духа Святого. Сие — не просто красивые слова, но очень конкретная Алхимия Сакрального и Сверх Сакрального...

Удивительно то, что в своём расцвете, Рыцарство около 300–500 лет фактически полностью подчинило социальную и культурную среду Западной Ойкумены, практически всецело насытив быт всех и каждого теми или иными иконами истинной Святости.

Небесное Воинство, в целом, ДЕРЖАЛО мощную проекцию Небесного Иерусалима на подлунные миры — такого не было никогда ни до, ни после...

К сожалению, вероятнее всего, Линия Передачи Рыцарства до нас не дошла в виде преемственности Учитель-Ученик. Современные «рыцари» и «рыцарские ордена» — жалкая пародия на Воинство Белого Авалона. Точно также, канули в Лету аутентичные методы подготовки Рыцаря...

Однако: слава Богу, остались медиаторы той Славы — в первую очередь, она сохранена в Священных Формах Романо-Готики.

Потому, Паломничество в узорах такого рода Храмов, может вывести на Инспирацию Рыцарством Авалона, ибо «просите — и дано будет вам...».

Теме Рыцарства посвящено довольно много научных исследований и монографий: однако — практически все они сосредоточены на разного рода второстепенных аспектах, либо вообще изначально смотрят на это явление предвзято — потому в такого рода трудах вы не найдёте сути вопроса.

Эссенцию сию, в первом пробном приближении, я попытаюсь изложить ниже.

Источник?

Инспирация Белого Авалона, прочитанная в свитках собственного Сердца и увиденная в зеркалах Романо-Готических Храмов, испрошенная у Святых, Королей и Рыцарей.

Время:

1. этап становления и кристаллизации — приблизительно с восьмого по одиннадцатый век;
2. этап расцвета, Силы и «бытия в Славе» — где-то с 1000 по 1307–1314 годы;
3. этап рассеивания и «ухода в сокрытие» — с четырнадцатого по шестнадцатый век.

Пространство: Западная Европа, корень: Северо-Запад. В период расцвета — практически вся Европа и часть Ближнего Востока.

Эссенция Сущностного Ядра.
Базовая Триада —
«Служение Богу, Даме и Королю».
Ключ расшифровки:

- «Бог»: «перст, указующий на Всеполную Истину»;
- «Дама»: Зеркало собственной Чистоты, Мудрость (как следствие обретение активного андрогината), Альба и мост к ней — Мария Магдалина;
- «Король»: Порядок от Пути к Истине, Порядок от Бога.

То есть: «Истина, Жизнь и Священный Порядок».

Рыцарь — как бы орудие Истины, субъектный актор в игре/войне сущностного Пилигримажа. Смысл его Тропы: отрешиться от той своей воли, которая отделяет его от Бога, — то есть, от эго и гордыни.

Три ступени Рыцарского Посвящения:

ПАЖ — умение и устойчивый навык контролировать свои эмоции и страсти. Освобождение от безумного эго. Обретение устойчивого внутреннего покоя. Навык перепроверки своих мыслей на предмет их адекватности вызовам выживания и мистического Пути. Свобода от рабства у своей правоты. Спокойное видение «как есть».

ОРУЖЕНОСЕЦ — становление на Путь Воина. Победа над хаосом внутри себя и выстроенность относительно Осей Делания. Качество Целостности, жизни в Опусе без разрывов и Искусство поддержания непрерывного Огня. Чистота, как базис состояния души. Принятие Меча, как символа примата Духа и Воли.

РЫЦАРЬ — умножение Оруженосца на самого себя, то есть — выход за свои пределы. Знак Золотые Шпоры: символ Благородства, как полного контроля Высшего Начала над Низшим и над человеческой природой в целом. Жизнь Истиной и в Истине...

Далее следует стадия: ПОДВИГИ РЫЦАРЯ. Это — движение в Неизвестность, опираясь даже не на Воду, но на Воздух; и там — Искры исконной Святости... Преодоление препятствий и искушений.

Конечный Плод обретали только избранные из избранных — Чашу Грааля, как Корень Проявления Нашего Белого Авалона.

РЫЦАРЬ — это тайный Опус совершенно особого бытия в смутное и переходное время, когда такой Воин опирается лишь на Истину в своём Сердце, а весь остальной мир опирается на него.

«Рыцарь без страха и упрёка».

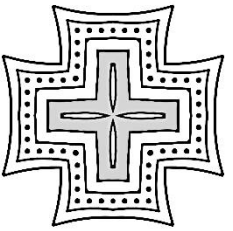
Существует две базовые ошибки в описании и в осознании Рыцарства:

1. ОШИБКА РОМАНТИЗМА — есть сентиментальное опошление Рыцарского Подвига и обусловлена она инфантилизмом вкупе с доминацией подростковой похоти разных видов; сие присуще, в основном, художественной литературе.
2. ОШИБКА РЕАЛИЗМА — это циничная вульгаризация Рыцарства в контексте черно магического акта «истолкования Высокого, через Низкое, а Тонкого — посредством Грубого»; этим занимается официальная историческая наука.

Наш Белый Авалон — это Чистая Страна Вечного Рыцарства и, собственно, цель Паломничеств, описанных в книгах Вечного Сентября, — войти в контакт с этим измерением и мультиплицировать его.

На щите — Единорог, цвета и сияния только что выпавшего Снега...

НЕ НАМ, ГОСПОДИ; НЕ НАМ...



Основное оглавление

Краткое оглавление 3

Введение 5

Часть 2. Паломничество в Священную Францию 8

Глава 16. Телепортация в Белизну 8
Глава 17. День Всех Святых 12
Глава 18. Франция. Усыпальница. Пути к крипте 15
Глава 19. Цитата: текст иерусалимского ордена 22
Глава 20. Моя Ревекка моего Авалона 25
Глава 21. Два часа в Сансе и Святая Коломба. Orsa 27
Глава 22. Город Кретьена Де Труа 31
Глава 23. Труа: улица, дом и храм 33
Глава 24. А зачем ездить? 37
Глава 25. Вечер в Труа; некие размышления о начале пути 39
Глава 26. Труа — Осер. Напутствия страннику 41
Глава 27. Два часа в Осере 47
Глава 28. Авалон проступает в Аваллоне 48
Глава 29. Аббатство Везле — точка отсчета созвездий нашего камня, меча и чаши 50
Глава 30. Из Везле в Осер. Отсечение передачи Авалона 52

Глава 31. Петли дорог. Путь на восток: верхом
на железной змее 54
Глава 32. Все ещё едем... (к вопросу о циркуляции)..... 59
Глава 33. Бурж — город в холодных сумерках 65
Глава 34. Возвращение в Шартр 67
Глава 35. Шартр. Тайна Северной Калитки..... 70
Глава 36. Ассасины Северной Калитки..... 75
Глава 37. Синие розы Северной Калитки 79
Глава 38. Северная Калитка в Авалон
Молчащей Лилии 82
Глава 39. Ворота Ренна 89
Глава 40. Мон Сен Мишель — время ухода вод 90
Глава 41. Пространство черепа Обера. Авранш 95
Глава 42. Клуатр Мон Сен Мишеля, Ампелос
и эхо Томара 103
Глава 43. Возвращение в Париж 106
Глава 44. Умереть — и увидеть Париж..... 108
Глава 45. Нотр Дам: другая жизнь Парижа 114
Глава 46. Мы — капли цветного стекла
в тайном витраже 118
Глава 47. Печать этого паломничества 122

Часть 3. Увязывание и фиксация 128

Глава 48. Возвращение в сосуды свои..... 128
Глава 49. Некоторые объёмы некоторых котлов..... 133

Часть 1. Подготовка к пилигримажу 139

Глава 1. 20 сентября. Седьмой крест 139

Глава 2. Благородная Лальба Прозрачных Сумерек 150
Глава 3. Заметки о ландшафтах или
возвращение себе себя 159
Глава 4. Колода пустая сошла под дождем... 161
Глава 5. Стальной язык небесного волка 163
Глава 6. Пятно от коллиматорного прицела: во что
хотим попасть 165
Глава 7. Странное время — странные вышитые рушники
жестов и деяний 166
Глава 8. Зеркала, как колодцы островной души 171
Глава 9. Минск — белое путешествие 174
Глава 10. На границе тучи ходят хмуро... 176
Глава 11. Хождения за три моря — на подходах
к искусству переплавки 179
Глава 12. Между упругой плотью двух снов 186
Глава 13. Кунг-фу скитальцев 192
Глава 14. Сны святого Роха 195
Глава 15. Сердце осознания. 14 станций,
Анна и Чорткив 203

Заключение: Печать Везле 209

Часть 4. Трактаты 211

Трактат №1. Ритуал «Трёх Проходов» 211
Трактат №2. Orsa 214
Трактат №3. Игла Эйфелевой Башни стремится впрыснуть
в небо металл нижних миров... 215
Трактат №4. Святой с отсечённой верхушкой черепа 221
Трактат №5. Территория и траектория 225

Трактат №6. Проблема купола — очерк о ложной фиксации духовной гордыни 230
Трактат №7. Контрфорсы и аркбутаны Василия Блаженного 236
Трактат №8. Сады Нашего Камня 240
Трактат №9. Ведьмина Калитка Калинового Куста 247
Трактат №10. Белое Рыцарство Нашего Авалона 253

Устный комментарий к этой и другим книгам Вечного Сентября — канал на Youtube «Северный Тевтон».